

Ирина Ваганова

Одна в двух мирах

Пролог

Этот день оказался не так далек, как мне бы хотелось. С неотвратимостью его я свыклась, но мечтала отодвинуть. Мне исполняется шестнадцать! Вполне можно подождать до восемнадцати! Я направилась в покои матушки сразу после того, как главный распорядитель сообщил ее волю. Больше всего меня задел самодовольный вид Каука. Еще бы, одним из претендентов на мою руку, а заодно и будущую корону, будет его сын — прыщавый и одутловатый, вечно щуривший близорукие глаза Берт. У него нет шансов победить в отборе, однако попадание в претенденты повышает статус его семьи. «Нимфа Грозových утесов, помоги преемнице! — молилась я. — Праматерь и заступница, смилуйся. Кого еще пригласили на отбор, если один из претендентов Берт?» По мере приближения к цели пыл мой ослабевал, и толстый, потеющий от суетливых движений распорядитель уже не казался таким уж противным. «В конце концов, — рассуждала я — пройти эту процедуру, да и забыть о ней! Всего то и нужно: сидеть на троне рядом с матушкой, кивать и улыбаться по ее знаку». Я замерла, не дойдя до высоченных — в три человеческих роста — двустворчатых дверей, украшенных фигурами царственных особ верхом на фитрах. Резчик игнорировал тот факт, что в реальной жизни фитры невидимы, и изобразил их похожими на барашков величиной с лошадь. Не могу сказать, что мне нравились барельефы, я бы предпочла представлять королевских магических животных львами или пантерами.

— Ясная Заря, — отвлек меня от разглядывания дверей вынырнувший из-за колонны Элих, — доложить?

Этот рослый парень был одним из немногих во дворце, кто, показываясь на глаза, не вызывал во мне приступ нервной дрожи. Не дожидаясь согласия — я растерялась и готова была кинуться прочь, он стукнул об пол жезлом и загорланил:

— Ясная заря Юлла пожаловала к правительнице!

«Совсем скоро стану невестой, — мелькнула печальная мысль, — и ко мне будут обращаться иначе».

Створки поплыли в стороны, показывая двух кланявшихся охранников и синюю дорожку с вытканными на ней бледно-розовыми облаками. Пришлось идти. Элих замер в торжественной позе и подмигнул мне, когда я проходила мимо. Хотел приободрить. Хороший парень, жаль, что не магических кровей и не может участвовать в отборе. Ну вот! Уже и присматриваюсь! «Я не хочу замуж!» — напомнила я себе.

Визит к матушке не задался. На что я рассчитывала? Правительница Росистых лугов обладала магией убеждения, которой я, к несчастью, не унаследовала. Уже через пять минут, пристыженная тем, что отвлекла ее лучистость от раздумий о благе страны, я плелась прочь. Слезы не шли, а как бы хорошо было поплакать! Глаза оставались сухими, только в носу щипало. Я уже не решалась молиться, в глубине сознания упрекая Праматерь за равнодушие к моим желаниям. От Нимфы Грозových утесов через дедушку и отца я получила власть над фитрами и считала эту затратную магию причиной того, что лишена способности убеждать. Два дара редко уживались в одном человеке.

Чтобы отвлечься от дум о скором испытании, я отправилась в розарий. Несмотря на позднюю осень, здесь благоухали большие и малые кусты — дар многоуважаемого и богачейшего Тиннета Апола — обладателя магии плодоношения. После исчезновения моего отца дальний родственник поселился во дворце и опекает матушку, а не так давно приехал погостить его сын Зергэ. Младший Апол, как я успела заметить, свел с ума мою подругу Диин. Вот уж кому пора замуж!

— Юлла! — послышался горячий шепот. — Как все прошло?

Звук доносился из-за пышного, усыпанного фиолетовыми, еще не раскрывшимися бутонами куста. Аромат они источали терпкий и ненавязчивый, чего не скажешь о других сортах, представленных в розарии.

Вспомнишь легкомысленную подружку — она тут как тут. Еще три фрейлины гуляли вокруг фонтана: льющаяся из гигантского кувшина на мраморные фрукты вода — напоминание о гербе Аполов.

Если выбирать, предпочту общество Диин другим девушкам. Я потеряла щеки ладонями, прогоняя бледность, и растянула губы в улыбке.

— Ну как? Рассказывай! — защебетала подруга, едва я обогнула куст.

Вообще-то Диин обладала магией утешения. Все предопределено так, что скулы сводит от оскомины! Мать — убедит, подруга — утешит, знай бреди предначертанным путем. Как же я завидую отцу! Вот кто живет, игнорируя чужие ожидания и собственные обязанности! Хочет путешествовать — путешествует. Не желает возвращаться — не возвращается. Я сжала кулаки так,

что ногти впились в кожу ладоней. Был бы папа дома, не позволил проводить несвоевременный отбор! Я, наконец, посмотрела в распахнутые глаза Диин. Ласковые как весеннее небо, цветом напоминающие крылья бабочки Голубой Морфо, привезенную мне отцом из предыдущей поездки, они выражали не столько любопытство, сколько сопереживание. Я развела руки, словно принимая приглашение на танец, и объявила, не сдержав горькой усмешки:

— Через десять мучительных дней Ясная заря обернется Утренней росой.

— Счастливая! — мечтательно зажмурилась Диин. — Как бы я хотела выбрать жениха. — Она с укором посмотрела на меня: — Но никому не позволено сделать это раньше дочери правителя.

— Когда она вошла в возраст, — поправила подругу я. — Мне еще год можно было...

Диин не слушала:

— Умоляю, не выбирай Зергэ, если вдруг он приехал для...

Она замялась, ее руки прижали к груди громадное яблоко.

— У вас было свидание? — догадалась я.

Диин затрясла головой, отрицая, хотя кто еще во дворце мог подарить девушке такой великолепный фрукт? Теперь он лежал на ладонке фрейлины, и мы обе им любовались. Ярко оранжевый с багряными прожилками, блестящий глянцевыми выпуклыми боками, он так и просился в рот. Впитаться бы зубами в хрустящую мякоть, прокусив тонкую упругую кожицу, ощутить на языке кисло-сладкий вкус, почувствовать, как по подбородку течет сок...

— Хочешь? — протянула яблоко Диин.

Я не смогла отказаться. Умеет подруга утешить, даже исподволь.

Мы расположились на мраморной скамье, украшенной изображениями ваз с фруктами и кувшинами, льющими воду.

— Ну и как? — поглаживая пальцами холодненькое яблоко, спросила я.

Диин встрепенулась, гоня задумчивость, и пожала плечами.

— Это не было свиданием. Прослышав о готовящемся отборе, я навязала разговор человеку, без которого не мыслю жизни. Когда я еще смогу признаться в своих чувствах? — она протяжно вздохнула и расправила подол платья, цветом и структурой напоминавшего цыплячий пух. Освободившись от подарка любимого, она искала занятие пальцам, то теребя кружева, то поглаживая стылый мрамор подлокотников.

Не могу сочувствовать этой глупышке! Зергэ симпатичный, хорошо воспитанный, состоятельный жених, но ничего воспламеняющего я в нем не замечала. Мне весьма неприятно было с ним общаться.

— Напрасно ты решилась на это, вряд ли он... Проще говоря, я не собираюсь выходить за Апола, — заверила я подругу.

Она повеселела и хлопнула в ладоши.

— Пусть! Пусть я выглядела душой! Но как прекрасен его взор! Теплый и ласковый, словно майские лучи!

— И что же он ответил? — спросила я, поднося яблоко к лицу и вдыхая медовый аромат.

— Благодарил. Сказал, что польщен, что я прекрасная девушка, и он был бы рад назвать меня невестой, но пока не владеет своими чувствами.

— Ясно, похоже, он все-таки будет участвовать... — вздохнула я и прокусила атласный бок яблока.

В следующую секунду стала сползать со скамьи и почувствовала удар по затылку. Пальцы разжались, выпущенное на свободу яблоко покатило по ноге и с глухим стуком ударило о спрессованный песок дорожки. Диин закричала.

Я наблюдала за происходящим с высоты. Мое тело распласталось на скамье, по спинке ее, начинаясь от горлышка каменного кувшина, тянулся кровавый след. Вот обо что я стукнулась! Машинально тронув затылок, ничего не обнаружила. Как такое возможно? Лежу там и порхаю здесь. Меня поднял в воздух фитр? Но его нет подо мной!

Подруга орала. На крик примчались другие фрейлины и завизжали так, будто к ним в купальню ворвалась банда насильников. Не утратив способности видеть и слышать, я не ощущала ничего: ни дуновения, ни аромата, ни боли.

Сбежались охранники. Они подхватили мое тело и суетливо поволокли его во дворец. Я, как магически привязанный фитр, летела следом. Вмешаться в происходящее не могла, лишь наблюдала, как стражники уводят фрейлин, как лекари осматривают мое тело, как матушка раздает приказы. Вскоре суета прекратилась, меня оставили одну в сумрачной комнате у выхода на задний двор. По-прежнему паря на расстоянии распахнутых рук от себя самой, я попыталась собраться с мыслями. Это смерть? Диин меня отравила? Это я могла заключить из обрывков подслушанных рассуждений. Верная подруга, единственная, кому я могла поведать свои горести, кто мог меня утешить, предала? Поступила подло и коварно? Злость закипала во мне. Все! Все люди такие! Недаром отец подался в чужие края! Тело мое вытянулось на жестком топчане: бледная, будто обескровленная кожа, платье для прогулок, стянутое шнуровкой на груди, любимые сапожки — я собиралась покататься на фитре до того как мне сообщили о назначенной дате отбора. «Нимфа Грозных утесов, — беззвучно шептала я. — Так ты выполнила мою просьбу, Праматерь?»

Уловив шорох осторожно открываемой двери, я посмотрела в проем. В комнату протиснулся Элих. Парень завернул меня в меховую накидку и подхватил на руки. Куда? Элих поспешил прочь, меня потянуло за ним. На выходе к нам присоединилась матушка, одетая в просторный коричневый балахон, что свидетельствовал о скрытности ее поездки. Да. Они крались к ожидавшему за оградой экипажу. «Тело везут к шаману, — догадалась я. Нежели правительница решила на запрещенный обряд?»

Глава 1 Первый сон Джулии

«Давно такого не было и вот опять», — долбилась в мозгу надоедливая фраза.

Юлька часто ссорилась с матерью. Причина всегда одна. Замаскированная, но очевидная. Сегодня мать говорила прямо, и перепалка выросла в реальный скандал. Поводом стал айпад, подаренный отцом достигшей совершеннолетия Юле.

— Ты должна отказаться!

Кому такое понравится? Ладно бы это было всегдашним требованием. Прежние подарки — роликовые коньки, лыжи, велосипед, диски с компьютерными играми — принимались без возражений. Хотя мать критиковала вкус бывшего супруга — маленькие розовые гантели вообще вызвали у нее приступ гомерического хохота, — никогда не запрещала брать «отцовские подношения». Юлька из принципа пользовалась всем, что дарил папа. Каталась, бегала, играла в волейбол, даже занималась гантельной гимнастикой, скачал упражнения из интернета. Мать подозревала, что любовь к спорту дочь демонстрирует лишь из-за подросткового стремления противостоять давящей силе. Тем не менее, продолжала давить, в тайне гордясь тем, как Юлька выглядит. Стройная, подтянутая, выносливая. Девушку можно было принять за профессиональную спортсменку или балерину, если б не мягкость ее улыбки — улыбки человека, не знающего ограничений в еде и ежедневных изматывающих тренировок. Юля занималась в удовольствие.

Сегодня, когда курьер доставил папин сюрприз, именинница была в невозможном восторге. Она кружила по комнате в обнимку с айпадом и пела. Петь Юлька любила, получалось это у нее очень хорошо. На сборищах одноклассников, где ни один концерт не обходился без Юлькиного соло под гитару, она обязательно исполняла пять шесть хитов на заказ. Увлеченная внутренней музыкой и переполнявшей грудь радостью, девушка не сразу заметила подпиравшую притолоку маму. Та стояла каменным изваянием — кариатидой красивой, но холодной.

Услышав требование вернуть отцу подарок, Юлька перестала танцевать, замолчала и сильнее прижала к груди айпад. Пришлось внимать много раз слышанным жалобам на бывшего мужа. Ветров оставил родную дочь и ушел воспитывать чужого сына. Ей — матери — невыносимо тяжело было растить ребенка одной. Но она не принимала предложения других мужчин, опасаясь, что отчим не сможет любить Юлю по-отечески. Теперь ей обидно видеть, как предавший их человек заискивает перед дочерью и покупает расположение подачками.

Надо было смолчать, притвориться что послушалась. Но кто-то другой вместо Юльки выкрикнул:

— Да от тебя кто угодно сбежал бы! Причем тут я? Купишь айпад вместо этого? Купишь? — испугавшись своих слов, девушка бросилась на кровать, подсунув отцовский подарок под себя, зарылась головой в подушки и выла, чтобы заглушить крики матери. Та всерьез разбушевалась.

Когда наступила тишина, Юля поднялась, обвела взглядом комнату: стул опрокинут, толстовка валяется на полу, сложив рукава в умоляющем жесте, джинсы лежат, нарочито выставив разлохмаченные края дизайнерских прорезей, книги и тетради сброшены со стола, листы их замялись. Пришлось наводить порядок. Из комнаты Юлька так и не вышла, проигнорировав ужин. «Пусть сама жует свои котлеты!» Аромат тянулся с кухни, дразня нотами специй и горячего масла.

Отослала папе сообщение с благодарностью за подарок, сопроводив его десятком сердечек и поцелуйчиков. Улеглась спать. Долго лежала с открытыми глазами, наблюдая за отсветами фар на потолке. Машины проезжали по двору, парковались. Люди хлопали дверцами. Звуки, не привлекавшие обычно Юлькиного внимания, сегодня казались особенно значимыми. Ей безумно хотелось, чтобы вот так каждый вечер отец возвращался с работы, выбирался из автомобиля и шел домой. К ним домой, а не туда. Не удивительно ли, что взрослая девушка способна переживать разрыв родителей? Но Юлю огорчало не теперешнее состояние, а пустота, присутствующая в ее жизни уже тринадцать лет. Тринадцать долгих лет она провела рядом с несчастной женщиной, еженощно оплакивающей горькую свою судьбу и то и дело поминающей сбежавшего супруга недобрым словом.

— Заснуть бы поскорее! — сказала Юля вслух. — И пусть приснится хоть что-нибудь!

Обычно она не видела снов. Вернее, изредка снился один: она маленькая бежит по парковой дорожке навстречу отцу. Бежит-бежит и никак не добежит, хотя старается. Но это было, скорее, детское воспоминание, воспроизводимое иногда в отключившемся от дневных забот мозгу. Подруги частенько рассказывали о необычайно ярких и увлекательных сновидениях, Юлька сомневалась в том, что слова их — правда. Если так, почему же она никогда ничего подобного не видит?

Сегодня — то ли стресс повлиял, то ли время настало — ночь отличалась от прежних.

Сначала слышались шумы: шуршание, треск огня и стук — будто кто-то тихонько ударял

пальцами в барабан. Потом незнакомый мужской голос — бас — хрипловатый, сдерживающий свою мощь:

— Юлла... Юлла... Юлла...

Тук-тук-тук тук-тук.

— Юлла! Юлла!

Зовут, коверкая имя. Хотелось открыть глаза, но не получалось, веки словно слиплись. Что ж такое! Люди во сне видят, а тут... только звуки! Теперь зашептал женский голос, сначала на непонятном языке, потом:

— Юлла!

Удалось-таки разлепить веки. В щелочку Юлька разглядела темные, хорошо подогнанные доски потолка. Низкого — не дальше полутора метров от нее. Она лежала на бугристой поверхности, совершенно не похожей на привычный ортопедический матрац.

Женщина прошептала еще несколько иностранных слов, в которых угадывалась радость, и громче сказала:

— Юлла!

Тук-тук-тук тук-тук.

— Юлла! Юлла! — отпустил свой голос мужчина.

«В опере бы ему петь», — подумала Юлька. Сон ей не нравился. Нормальные люди летают, чувствуют необыкновенную легкость. У нее же ломило все кости, мышцы будто залили чугуном, в затылке щекотно свербело. Попробовала пошевелиться. Не получалось.

— Юлла! Юлла! — басил невидимка.

— Да заткнись ты! — пробормотала Юлька. — Хорош завывать!

Стук прекратился. Перед Юлькой возникло незнакомое, обрамленное длинными, довольно густыми седыми космами бородатое лицо с лохматыми, такими же седыми бровями над внимательными карими глазами. Из бороды, где едва угадывался рот, раздалась фраза на непонятном языке, звучащая вопросом. Юля с усилием повернула голову и увидела мать, одетую в длинный балахон из коричневой, похожей на тонкий драп ткани. На голову была накинута бордовая шаль из шерсти крупной вязки. Ну и сон! Мама в жизни бы так не вырядилась! Поймав Юлькин взгляд, мать кинулась к постели, наклонилась низко-низко и заговорила так же непонятно, как и старик до этого.

— Ма?

Радостные возгласы матери прерывались поцелуями, щедро даримыми щекам, лбу, подбородку лежащей Юльки. Та вертела головой, стараясь прекратить аттракцион неслышанной нежности. Юля не раз слышала байки о том, что некоторые во сне говорят на чужих языках, но вот чтобы персонажи трепались, а ты ничегошеньки не понимал? Все у нее, короче, не как у людей.

— Слушайте, вы! — Юлька собралась с силами и оттолкнула от себя лопочущую иностранные слова маму. — По-русски говорите, а?

Мать изменилась в лице и отстранилась, бросив на старика гневный взгляд. Тот поклонился так низко, что Юлька разглядела гладкую плешь на макушке. Не выпрямляясь до конца, он приблизился, внимательно всмотрелся в Юлькино лицо и задал очередной тарабарский вопрос.

— Я не вру-ба-юсь! — медленно выговорила Юля.

Оба они отошли в сторону и принялись что-то обсуждать. Говорили негромко, но властный сердитый тон матери вызывал в Юлькином сердце тревогу, а ровная, не столько оправдывающаяся, сколько успокаивающая собеседницу речь старца — любопытство. Зло брало: ну почему она ни слова не понимает?! Словно недублированный забугорный фильм смотрит без титров.

Наконец мать согласилась с доводами старца, что на нее было совершенно не похоже, взяла навязываемую им бутылочку с прозрачной жидкостью травянистого оттенка, и крикнула в сторону двери:

— Элих!

Скрипнули петли, в каморку, пригнувшись, чтобы не удариться головой, проник рослый парень. В руках у него оказалась меховая накидка. Набросив ее на Юльку и подоткнув края, парень с легкостью подхватил девушку, точно она не имела веса, и шагнул к выходу. Старик пытался помочь, но мама остановила его властным жестом. Сказала еще одну сухую фразу и направилась следом за бугаем, спускавшимся по лестнице с Юлей на руках. У той все похолодело внутри. Лестница была крутая, темная. Навернется еще! Тогда от нее точно не останется мокрого места.

— Не спеши! Куда летишь? — не удержалась она от замечания.

— А-а? — потрясенно отреагировал парень, но шествующая сзади мама опять сказала что-то резкое, и диалог завял.

У дома их ждала безлошадная карета. Небо светлело, но солнце еще не взошло. Дул, постанывая, студёный ветер. Деревья размахивали ветвями, сбрасывая последние листья. Какой холод! Юлька вцепилась в край накидки, стараясь зарыться в нее с головой. Хорошо, что экипаж стоял в двух шагах. Парень дождался, когда мать распахнет дверцу, и забрался вместе с Юлькой внутрь. Устроив свою ношу на обитом кожей диване, он подsunул ей под голову вишневую, пахнущую тонкими духами подушку, поправил накидку, чтобы не падала на пол и, пятясь, вылез наружу. Мать, подобрав полы чудного балахона, зашла и уселась напротив Юльки, спиной по ходу движения. Захлопнулась дверца, щелкнул язычок замка. Сквозь окно в передней стенке кареты было видно, как парень забирается на сиденье, открытое всем ветрам, берет в руки вожжи. Чему тут удивляться? Сон — есть сон. Первый в жизни Юльки сон, если не считать бег навстречу папе, перенес ее в сказку. Хотя нельзя сказать, что он был приятным.

— Н-но!

Возникло кратковременное чувство невесомости, будто на качелях, когда летишь вверх, но потом движение стало равномерным и необычайно гладким. Даже по рельсам так невозможно ехать. Удалось-таки полетать? Если уж не самой, так хоть в чудо-карете без лошадей, типа на воздушной подушке. Ехали, если можно так сказать, недолго. Едва движение прекратилось, карета с легким стуком коснулась земли. Юлька шевельнулась, попыталась сесть, но мышцы по-прежнему не слушались. Зло брало от беспомощности. Очень хотелось проснуться, но как это сделать Юля не знала. Пришлось опять путешествовать в обнимку с парнем. Мать спешила по задворкам огромного здания, открывая калитки и двери. «Носильщик», которого Юля мысленно окрестила Илюхой, размашисто шагал следом. Оба молчали. Узкие коридоры и тесные лестницы вывели крадущихся людей в просторный зал. Источников света здесь не было, лишь рассветные лучи били в окна, окрашивая в алый блестящий выложенный замысловатым узором паркет. Рассмотреть Юля ничего не успела, почти бегом Илюха пересек зал и свернул вслед за Юлькиной мамой в смежную комнату — большую, красивую, обставленную, как покои сказочной принцессы.

«Фу! Как банально», — успела подумать Юлька, прежде чем ее сгрузили на широкую кровать под балдахином.

Мать, застыв изваянием в дверях, следила за действиями богатыря. Тот, сняв с Юли накидку, обнял мех ручищами, поклонился и торопливо покинул комнату. Мама произнесла очередную загадочную фразу и закрыла дверь с обратной стороны. Юлька вздохнула: по приказному тону было не похоже, что дочке предлагали отдохнуть. Хотя больше всего требовался как раз отдых.

Одна она оставалась недолго, успела лишь осмотреться и оценить собственный наряд: платье до пят, стянутое на груди и животе жесточайшей шнуровкой. Вот почему так трудно дышать! Юлька негнушными пальцами постаралась распутать узел. Из-за слабости и неудобного положения ничего не получалось. На ногах были кожаные полусапожки, вполне подходящие. Надо же! Так и бросили ее на кровать в обуви и одежде! Мама из сна все меньше походила на реальную. Тут-то и объявились, словно на зов, две служанки. Вид они имели заспанный, их разбудили минуты три назад. Одна, тем не менее, улыбалась, щебетала на все том же незнакомом Юле наречии, вторая угрюмо помалкивала, смотрела исподлобья. Девушки, не дожидаясь просьб или приказаний, взяли за Юлю: раздели, помогли умыться, расчесали и уложили волосы, упаковали в пышные нижние юбки и нарядили в богатое парчовое платье с множеством украшений. Корсет Юлька заставила ослабить, ей и так тяжело, а тут еще и воздуха не глотнуть, как следует. Объяснялась знаками, девушки оказались понятливыми.

Во время переодевания Юля неприятно удивилась. Тело было непривычно худым, без намека на мышцы и уютный жирок в нужных местах. Она и в жизни не потянула бы на топ-модель, но все-таки была пропорционально сложена, в меру накачена и выглядела шикарно, во всяком случае, мужские заинтересованные взгляды ловила частенько. Почему сон так контрастировал с реальностью, объяснить не получалось. Вон служанки какие откормленные! Щеки аж укусить хочется — круглые и румяные. Что тут, хозяев голодом морят, а сами в три горла жрут?

Страшно захотелось есть. Прямо хоть просыпайся и топай к холодильнику. Не пришлось. Угрюмая девушка приволокла поднос с завтраком. Пока Юлька, захлебываясь слюной, рассматривала

тарелки с тонко нарезанной ветчиной, подставочку с облупленным яйцом всмятку, чашку с дымящимся кофе, источающим тонкий аромат с нотой имбиря — ну хоть тут угодили, девушки ухивались ее салфеткой размером с простынь, чтобы не заляпала наряд. Можно было поесть, а потом одеваться! Но из-за языкового барьера поучить служанок было невозможно, приходилось подчиняться.

Едва успела проглотить завтрак, появился — без стука, ну и манеры — облаченный в камзол с меховой оторочкой худошавый дядька профессорской внешности. Не закрывая дверь, он замер в выжидательной позе. Юлька поднялась, отложив салфетку. Веселая служанка успела водрузить на ее голову ажурную корону из хитрых переплетений золотой проволоки с вставленными в узлы рубинами, вторая набросила на плечи горностаевую мантию. Надо идти, смотреть, что у них там. Слабость никуда не делась. Юльку пошатывало, сопровождавший ее дядечка, сохраняя невозмутимое лицо, позволял держаться за его согнутую в локте руку. В зале их ожидала Юлина мама. Она тоже облачилась в мантию, из-под которой виднелось ярко-синее атласное платье. Гордо поднятую голову венчала громоздкая золотая корона, украшенная россыпью крупных изумрудов. Увидев дочь, королева дрогнула, по лицу пробежала тень. Прозвучал участливый вопрос, смысл которого Юлька угадала и кивнула в ответ. Мать подошла ближе, знаком приказала свите уйти. Все двинулись в распахнутые двери, ведущие на опоясывающий здание балкон. Избавившись от свидетелей, мама выхватила из крошечной сумочки, висящей на поясе, пузырек. Юлька узнала: тот самый, что дал старик. Послушно взяла, выпила. Постояв еще с минуту, почувствовала, как тепло разливается по телу, и сжала мамину руку: да, ей значительно лучше. С улицы доносился шум тысяч голосов. Казалось, за стенами дворца море катит волны все более мощные и грозные с каждым подходом. Мать натянуто улыбнулась, отпустила Юлю и прошествовала вперед. Пришлось топтать за ней.

Первое, что встретило Юльку на балконе — удар холодного воздуха. Второе — взметнувшийся к небу многоголосый крик. Заняв свободное место у мраморных перил — свита разделилась на две части и стояла по бокам — мать и дочь оказались под прицелом тысяч пар глаз.

— Юлла! Юлла! — скандировала толпа.

Это было необъяснимо. Юлька огляделась: короля нет? Выходит, и во сне мать осталась без мужа? И все же, почему подданные приветствуют не королеву, а принцессу? Или не приветствуют? Шум толпы скорее напоминал шторм, чем мирный морской прибой. Сцена затягивалась и раздражала Юльку. Надо было выкинуть какой-нибудь фортель. Вспомнила кадры из советской хроники: вожди на трибуне мавзолея, приветственно машущие ручкой. Так и сделала. Подняла руку на уровень подбородка и неторопливо поводила туда-сюда. Тишина обрушилась, словно спрятанный за стеной звукорежиссер вырубил звук. Люди, запрудившие площадь перед дворцом, застыли с поднятыми головами, не сводя взглядов с балкона. Мать зашипела что-то злобное. «Чего это они? — удивилась Юлька — Подумаешь, приколотась. Нельзя, что ли?» Она продолжала помахивать, растянула губы так, что стало больно, и наклонила голову, взглянув вправо, потом влево, потом снова вправо, и снова влево.

— Ю-у-у — а-а-а! — взорвалась толпа.

В воздух полетели шапки, руки поднялись и размахивали в ответ на Юлькино приветствие. Потом началось движение: задние стремились вперед, те, кто стоял ближе, вынуждены были расходиться в стороны, чтобы дать дорогу жаждущим рассмотреть принцессу. Юлька продолжала помахивать и улыбаться. Боковым зрением она увидела, что мать, а за ней и свита, копируют жест. Стало весело, она уже улыбалась, ничуть не притворяясь.

Рука мерзла. Приходилось прятать ее под мантию и тереть другой теплой рукой. Над толпой пролетал вздох разочарования. Мать что-то недовольно шипела. Юлька снова выпускала руку на свободу и помахивала, чувствуя, как боль стреляет в запястье и в локте.

Дико обрадовалась, услышав пронзительный голос мужчины в камзоле с меховой оторочкой. Он выступил вперед, выбросил руку, указывая на Юлю и прокричал довольно длинную фразу, где не было вразумительных слов, исключая одного — «Юлла». Народ на площади завыл: «Ю-у-у-а-а-а». Юлька спрятала заочевенные пальцы подмышку и чуть не бегом бросилась с балкона, опережая неспешно плывущую маму. Хотела свернуть в «свою» комнату, но путь преградил все тот же дядька, он шагал с каменным выражением лица и неуловимыми движениями упреждал Юлькины попытки свалить. Двигаясь во главе процессии, королева и принцесса прибыли в следующий зал, где обнаружили накрытый на двадцать персон стол. Во главе располагалось кресло с широкой и высокой спинкой, увенчанной крупной стилизованной короной. Оставив его без внимания, мать прошла к тому, что стояло напротив, меньшего размера и более скромной короной. По правую руку от мамы пришлось садиться Юльке — на стул, отмеченный крохотной короной. Остальные предметы мебели выглядели обычными, но смотрелись нарядно, вписываясь в единый стиль: белое крашеное дерево и брусничного цвета бархатная обивка.

Уже через минуту вся толпа расселась. Рука в белой перчатке — ее обладателя Юля не увидела —

поставила перед ней тарелку супа. Не обращая внимания на сотрапезников, девушка схватила лежащую на салфетке ложку и принялась за еду. В прозрачном бульоне с едва заметными блестками жира удалось найти десяток мелко нарезанных кусочков вареной говядины, крупу, напоминающую перловку, но помельче, и кусочки овощей — не слишком много. Тем не менее, горячая, пусть и малосоленая, без специй еда хорошо согревала, Юля ела с аппетитом. На второе принесли жареные косточки, обтянутые тонким слоем мяса и кожицы. Вероятно, перепел. Девушка слышала о таких деликатесах, но никогда не пробовала. Оказалось довольно вкусно. Десерт — пышная бело-розовая масса — был выше всяких похвал. Юлька выскребла все до капельки и, отставив вазочку, перехватила недоуменный взгляд сидевшего напротив, чуть правее от нее, юноши. Парень был симпатичный. Волнистые ухоженные волосы темными локонами падали на плечи. Глаза, цветом напоминавшие лягушачью кожу — бурую с зеленоватым оттенком, были очень выразительны. Яркие полные губы выглядели напряженными, владелец, словно стесняясь их объема, несколько растягивал их, что, впрочем, не выглядело улыбкой. Обед завершился подачей нарезанных свежих фруктов. Фрейлины и вельможи, прихватив с собой тарелочки с фруктовым ассорти, выбирались из-за стола и разбрелись по залу, кучкуясь около окон или в глубине у колонн. Парень, до сих пор сверливший Юльку взглядом, отдающим болотной тиной, качнул головой, приглашая отойти в сторону. Она послушно проследовала к дальней колонне. Там в небольшом углублении прятался портрет короля.

— Па-а! — невольно выронила Юлька.

Визави проигнорировал возглас и завел длинную речугу. «Мозги пудрит девушке, — усмехнулась про себя Юля и поправилась, — принцессе». Подавляя растущую неприязнь, хотела уж спросить: не владеет ли, случаем, молодой человек русским? Не успела, заметила спешащую к ним маму. Та бросила напыщенного вельможу, не дослушав его, и шла к дочери сама, что, по всей вероятности, противоречило правилам. Юля была рада отделаться от навязчивого кавалера и шагнула навстречу. Королева обронила несколько вполне добродушных фраз, обращаясь к парню, и увела дочь, взяв под локоток. Никто не последовал за ними. Скорее всего, мама вернется к прерванным беседам. Юле же пришлось опять остаться в комнате одной.

За окном темнело. Усталость от необъяснимых событий и переживаний наводила на мысль о «повалиться и почитать». Книги не пришлось долго искать. Четыре шкафа находились в смежной комнате, напоминавшей кабинет, совмещенный с библиотекой. Вытянув из плотного строя шесть томиков наугад, Юля раздраженно бросила их один за другим на стол. Ни русских, ни английских — сошло бы на худой конец — текстов не обнаружилось в здешнем собрании.

Возвращаясь в спальню, наткнулась на угрюмую служанку. Та стояла, потупившись — изображала скорбное ожидание. Веселая порхала у кровати: сняла и сложила блестящее стеганое покрывало, отвернула угол одеяла и распустила шнуры балдахина.

Руки печальной служанки тоже оказались ловкими: уже через минуту Юлька избавилась с ее помощью от тесного наряда и облачилась в просторную рубашку из кипельно-белого батиста с кружевом по подолу и краям широких рукавов. А еще через минуту она сомкнула веки, лежа на воздушно-пушистой перине под легким, но удивительно теплым одеялом. Заснула мгновенно. Прикольно звучит: заснула во сне.

Не успев сделать двух глубоких вдохов мирно почивающего человека, Юля открыла глаза. Вскрикнула от восторга, увидев любимую родную комнатку. Потянулась. Пошевелила пальцами рук и ног. Резким движением вскочила с кровати. Подпрыгнула, присела, снова подпрыгнула, снова присела, выудила из-под кровати гантельки и начала выполнять привычные упражнения. Как приятно ощущать силу в мышцах! Тянуть их, напрягать, смотреть, как надуваются под кожей бугорки. С кухни прилетел запах жареного теста, смешанный с ароматом вареной вишни. В желудке раздалось требовательное урчание. Конечно! Вчера улеглась без ужина. Завтраки-обеда во сне не в счет.

Метнулась на кухню как была — в ажурных трусиках и майке до середины попы. Обняла маму, колдующую над сковородкой со шкворчащими блинчиками — покупными, понятное дело, мама не любила готовить, да и когда ей! Она успела обернуться:

— Без тапок! Без халата! Марш одеваться.

— М-м-м... с вишней! Обожаю!

От вчерашней грозы не осталось и тени. Разве что, наблюдая, как дочь моет тарелки после завтрака, мама проговорила задумчиво:

— Прости, Юляшка, я вчера сорвалась. Не смогу купить тебе айпад, чего уж. Оставляй. — Юля кивнула, не оборачиваясь, мама добавила: — Но не думай, что это тебя обяжет. Отец слишком...

— Не переживай, мамуля, все равно, я люблю тебя больше всех-всех-всех.

День прошел чудесно. Преподаватели в честь дня рождения не беспокоили вопросами, напротив, поздравляли с восемнадцатилетием и произносили многословные пожелания. Девчонки обнимали, чмокали в щеки, неизменно пророчили любовь, готовую обрушиться на голову счастливицы с минуты на минуту. После занятий отправились в кафешку неподалеку от колледжа. Тетя Лиза — мамина сестра — кинула на карту имениннице шесть тысяч рублей, можно было оттянуться компанией. «Алисо» — вполне симпатичное заведение, названное в честь супруги хозяина — встретило тихой музыкой, мягким фрагментарным освещением и запахом хвои: готовясь к встрече нового года, здесь испытывали недавно купленную ароматическую насадку в систему кондиционирования. Стол на восьмерых был накрыт в глубине помещения рядом с невысоким подиумом, символизирующим сцену, где пели караоке. На стене висел большой экран, там транслировали слова выбранной песни и, по желанию, изображение поющего. Сейчас на сером полотне мелькали кадры последнего клипа певицы Нюши.

Девушки расселись: Юлька во главе стола, рядом с ней подруги Дина и Вита, чуть дальше близняшки Наташа и Настя, отличница Оля, первая красавица колледжа Оксана и ее вечная сопровождающая толстуха Ритка. На белой нарядной скатерти были расставлены предварительно заказанные напитки: изумрудный Тархун, золотистая Меринда, янтарная Кола. Между бутылочками и высокими стаканами разместились плоские тарелки с канапе.

— Гуляем! — сделала широкий жест Юля, — заказывайте, кто что пожелает!

Хотя время, когда кафе работало в режиме ресторана, еще не пришло, администрация позволила включить для веселой компании караоке. Сначала подруги пели под «Лабутены» сочиненное шутовское поздравление, потом уговорили именинницу исполнить что-нибудь. Юлька отнекивалась, ссылаясь на отсутствие инструмента. Будь здесь гитара, с удовольствием спела любимое из репертуара «Мельницы» — «Тристан» или «Прощай», смеясь, обещала выступить на новогоднем концерте в колледже. Дина — задушевная подруга — не отстала, пока не вытолкала Юлю на возвышение у дальней стены, вручив микрофон. Запустила «Каждый раз» Монеточки. Немного сбивчивое исполнение вызвало аплодисменты других посетителей кафе. Однорупницы, скакавшие вокруг, хлопали громче всех и потребовали еще песню. После «Нет монет» певице удалось отдохнуть, ее сменил у микрофона паренек в прямоугольных очечках, на вид типичный ботаник. Прилизанная прическа, аккуратный короткий пиджачок и выглаженная рубашка совершенно не сочетались с низким хриловатым голосом, едва раздались первые слова: «Пешеходом уже быть достало, и всего как обычно мало...», девчонки завизжали. «Зачем большие окна трамваю», — пели уже все вместе. Начался батл — Монеточка против «Градусов». Потом в ход пошли Цой и Гребенщиков. Кафе болело с одинаковым рвением за обоих исполнителей. Танцевали, скакали, размахивая руками, подпевали. Вряд ли кто из колледжа, да и из школы смог бы похвастаться таким крутым днем рожденья. Не так уж и важно, что победа осталась не за ней — ботаник спел из «Металлики» на русском «Иное не важно». У Юльки слезы на глазах выступили от проникновенного исполнения, она отмахнулась от Дины, нашептывающей раздобытую инфу — зовут Саша, друзья провожают его в армию — и подошла пожать сопернику руку. Тот не растерялся, обнял девушку, поцеловал в щеку и шепнул:

— Ты нереально крутая! Жди, через год встретимся.

— Где? — изумленно спросила Юля.

— Да хоть здесь. Через год. Лады? — улыбнулся он, отстраняясь, и тихонько пропел: — Отслужу как надо и вернусь.

Девушка засмеялась и кивнула. Она не приняла всерьез слова Саши, просто хотелось поддержать непринужденную атмосферу и не расставаться с теплым чувством, будто они давние друзья. Конечно, парень забудет этот вечер не то что через год, а уже через неделю, погрузившись в непривычную обстановку, где день расписан по минутам и времени на глупости не остается. Победителя песенного батла позвали ликующие друзья: молодчага Санек, показал, как надо петь! Хотя не забыли поаплодировать вслед уходящим из кафе девчонкам. Подруги расстались на площади: кто-то побежал на троллейбус, кто-то взял такси, Дина с Юлей решили прогуляться, им было по пути.

— Джулия, — заикалась от восторга Дина, — чего ты поперлась в управленческий колледж?! Тебе прямая дорога на эстраду! В «Кулек» бы поступала или вообще, в Москву, в театральный рванула!

— Ты бы маме моей объяснила, — хмыкнула Юля, — как российская эстрада во мне нуждается.

— Влетит? — посочувствовала подруга: девушки возвращались поздно, чего Юлькина мама очень не любила.

— Надеюсь, спит. Я предупредила. Мне, в конце концов, восемнадцать.

— А, — сделала неопределенный жест Дина, — разве им докажешь!

— Не будем о грустном, — обняла подругу Юля, — проводить?

— Не-е-ет! Меня папа встречает, я ему звякнула, когда выходила.

Папа. Юле стало тоскливо от Дининых слов. Конечно, она тоже могла попросить отца встретить ее на крыльце «Алисо» и проводить до дверей дома, мама намекала на это: «Хорошо бы Ветров реально о тебе позаботился, чтобы ты не болталась одна по вечернему городу!» Но... представляя, как папа прощается с ней у своей прежней квартиры и отправляется ТУДА, она чувствовала такую досаду, что не решалась испытать это в реале.

Мать либо спала, либо делала вид. Не верилось, что она не дождалась возвращения загулявшей до полуночи дочери, но проверять Юля не стала. В полудреме умылась, почистила зубы и отправилась в постель.

Глава 2 Второй сон Юлии Ветровой

Устроившись уютнее и закрыв глаза, утомленная Юлька стала проваливаться в мягкую черную бездну, но почувствовала чье-то присутствие. Рядом лежал человек! От него веяло теплом и запахом топленого молока. Юля слышала тонкий сап.

— Кто здесь? — она приподнялась на локте.

Мать не имела привычки лежать в ее постели, даже когда Юля была крошкой и просила об этом. Кроме нее в квартире никого не должно быть. Отодвинувшись, окончательно пробудившаяся девушка стала шарить вокруг, в надежде разувериться в своем впечатлении. Нашупала руку, плечо, мягкий бок. Кожа у лежащего на ее кровати человека была гладкая, горячая, немного влажная от пота. Юлька вскочила, и только запутавшись в балдахине, обнаружила, что она не дома. Фу ты! Опять этот до жути реальный сон! Тронула ткань и кружево рубашки — та самая, что в прошлый раз не нее надела. Переступая по холодному полу босыми ногами, Юля ежилась от озноба. Где-то должны быть свечи или керосинка какая-нибудь! Ничего подходящего не попадалось. Добрела до окна и отодвинула в сторону портьеру. Утро. Небо светлое, укутанное призрачной дымкой. Часов десять по ощущениям. Закрепив штору подхватом, Юлька огляделась и забралась в ближнее кресло с ногами. Сидела она недолго, за балдахином завозились, и через минуту оттуда выползла девушка. Всмотревшись, Юля узнала молчаливую служанку. Правда, на сей раз та выдала речь, достойную рекламного ролика. Горячо и долго сыпала непонятными фразами, то заламывая руки, то указывая на кровать, то утирая слезы. Судя по тону, девушку обидело бегство принцессы из-под одеяла. Ну и порядки тут!

Как только красноречие служанки иссякло, Юля вытянула руку в сторону двери, для убедительности еще и подбородком указала направление, куда проследовать негоднице. Та сгорбилась и засеменила к выходу. Не успела Юля успокоиться после стресса и вернуться в постель, как в смежной комнате послышались шаги. «Да у них тут целый табор расквартирован!» — внутренне возмутилась девушка, оставаясь в кресле и вглядываясь в темноту. Сначала показалась рука с небольшим масляным светильником, потом и вся фигура знакомого Юле старика. Установив плошку на тумбе рядом с Юлиным креслом, старик поклонился и вытащил из висящей на плече котомки два кожаных ремешка.

— Что это? — поинтересовалась девушка.

Незванный гость протянул один ремешок ей, а второй повязал себе на голову. Юля повертела в руках невзрачный аксессуар и после призывного жеста старика последовала его примеру.

— Теперь ты будешь понимать все, что говорят, — сообщил он на чистом русском языке.

— А что же раньше-то? — возмутилась Юля.

Старик покачал головой.

— Редкий артефакт. Пришлось напрячься, чтобы восстановить его силу.

— Это что же? — с сомнением покачала головой девушка. — Мне так и ходить с двумя этими шнурками?

— У тебя будет один. Чтобы понимать, достаточно. А говорить по-нашему сможешь через три дня. Такая задержка.

Да разве это задержка — три дня на изучение иностранного языка! Только она не собирается тут задерживаться, вот что! С колдуном этими рассуждениями не поделилась, лишь постучала пальцем по лбу, глядя на черную полосу над седыми его кустами бровей, — не очень-то симпатично смотреться. Снимать нельзя?

Старик покачал головой:

— «Толмач» станет невидимым минут через десять, только на ощупь его найдешь. Снимать не советую. Полежи пока, не попадайся никому на глаза.

Что ж, это можно. Юля выбралась из кресла, скользнула к постели. Старик забрал с тумбы плошку и потопал в другую комнату.

— И не поговорите со мной? — крикнула ему в спину Юлька.

Он покачал головой:

— Не надо, чтобы меня видели здесь. — Прежде чем скрыться, добавил: — Помалкивай. Тебя никто не поймет, только напугаешь. Три дня, потом сможешь разговаривать.

«Ага, три дня. Щас!», — подумала девушка, зевая и закутываясь в одеяло.

Посетители шли косяком! Не успел исчезнуть колдун, как скрипнула другая дверь. Юля машинально нырнула под одеяло с головой, оставив шелку. Неслышно ступая, в комнату зашла мама. Благодаря отодвинутой шторе утренние лучи высветили ее стройную фигуру в длинном белом халате с ярким орнаментом по краю подола в виде фруктов и кувшинов. «По-домашнему, без церемоний», — подумалось. Наряд королевы не то чтобы не понравился Юльке, но показался слишком вычурным. Женщина подкралась ближе, прислушалась. Девушка изобразила сонное дыхание, вспомнив, как притворялась застигнутая за ночным чтением. Глубокий вдох, долгий выдох, пауза, снова вдох... С минуту посетительница не шевелилась. Юльке надоело, она уже собралась потянуться, будто пробуждаясь, но не успела.

— Я знаю, что ты здесь и слышишь меня, — сказала мать, обращаясь явно не к ней. — Девушка чуть приподняла край одеяла, увеличивая обзор, и заметила, как женщина в белом прохаживается по комнате, глядя на потолок: — Умоляю, доченька! Вспомни о долге! Вернись! — она указала на кровать, и Юля инстинктивно сжалась: кто сюда должен вернуться? Мать, помолчав, перевела взгляд в сторону окна и продолжила уговоры: — Это может получиться, пока твое тело спит. Душа, призванная по ошибке, сейчас находится в другом мире. Так мне объяснили. Прошу, сделай это. Подумай о подданных, они нуждаются в тебе. Ты же видела, как ликовала толпа, когда слухи о твоей смерти не подтвердились.

Пройдясь по комнате туда и обратно, королева посмотрела на спящую, словно ожидая ее пробуждения. Юля, помня просьбу колдуна не показываться никому, лежала не шелохнувшись.

— Не хочешь, — упавшим голосом сказала мать. — А ты подумала, каково мне придется без вас? Муж третий год пропадает неизвестно где, дочь вознамерилась отправиться к Праматери... — тут она перешла на крик: — Я не владею фитрами! Стоит кому-то заподозрить, что это, — она снова указала на Юльку, — не ты, меня тут же погонят с трона пыльными тряпками.

Она еще немного помолчала, будто ожидая ответа. Не получив его, заговорила вновь:

— Допустим, тебе не жаль свою мать, но чем тебе не угодили жители Росистых лугов? Начнется война. Сначала главы могущественных родов затеют спор, кому из них править страной. Потом наши соседи из Болотных трясин спохватятся и нападут, пользуясь тем, что у нас больше нет фитров! Разве я не права?

Она была права. Юлька верила каждому слову этой женщины. Никакой логики не видела, но верила безоговорочно. Удивительно, что ее дочь не спешит с криками: «Да, мамочка, я все сделаю, мамочка» и не бросается обниматься. Юлька бы так и сделала, будь эти слова обращены к ней. Стоп! Если не она дочь королевы, то кто же? Села и уставилась на маму. Что в ней не так? Черты вполне привычные. Выражение лица слегка надменное, но у мамы бывает такое, когда она чем-то или кем-то недовольна...

— Хорошо спалось? — спросила та, поворачиваясь и скрестив руки на животе. Юлька кивнула. Мать одарила ее улыбкой и, направляясь к выходу, сообщила: — Я велела тебя не тревожить. Надеюсь, долгий отдых пошел тебе на пользу.

Проводив королеву взглядом, девушка вскочила с кровати. В комнате стало светло, и она сразу заметила стоящие рядом домашние туфли и аккуратно сложенный на стуле пеньюар. Мигом облачилась и, чуть не спотыкаясь, побежала в смежную комнату. Надо расспросить старика, что за путаница здесь происходит! Однако библиотека пустовала. Пройдясь мимо шкафов, заглянув за портьеры и под стол, Юля облокотилась на конторку и замерла. Хотя чему тут удивляться? Во сне и не такое бывает! Смириться с исчезновением человека из комнаты, не имеющей выхода, было нетрудно. Другое дело мать, не признающая тебя дочерью. Юля, бывало, обижалась на родительницу, перечила ей и поступала наперекор, но не до такой степени, чтобы от нее отказывались, пусть даже и во сне. Слезы подступили, в носу стало щекотно. Пыль еще эта! Бьющие в окно лучи высветили миллиарды вьющихся словно микроскопическая мошкара пылинок.

— Не нравится мне здесь! — сказала девушка вслух и взглянула в зеркало, поблескивающее словно гладь схваченного первым ледком озера.

Круглое зеркало висело между двумя шкафами, стоящими в нишах, и удивляло качеством отражения. Юлька казалась нереальной красавицей. Кожа светилась. Глаза выглядели больше и выразительнее, чем на самом деле, нос, который хозяйка считала широким, смотрелся вполне утонченно. А с фигурой что-то явно не так! Задрала рубашку, разглядывая выпирающие ключицы, обтянутые кожей ребра, впалый живот. А уж грудь — лет в тринадцать у нее такая была.

— А еще говорят, что у Кощея Бессмертного не было детей, — криво усмехнулась Юля, опуская подол. — Срочно качаться! Где тут тренажерный зал? Она приблизила лицо к зеркалу. — Но мордашка — восторг! Свет удачно падает? — тронула стекло пальцем. — Вот бы домой такое.

Поверхность поддалась нажиму: образовалась углубление и, как в пропеченном тесте, выправилось, лишь Юля убрала палец. Пытаясь, понять, что это за удивительный материал, девушка чуть не носом уткнулась в поверхность. Нанотехнологии!

— Ясная заря! Где вы, госпожа? — послышался встревоженный девичий голос из спальни.

Юля еще раз всмотрелась в отражение и, убедившись, что ремешок на ее голове стал незаметен, поспешила на зов. Что там стряслось? Неужели хорошая погода на заре так необычна, что надо вопить об этом на весь дворец? Едва она перешагнула порог, служанка — та, угрюмая, что спала ночью в Юлькиной постели — повалилась на колени:

— Ясная заря, чем я провинилась? Почему вы прогнали меня? Неужели я стала неугодна?

От обилия вопросов голова шла кругом. Юлька чуть было не ответила, но спохватилась: колдун предупредил, что ее не поймут. Пожала плечами и, пройдя через комнату, остановилась около окна, будто заинтересовавшись верхушками сбросивших листву ветел. Служанка поднялась и взглянула исподлобья:

— Мне больше не нужно согревать вашу постель, госпожа? — Увидев, что Юля отрицательно качает головой, она вздохнула и робко спросила: — Прогоните меня? Я не могу потерять работу. Семья нуждается в моем жаловании: маленькие сестры, больной брат. Отец выбивается из сил... — На сей раз отрицательный жест ее обрадовал. — Умываться? Завтракать? Я мигом!

«Вот как это называется, — хмыкнула Юля, когда служанка со всех ног бросилась за необходимыми принадлежностями, — согревать постель».

После завтрака Юлю нарядили в знакомое платье со шнуровкой — постиранное и выглаженное — и повели на прогулку. Служанки топтались сзади, а рядом шествовали незнакомые девушки, как предположила Юля — фрейлины. Обращались они с ней как с больной: говорили мало и негромко, старались упредить желания. Собственно, желаний не возникало, девушка таращилась на диковинные растения. Изумительные розы поражали разнообразием оттенков и ароматов. Одни пахли фруктами, другие — ягодами, третьи — медом. Юля улавливала запахи вина, ландыша, пряностей, даже мха с грибами. Особенно поразил ее откровенно неприятный и резкий запах, напоминавший скипидар. Девушка поскорее отошла в сторону. Зачем посадили вонючий сорт в чудесном цветнике?

Налюбовавшись полураскрытыми бутонами и готовыми отцвести розами, девушка задрала голову, ожидая увидеть стеклянный купол. Она не сомневалась, что находится в гигантской теплице или в зимнем саду — поддерживать комфортную температуру и влажность в осеннее ненастье невозможно на открытом воздухе. Над розарием синело небо — широкое окно в серой пелене, откуда лился поток ласковых солнечных лучей. Если и была крыша, то невидимая.

— Вам, наверное, неприятно здесь находиться? — фрейлина, отдаленно напоминающая пухленькую Ритку загородила тропу, ведущую к уединенной скамье. Юля собиралась там отдохнуть и удивленно уставилась на девицу, та же озиралась, ища поддержки у подруг.

Другая спутница — прямая и жилистая, словно жердь — наградила толстуху презрительным взглядом:

— Знаешь, Лита, быть может, Ясная заря забыла, что именно в этом месте ее пытались отравить.

Приподняв двумя пальцами подол и отставив локоть, Юля решительно двинулась к лавочке. Указывать ей еще будут! Фрейлины поспешно расступились.

Пытались отравить! Ничего такого она не помнила. Возможно, это случилось в предыдущих бесследно исчезающих под утро снах? Место казалось уютным. Скамейку недавно отдраили, по сравнению с другими она выглядела почти новой, но усевшись, Юля заметила на листьях ближайшего куста бурые пятна, точно их побил ржавчиной. Перехватив ее взгляд, Лита бросилась обрывать подозрительные листья, а третья фрейлина, до этой минуты сохранявшая безразличное спокойствие, возмутилась:

— Надо же, камень отмыли, а тут не заметили. Руки им оторвать!

Юлька обернулась за разъяснениями к Жерди, та покусала губу и сухо сообщила:

— Ничего страшного. Падая, вы ударились затылком. Когда вас несли во дворец, кровь сочилась из раны, вот и попала на листья.

Кивнув, Юля тронула затылок и сразу же нащупала затянувшуюся сухой коркой рану. Все было до безобразия реально! Захотелось вскочить и убежать подальше, но она из упрямства продолжала сидеть, более того, взглядом пригласила и остальных расположиться рядом. На сиденье хватило

места еще двум девушкам, Лита, как самая объемная, примостилась на подлокотнике, чуть навалившись на подругу, та, стиснув зубы, терпела соседство. Служанки мялись на главной дорожке, не решаясь показаться на глаза, но их перешептывание улавливалось из-за куста. Жердь с намерением заполнить паузу, делилась познаниями о сортах посаженных неподалеку роз.

— Шелда, — всплеснула руками фрейлина, имени которой Юля пока не слышала, — откуда ты столько знаешь?! Просто поразительно, как можно запомнить все эти сложные названия!

— Будто не догадываешься, Ветти, она мечтает породниться с Аполами. И поскольку других достоинств не имеет, упирает на интеллект, — сказала толстуха и прыснула, прикрыв рот ладошкой. Ветти подхватила ее смех, хитро поглядывая на Жердь, та выпрямилась еще больше и осадила хохотушек:

— Вам обеим известно, что ни одна девушка не может присматривать себе жениха, пока не миновал отбор. Не сомневаюсь, что Зергэ Апол будет среди претендентов, и шансы стать женихом Юллы у него велики. Ум, формы и нрав других девушек его в настоящий момент не волнуют.

Все обернулись к Юле, будто надеялись прочесть на ее лице ответ на волнующий каждую вопрос. Она же впервые слышала об отборе и о своем приоритетном праве на всех женихов на свете. Ответом девушкам стала беспомощная улыбка. Они дружно вздохнули и потупились. Шелда продолжила лекцию.

Ее тусклый ровный голос убаюкивал, и вскоре Юльке надоело. Встать, пойти? Но куда? Цветник, несмотря на бесподобный климат, наскучил, в покои тоже не тянуло. Спросить совета у фрейлин она не могла. К счастью, к девушкам заглянула служанка-веселушка и защебетала:

— Секретарь Лучистой радости! Идет сюда!

Девушки подскочили, точно им в попы одновременно воткнулись острые шипы. Ветти зарделась, Лита хитро ей подмигнула, а Шелда высокомерно глянула на обеих. Все они присели в реверансе, приглашая Юлю двинуться навстречу визитеру. «Секретарь Лучистой радости. Вот так должность, — промелькнуло в ее голове. — Шут? Скоморох?» Выбравшись на главную дорожку, она обнаружила замершего шагах в пяти от них Илюху. Или как там его? Элиха — богатыря из первого сна. Путешествие у него на руках было тогда единственным приятным впечатлением. Выглядел парень иначе. В тот раз они с королевой шифровались, вырядились простолюдинами.

— Юлла приглашена на обед в покои Лучистой радости! — объявил Элих, глядя поверх девичьих голов.

У Юльки от мелодичного баритона перехватило дыханье. Секретарь, сочтя ритуал выполненным, посмотрел на нее и сделал приглашающий жест. Проводит? Класс! Дороги она не знала. Расправив плечи, Юля пошла вперед. Фрейлины двинулись за ней, но Элих остановил их, показав раскрытую ладонь. Значит, пригласили без подружек. Опять мама затеет проработку!

Парень шагал впереди. Юля ничего не могла с собой поделать — пялилась на его ноги, обтянутые лосинами. Складывалось такое впечатление, что хорошо выделанную кожу сшили по тесной выкройке, намочили и натянули на человека. Высохла она так, что плотно обтекала каждую выпуклость: сильные икры, крепкие бедра, круглые ягодички. О! В низу живота стало горячо. Да что же это! Девушка заставила-таки себя перевести взгляд выше: замшевый жилет цвета молочного шоколада был стянут на талии коричневым ремнем — не слишком сильно. Тесная батистовая рубашка не скрывала рельефных бицепсов. Пожалуй, фотка этого «качка» порвала бы соцсети, попади она туда. Юлька не была любительницей таких типажей. Наоборот: не задерживаясь, прокручивала посты с полуголыми мачо. Но воспоминание о том, как сильные руки держали ее в полутора метрах над землей, будоражило сознание и закручивало внутренности в тугий узел. «Поскорее бы дойти, — шептала она, топая по анфиладе комнат». Мольба ее дошла куда надо: сопровождающий остановился у высокой двустворчатой двери, украшенной всадниками на здоровущих баранах, и объявил:

— Ясная заря Юлла по приглашению правительницы!

Распахнувшие дверь стражники поклонились, Юля ступила на шерстяную дорожку, в которой туфельки утопали как в майской траве. Стараясь не наступать на розовые облачка, она добрела до гостиной. Неумело изобразив реверанс, заняла указанный матерью стул. В комнате никого кроме них не было, хотя овальный стол был сервирован на шесть персон. Увидев перед собой тарелку куриной лапши, девушка поморщилась — терпеть ее не могла.

— Не представляю, как заведено там, откуда ты явилась, — сердито заговорила королева, — у нас принято есть, что дают. И помни, до утра больше ничего не получишь.

Юля пожала плечами и взялась за ложку.

— Итак, ты понимаешь наш язык, — констатировала мать и, дождавшись очередного кивка, спросила: — Тебя посетил Дюгор? — Не получив ответа, уточнила: — Тот шаман, что призвал тебя. Он привез «толмача»? Собственно, больше и некому.

Она помолчала, наблюдая, как гостя давится лапшой, и позвонила в крохотный фарфоровый колокольчик. Тут же из боковой двери, замаскированной под картину — натюрморт с кувшином и фруктами, выскочил статный разносчик с блюдом. Увидев запеченные под сыром овощи, Юлька не сдержала радостного возгласа: «А-о-у!» Ну и зачем было мучиться? Подрумяненные, посыпанные красным перцем и мелко нарубленной зеленью кусочки картофеля, репы, кабачков и тыквы выглядели очень аппетитно. Девушка с удовольствием принялась за еду. Королева, словно ей передался оптимизм дочери, улыбнулась и умоляющим тоном заговорила:

— Никто не должен знать. Посещение Дюгором дворца, если о нем станет известно, вызовет непредсказуемую реакцию... — Она потерла лоб, собираясь с мыслями, и спокойнее сообщила: — Наша поездка к нему была рискованной. Но тут выбора не оставалось. Это тайна, ты поняла?

— А как же Элих? — напомнила Юля. Из-за набитого рта фраза прозвучала невнятно, однако мать вытаращила глаза, как будто ей показали говорящую жабу.

— Юлла? Ты вернулась? — пролепетала она.

Юля проглотила пережеванный кусок картофеля и более четко сказала:

— Нет. Меня зовут Юлия. Моя мама обыкновенный бухгалтер. Ну... не совсем обыкновенный, она заместитель главбуха, но все-таки не королева.

— Я не королева, — едва шевеля онемевшими губами, поправился ее мать Юллы. — Я — правительница. Лучистая радость. Почему ты разговариваешь? «Толмач» позволяет понимать чужую речь. Но не...

— Вообще-то колдун обещал, что только через три дня я смогу... Сама в шоке!

— В тебе магия... — то ли спрашивала, то ли утверждала правительница. — В вашем мире есть магия?

Юлька пожала плечами и принялась за остывшие овощи. Трапеза продолжалась в тишине. Со вторым блюдом было покончено, слуга установил в центре стола чайник, тарелку с бисквитами, вазочку с конфетами без оберток и удалился. Хозяйка налила себе горячий напиток и жестом предложила Юле сделать то же самое. Девушка потянулась к чайнику, но отдернула руку, услышав неприятный скрежет. Оглядевшись, заметила, что в раме около входа происходит движение: портрет принцессы уползает в сторону, его сменяет дядька — тот, что сопровождал Юлю в прошлый раз. Она взглянула на мать: что за «диафильмы» тут демонстрируют? Та протяжно вздохнула, звякнула в колокольчик и обернулась к Юльке:

— Молчи, чтобы не случилось. Мы вынуждены были объявить о твоей болезни, сказав, что ты потеряла голос, и восстановится он не скоро.

— Ладно. Мне не трудно.

— И еще. Отбор отменить нельзя. Женихи уже в пути. Так что готовься.

Что еще за отбор? Какие женихи? Девушка встрепелась, но вопроса задать не успела, из-за дверей послышался голос Элиха:

— Тиннет Апол с сыном к правительнице!

Тут же дверь распахнулась, показав того самого дядьку. Лицо его, вчера вполне интеллигентное, на сей раз перекошилось от негодования. Однако, увидев Юлю, мужчина справился с собой, нацепил маску умиления и слегка наклонил голову:

— Ясная заря...

Юля, помня о просьбе матери, молчала. Следом за «дядькой» на пороге появился тот юноша, что хотел пообщаться с принцессой во время торжественного приема. По всей вероятности, это Зергэ. О нем судачили фрейлины. В Апола-младшего, кажется, метит Шелда. Парень наградил Юлю презрительным взглядом, хотя улыбка на полных губах казалась приветливой.

Правительница отлично умела читать по лицам и, заметив, как корежит Юлю от вида неожиданных гостей, повернулась к ней:

— Доченька, ты утомилась. Иди в свои покои.

Едва сдержав вздох облегчения, Юля встала. Стул с грохотом отодвинулся. Пока Аполы рассаживались, девушка скользнула к двери. Успела разглядеть, что лицо дядьки снова стало недовольным. На его кучерявого сына не смотрела, торопилась уйти. Оказавшись на мягкой ковровой дорожке, ведущей из покоев королевы, испугалась. Дальше-то куда? Как попасть к себе она не представляла. К счастью, в холле ожидала служанка. Хотя ее кислый вид страшно раздражал, Юля обрадовалась, что не придется плутать по дворцу.

— Быть может, желаете вернуться в розарий, госпожа? — спросила служанка, когда они миновали три или четыре комнаты, увешенные картинами в позолоченных рамах и заставленные резной мебелью: кушетками, столиками, креслами. Юля отрицательно завертела головой. Тогда девушка угодливо предложила: — Вы давно не навещали своего фитра. Он скучает.

О фитрах она слышала неоднократно, но что это за зверь, не представляла. Почему бы не узнать? Юля кивнула.

Покинув шикарные залы, они свернули в боковой ход и вскоре оказались в знакомом Юле полутемном коридоре. Здесь Элих нес ее в спальню после посещения колдуна. Девушка поежилась, словно ощутив боль, терзавшую тогда ее тело, и сдавленно застонала. Плечи служанки напряглись, она сбавила шаг, но не решилась обернуться, продолжила путь и, пройдя шагов тридцать, притормозила у стенного шкафа. Там хранились теплые вещи, а среди них знакомая меховая накидка. Служанка помогла Юле одеться и себе раскопала в глубине непрезентабельный тулупчик.

Коридор вывел на задний двор. К калитке они не пошли, свернули к неприметному зданию в глубине. Оно имело широкие ворота каретного сарая, боковую дверь и не застекленные проемы окон. За дверью оказался похожий на шахту метро тоннель. По одну и по другую сторону от него располагались пустующие стойла с засыпанным галькой полом и крохотными бассейнами с мутной водой.

На ограждениях у входа в каждое отделение висели таблички. Надписи оказались понятными: работал «толмач». Там, где остановилась служанка — примерно в центре здания — значилось «Юлла». Заглянув в стойло, Юля никого не обнаружила. Все та же галька на полу, тот же, напоминавший грязное каменное корыто бассейн. Хотелось поинтересоваться: где фитр? Но служанка деликатно отошла в сторону и уселась на деревянную скамейку, готовая к долгому ожиданию. Ничего не оставалось, как зайти за ограду. Захрустело под ногами, дохнуло влажным воздухом, и Юля ощутила упругое прохладное прикосновение — в живот что-то уткнулась. Инстинктивно оттолкнула невидимое существо от себя. Тихо. Смутилась: что это она, сама пришла навестить и сама же испугалась. Вытянула руки, ощупывая воздух перед собой. Пальцы утонули в уплотненной прозрачной субстанции, за которой удалось нащупать твердую, но тоже невидимую поверхность. «Что же это?» — мысленно спросила себя. Нечто снова приблизилось и ласково тронуло бок. Девушка стала гладить неведомое существо, чувствуя, как оно дрожит, отзываясь на ласку.

— Что же ты любишь, милый? — прошептала Юля.

Никаких подсказок вокруг не было. Камень, вода... Заметила емкость с вмонтированным в крышку насосом. Дотянулась, качнула. Воздух заполнило облако мельчайших брызг. Существо задышало — его прозрачное тело расширилось и опадало, словно накачиваясь влагой. Юля качала. Фитр дышал. У нее рука устала и замерзла. Мех накидки покрылся росинками, волосы стали влажными.

— Ну хватит, — сказала девушка. Фитр снова ластился к ней, а она, улыбаясь, гладила его прохладное тело. — Милый... Для чего ты нужен, интересно. Что с тобой делать?

Жаль, что пока она «немая» ни у кого не спросить.

Добравшись до кровати, Юля едва вытерпела переодевание и умывание, так устала. Свалилась без сил, даже не слышала, когда улизнула служанка.

Не успела насладиться тишиной и темнотой. Переливчатая мелодия будильника вернула к бодрствованию. Нет! Хочется полежать! Тянула одеяло на ухо, но оно ползло вниз:

— Юляшка! Опоздаешь на занятия! — мамочкин голос.

Села, шурясь: из коридора бил свет. Что же это за жизнь! Никакого отдыха. Только разберешься со сновидениями, как реальные проблемы подоспели. Привычное утро, отработанные до мелочей действия — без необычностей. Спокойно.

В кабинет вошла со звонком. Следом за ней влетел Пашка, толкнул даже, так торопился:

— Ветрова! Дай дорогу! — Игнорируя Юлькино возмущение, завопил: — Пацаны! Психологии не

будет! Айда во двор, в футбол погоняем!

Через три секунды мужская половина группы неслась по коридору. Лишь за последней партой склонился над смартфоном Валера Прохоров — единственный нелюбитель футбола из мальчишек.

— Джулия, ты текст по-английски перевела? — заканючила Дина, едва Юля уселась с ней рядом. — Дай списать.

— Сейчас переведем, не волнуйся.

Ветрова была любимой ученицей англичанки, и единственной в группе не имевшей проблем с этим предметом. Вскоре вокруг их стола столпились все девочки. Наташа, Настя, Вита и Дина записывали перевод под Юлину диктовку, Оксана и Рита правили приготовленный дома.

— Что здесь происходит? — отвлек учениц тенорок директора колледжа. — Ветрова! Что это за посиделки? Где остальные?

Разбежавшиеся по местам девочки таранились на тщедушного Игната Петровича и возвышавшегося рядом с ним незнакомого симпатичного паренька.

— Нам сказали, что психологии сегодня не будет, — привстала Рита, — мальчики пошли в футбол играть...

— Приведи-ка их сюда, — велел ей директор, — вместо психологии проведем экономику. Иди-иди, не тушуйся!

Когда недовольная тем, что высунулась, Ритка покинула кабинет, Игнат Петрович оглядел притихших девочек и объявил:

— У нас новый ученик. Прошу любить и не обижать. Сергей Солодовников.

Сергей стоял с отсутствующим видом, словно речь шла не о нем. Дина прошептала на ухо Юльке:

— Классный какой! Интересно, есть у него девушка?

— Прикинь, — тоже шепотом ответила Юля, — он мне снился.

— Не ври! — ревниво возмутилась подруга.

Обе они заинтересованно наблюдали, как новичок прошелся между рядами парт и сел рядом с Оксаной. Та благосклонно улыбнулась, не возражая, хотя обычно на этом месте сидел Паша. Что ж, сам виноват: нечего убегать с уроков.

В остальном день казался обычным. Юля получила пятерку по английскому, но ее первенство оказалось под угрозой: Солодовников, довольно подкованный в этом предмете, тоже отвечал на отлично.

Возвращаясь домой, подруги обсуждали новичка.

— Оксан, — уговаривала ее Дина, — давай завтра местами поменяемся!

— Это еще зачем?

— Ну, ты же с Пашкой дружишь! А ему пришлось с Валерой садиться. Страдает. Разве ты не заметила?

— Ему полезно, — засмеялась Оксанка и, полюбовавшись огорченным лицом Дины, согласилась: — Лады. Переходи завтра на мою парту.

Дина обрадовалась и зачем-то объявила:

— А Сережа Ветровой снился. Она сама призналась!

Пришлось Юле в подробностях рассказывать о своих снах. Так за разговорами незаметно дошли до дома.

Глава 3 Третий сон Юлии Ветровой

С заданиями на следующий день Юля справилась быстро. Телевизор смотреть не стала, в социальные сети тоже не сунулась. Хотела спать и улеглась едва ли не в девять.

— Ты простыла? — заглянула в комнату мама.

— Нормально все. Почитаю в постели, — схитрила Юлька.

Мама осуждающе покачала головой, ничего не сказав.

Девушка выключила свет, но уснула не сразу. Ее охватило беспокойство. Нужно ли ей очередное сновидение? Пожалуй, нет. Много бы она дала за такую ночь, какими они были раньше. Но, скорее всего, сейчас опять начнутся приключения. Фрейлины, служанки, Элих, Зергэ ... Поразмышляла о новичке. Сережа ей снился, и даже имя было созвучным, хотя они никогда не встречались наяву. Подруги этому не поверили.

— Запала, так и скажи, — язвила Вита, — нечего небылицы сочинять!

— Нисколько не запала! — спорила Ветрова, но девочки только посмеивались.

Сейчас она изучала свои впечатления с пристрастием. Понравился новенький? Нет! Взгляд у Солодовникова болотный какой-то, словно в трясины затягивает: тонешь и чувствуешь, что это не к добру. С мыслями о Сергее заснула, с мыслями о Зергэ пробудилась. Было еще темно, однако по ощущениям стало понятно: опять покои принцессы. В воздухе витал едва уловимый запах виноградного уксуса, сильно накрахмаленное и оттого шершавое постельное белье источало щелочной аромат хозяйственного мыла. Пошарила вокруг — пусто. Уф! Ощупала себя — худосочное тело. Рывком поднялась. Надо собой срочно заняться. Сползла на пол — холодный. Нашла туфли. Не слишком удобные, но сойдут. Попрыгала на месте, согреваясь. Пробралась к окошку, раздвинула шторы. Рассвет только-только добавил молока в черный кофе ночного неба. Пока все дрыхнут, можно сделать зарядку. Наклоны, приседания, рывки... Запыхалась, но выполняла. Для выпадов и махов длинная ночнушка не приспособлена, пришлось задрать подол и завязать узлом на талии. Получилось что-то типа мини-платица с юбкой пузырем. Раз-два, три-четыре... не жалела себя Юля. Она разгорячилась, дыхание стало глубоким, частым, пульс зашкаливал. «Работай! Работай! — подгоняла она себя. — А то ишь, распустилась! Одни мослы...».

Так увлеклась, что не сразу заметила вошедшую в спальню служанку. Та, забыв о вечной улыбке, застыла на пороге с открытым ртом. На очередном резком развороте, Юля пересеклась с ней взглядом.

— О! Ты? — тяжело дыша, спросила она и «поздоровалась»: — Ясная заря!

— Это вы... Вы — Ясная заря... — оторопела служанка, — к вам так обращаются, госпожа.

— Да? — Одергивая подол, Юля поинтересовалась: — А к тебе как обращаются?

— Я — Тутти.

— А подружка твоя?

— Она — Молли.

— Хорошо, — Юля подошла к Тутти, похлопала ее по плечу. — Не переживай так. Я болела, начались проблемы с памятью. Ничего, пройдет.

— Совсем ничего не помните, госпожа? — всплеснула руками служанка. Юля кивнула, а Тутти сокрушенно вздохнула: — Вот беда! И как только Диин отважилась на это!

— Дина? — удивилась Юля. — На что отважилась?

— Угостить вас отравленным яблоком. Вы помните Диин?

— Конечно! Это моя лучшая подруга, еще бы не помнить! Говоришь, она отравила?

Тутти кивнула и тут же завертела головой, отрицая:

— Не верится. Она вам предана с юных лет! Неужели, правда? Так жаль...

Рассуждая о Дине и их многолетней дружбе с Ясной зарей, служанка водрузила на табурет таз для умывания и кувшин с подогретой водой. Юля стояла, уперев руки в бока, и кривилась. Кожу ее по всему телу стягивала тонкая пленка подсохшего пота, одним умыванием не обойдешься

— Погоди-ка, Тутти, а душ можно где-нибудь принять? — она потеряла свои плечи.

Девушка замерла на миг, потом присела в стремительном реверансе и зачатила:

— Простите, госпожа, я не догадалась! — кинулась в угол, где ширма прятала дверь в комнатку, используемую Юлей как туалет. — Забыли! Идемте, я покажу.

В помещении площадью приблизительно четыре квадратных метра у дальней стены имелось углубление в полу с двумя ступенями, куда можно встать, и уходящей в неведомую глубину дырой между ними. В полуметре от ступеней из стены торчала короткая труба с вентилем. Если его крутануть, из трубы хлестала струя воды. Юлька использовала ее для смыва и не представляла, как с ее помощью можно искупаться. Однако все оказалось удобнее. Тутти нажала на едва заметную клавишу в боковой стене. Из потолка возникло облако брызг, похожее на то, каким Юля кормила фитра. Это, конечно, не привычный душ, но освежиться поможет.

— Мыло где?

Мыльной водой потолок брызгался, если надавишь на клавишу в противоположной стене. Понятно. Юля поблагодарила за объяснения, а служанка, прежде чем удалиться, хлопнула по дверце слева от входа. Там обнаружился шкафчик-пенал с полками и корзиной внизу. На полках лежали полотенца, белье, стояли склянки с навешенными с помощью бечевки этикетками.

Спустя десять минут посвежевшая Юля вышла из душевой. В качестве смены белья она выбрала обтягивающие шортики и топ-трубу из хлопка. Бюстгальтера в шкафу не нашлось, да он и не особо требовался. Стол к завтраку был накрыт, а Тутти стояла, улыбаясь во весь рот и держа на весу платье для прогулок.

— Послушай-ка, брюк не найдется? Или джинсов? — сморщила нос Юля. — Видя, как улыбка исчезла с лица служанки, а брови удивленно поползли вверх, пояснила: — Штаны! Портки... как это тут называется?

Она собиралась побегать, а в платье до земли это будет проблематично. Тутти сквознячком скользнула к огромному гардеробу, упрятала туда платье и выудила «брючный костюм». Это оказались шаровары из тонкого драпа и просторная льняная рубаха прямого кроя, длиной до середины колена. Пойдет. Облачившись, Юля села завтракать, а служанка болтала о пустяках, приняв на себя роль помощницы по «восстановлению» памяти принцессы. Речь снова зашла о подруге Ясной зари.

— Мне бы с ней поговорить, пригласишь сюда? — попросила Юля, ей хотелось взглянуть на здешнюю Дину. Раз мамина близняшка обнаружилась, почему бы лучшей подруге не оказаться точь-в-точь такой, как в реале?

Тутти сокрушенно покачала головой:

— Она в узилище.

— Где?

— В казематах... В подвалах тюремной башни, — на глазах девушки показались слезы. — Казнят вашу фрейлину. Так жалко! Она была доброй, веселой, всегда подбодрит, пошутит, утешит...

Дина как живая предстала перед глазами. Каждое слово служанки подходило Юлиной подруге. Точно, это она! Нельзя допустить, чтобы с Диной случилось что-то ужасное!

— Проводишь к ней? — решительно поднялась Юля. — У меня есть вопросы!

— Не смогу, — голос у Тутти дрожал, — караульные без приказа правительницы не пропустят. — Уловив задумчивое выражение на лице госпожи, она покачала головой: — Лучистая радость не позволит, даже не пытайтесь просить. Такой шум был! Всю родню Диин с позором выгнали из дворца. Суд назначили на завтра. Так жалко!

Да уж, жалко. Юля прошлась по комнате, остановилась у окна. Солнце поднялось и сияло в безоблачном небе, словно забытый прожектор. Удачная погода для пробежки, но настроение пропало. Не оборачиваясь к Тутти, она спросила:

— Элих сумеет помочь?

— Секретарь правительницы, — задумчиво протянула служанка, — всегда действует по приказу Лучистой радости. Ему доверяют. Но согласится ли, не знаю.

— Позови его сюда. Я найду слова для уговоров. — Тутти выглядела испуганной. Видя, что девушке трудно решиться, Юля предложила: — Боишься сама, пошли вторую. Молли.

— Молли отправилась навестить брата и сестер, как всегда по субботам, — отвела глаза Тутти.

— Ну так что? Будем ждать, когда мою подругу казнят? Даже не выслушаем оправданий?

— Я попробую, — служанка присела в реверансе и выскользнула из спальни.

Элих прибыл буквально через пять минут, спрашивать его не пришлось. Заметно было, что парень и сам переживает за фрейлину и не прочь порасспросить ее. Одевшись в удлиненный темно-серый кафтан, набросив на голову платок из серебристого козьего пуха, и сунув ноги в рыжие кожаные сапожки, Юля поспешила за Элихом. Сегодня он не выглядел так торжественно как вчера, обошелся просторными шерстяными брюками и свитером крупной вязки. Видно, Тутти все-таки предупредила его.

Торопливым шагом преодолели двор, прошли вдоль ограды и остановились около входа в невысокую кирпичную башню, похожую на старый бочонок. Дежуривший около нее стражник, вытянулся, кося глазами то на Юлю, то на ее спутника. Девушка опасалась, что парень не пустит их, но авторитет секретаря правительницы оказался непререкаемым. Захрустел потревоженный огромным ключом замок, цокнула отброшенная дужка, скрипуче поддалась нажиму дубовая дверь. Из башни дохнуло сыростью, плесенью, мышами. Через порог обнаружилась метровая площадка. Он нее шили две лестницы со ступенями из криво подогнанных камней. Одна вверх, другая вниз. Элих спускался первым, прихватив из ниши масляный фонарь. Миновали два довольно длинных пролета и оказались в коридоре с земляным полом и сочащимися влагой стенами.

— Неужели она здесь? — шептала Юля, дрожа от нервного напряжения.

Элих протянул ей фонарь и указал на решетку, отделяющую выдолбленную в стене пещеру от коридора:

— Идите, Ясная заря. Я подожду здесь.

Спотыкаясь о неровности и камни, Юля бросилась вперед и замерла около решетки. В черноте, за кругом неровного света ее фонаря, послышался шорох соломы. Громыхнул металл. Прикрывая ладонью глаза, оттуда выползла Дина. Она поднялась на ноги и, взяла свободной рукой груз, к которому вела цепь от ее щиколотки, и шагнула ближе:

— Юлла! Пришла!

— Дина!

Это была она, Юлина подруга. Даже в истрепанном длинном платье, с перепачканным грязью лицом невозможно было ее не узнать. Синие, распахнутые глаза сияли, ноздри вздернутого носа трепетали.

— Ясная заря! Я не виновна. Никогда бы не причинила тебе вреда! И никто не смог бы меня заставить, — слезы катились по осунувшимся щекам, оставляя светлые дорожки. — Лучше бы я сама съела это яблоко! Оно предназначалось мне.

— Кто дал тебе его, Дина?

Узница наклонила голову и замотала ей, отказываясь отвечать. Были слышны слабые всхлипы.

— Это важно! Скажи! — требовала Юля. — Кто?

Хруст мелких камушков возвестил о приближении Элиха. Он отстранил Юлю, пытавшуюся дотянуться до подруги и забрал фонарь:

— Не надо прикасаться к ней.

— Секретарь? — подняла голову Дина. — Уже?

Парень покачал головой:

— Завтра, Диин.

Девушка уронила груз, громыхнув цепью, и схватилась за прутья решетки.

— Попроси принести мне воды.

— Хорошо, — пообещал Элих и обратился к Юле: — Идемте, Ясная заря. Меня могут хватиться.

Поднимались обратным порядком: Юля — впереди. Элих шел шаг в шаг, держа фонарь над ее плечом, чтобы освещать ступени. Девушка чувствовала на щеке его дыхание и улавливала

знакомый травяной аромат. Крапива! От Элиха пахло крапивой. Она не думала ни о нем, ни о себе. В груди колючим комом ворочалась жалость к томящейся в подземелье горемыке. Юля пыталась убедить себя, что это не ее реальная подруга, а всего лишь похожая девушка. Точно так же, как правительница — не мама, а дубль. Не слишком удачный, надо заметить. И все-таки в искренность Диин она не могла не верить.

— Напой узницу, — выйдя из башни, приказал Элих стражнику.

Тот с сомнением покачал головой:

— Не велено отлучаться.

— Давайте, я отнесу! — встряла Юля.

Караульный выпучил глаза и пробормотал:

— Не утруждайте себя, Ясная заря! Все сделаю.

Убедившись, что парень зачерпнул ковшом воду из стоящей неподалеку бочки и скрылся за дверью, Юля и Элих отправились в обратный путь. Молчали. Она кусала губы и то и дело терла пальцами веки. Он вздыхал, не поднимая взгляда от тропы под ногами. «Надо что-то делать! Надо помочь ей...» — шептала Юля себе под нос. Спутник то ли услышал, то ли догадался, о чем она бормочет и сказал:

— Покушение на дочь правителя прощать нельзя.

— Это доказано? — она остановилась и взглянула прямо в лицо Элиху.

Он опять вздохнул:

— Никто кроме вас не может знать наверняка. Динн призналась, что дала яблоко. Остальные фрейлины гуляли около фонтана и прибежали на крик.

— Выходит, свидетелей нет, — рассуждала Юля.

Элих кивнул и, помявшись, спросил:

— Как все было?

— Я не помню. — Спohватившись, она поправилась: — Поначалу вообще ничего не помнила, а теперь кое-что начинает всплывать.

— Уже послезавтра будет поздно, — очередной раз вздохнул Элих.

— Нельзя отменить казнь или хотя бы отложить?

— Правительница желает покончить с этим, пока во дворце не появились кандидаты на отбор.

Ах да! Еще этот отбор! Мать говорила, что женихи в пути, — вспомнила Юля.

— Мне бы с ней побеседовать, — она снова взглянула на Элиха.

— Передам вашу просьбу. Но не раньше вечера, думаю. Апол показывает ей поля с экзотическими фруктами. — Он с улыбкой посмотрел на Юлины шаровары:

— Вы тоже собирались на верховую прогулку?

— С чего ты взял?

— Костюм...

— А что? Можно покататься на лошадях? — заинтересовалась девушка.

Тут Элих не сумел скрыть удивления:

— На лошадях? Зачем же. Для этого в Росистых лугах используют фитров. — Заметив, как удивлена Юля, он предположил: — Этого тоже не помните?

Она отрицательно покачала головой, пытаясь вообразить, как именно можно использовать невидимое существо для верховых прогулок.

— Я бы хотела попробовать...

— Кто будет вас сопровождать?

Юля ни с кем кроме Элиха, Зерге и фрейлин не успела познакомиться. Она пожала плечами:

— Обязательно нужна компания?

— Несомненно. Шелда — любительница полетать. Ветти тоже не откажется. Я, если не возражаете, готов составить компанию.

— Отлично! Когда?

— У меня есть одно поручение. Через полчаса освобожусь.

На том и разошлись. Элих отправился по делам, Юля помчалась к себе, предвкушая необычное приключение. Наконец-то она полетает! И не в карете, как в прошлый раз, а оседлав ветер!

Представление о «скачках» на фитре оказалось ошибочным. Выйдя вместе со спутницами на площадку у ворот, Юля увидела три паланкина, парящие в полуметре над землей. Шелда заняла серебристый, Ветти села в бирюзовый, для Юли предназначался золотой. Пришлось залезать туда. Обитое бархатом кресло было мягким, шатер над головой довольно высоким, окна — широкими, позволяющими обозревать все вокруг, большая часть пола — прозрачной, и сейчас сквозь него виднелась брусчатка. Прогулка обещала быть комфортной, но Юля разочаровалась. Не того она хотела. Особенно досадно ей стало, когда подъехал на своем фитре Элих. Парень уселся на коврик, будто наброшенный на невидимого пони.

— Как этим управлять? — шепотом спросила Юля служанку, та заботливо укутывала ноги госпожи шерстяным пледом. Тутти вскинула брови, но припомнив, что у Ясной зари проблемы с головой, объяснила:

— Фитры слышат. Вам достаточно приказать, чтобы он следовал за Элихом.

— Следуй за Элихом, — прошептала Юля в пол, когда служанка отошла.

Кавалькада взмыла на высоту около пятидесяти метров. Летели со скоростью велосипеда. Это позволяло все хорошенько рассмотреть. Вокруг — осеннее серое небо, внизу — полупрозрачные перелески, сжатые поля, блестящая гладь реки, дорога с ползущими по ним путниками. Неспешное путешествие напомнило, как они с подругами катались на воздушном шаре. От охватившего ее восторга, Юлька тогда до хрипоты орала песни. Вот и сейчас затянула полюбившуюся: «Полет» группы «Браво»

— ... Здесь над облаками

Сердце больше не болит.

Здесь теряют смысл все слова.

Сквозь циклоны, грозы

Сквозь сомненья и мечты.

В поисках неслыханных чудес...

На этот раз никто не подпевал, но Юле казалось, что паланкин покачивается в такт песне:

— ...Рано утром взять свой курс

В созвездие весов,

Рассекая вакуум как пирог.

Пугать метеориты

Словно стаи диких псов,

Световой преодолев порог...

Замолчала певунья, лишь обомлев от вида буйствующей зелени, открывшегося за очередным холмом.

— Что это? Почему здесь лето? — спросила она вслух, ощущая тепло дыхания встречного ветерка, несущего сладкие ароматы бананов, ананасов, персиков, и удивляясь глянцевому блеску листьев.

— Владения Тиннета Апола, — прозвучало у нее в голове.

Что это за способ связи? Юля беспомощно оглядывалась в поисках абонента. Голос, напомиравший жужжание шмеля, не подходил ни на один из слышимых ей раньше. Нерешаемая задачка отняла силы. Всю оставшуюся дорогу путешественница сидела, понурившись, разглядывала свои перебиравшие бахрому пледа пальцы и переживала за Дину. Вернее, за Диин — вариант подруги в ином мире. Юля впервые усомнилась, что видит сон. Что если это параллельный мир? Восстанавливая в памяти обрывки разговоров, замечания, сделанные матерью и колдуном, она готова была допустить, что ошибалась. Пока она спала у себя, ее призвали сюда, проведя незаконный обряд. Что-то вроде этого.

— Так это или нет, моя это Динка или подруга дезертирши Юллы, а спасать ее надо! — прошептала она, комкая край пледа.

— Надо! Надо спасать! — снова зашелестело в голове.

Юля усмехнулась: «Либо у меня раздвоение личности, и я разговариваю сама с собой, либо Юлла пытается до меня достучаться».

Как только золотой паланкин снизился и завис над площадью, Юлька выбралась и побежала к Элиху, спрыгнувшему со своего ковра. Секретарь обернулся на звук шагов, растерянно заморгал и согнулся в полупоклоне:

— Вы довольны прогулкой, Ясная заря?

Девушка, не ответив, махнула фрейлинам, чтобы уходили. Те слаженно присели в реверансе и, поминутно оглядываясь, неторопливо двинулись к дверям.

— У меня к тебе дело, Элих, — заговорщицким тоном сообщила Юля.

Парень знаком показал слугам, чтобы те забрали его фитра вместе с остальными и замер, ожидая продолжения разговора.

Переплетя пальцы и прижав руки к груди, Юля жалобно спросила:

— Поможешь мне вызволить Диин из темницы?

— Я готов. Но как?

— Есть план. — Она тронула локоть Элиха, но сразу убрала руку, увидев, как густо покраснел парень. — Сейчас мы пойдем в башню. Скажешь стражнику, что правительница позволила Диин прогуляться. Мы спрячемся в кустах и обменяемся одеждой.

— К-к-кто обменяется одеждой?

— Какой непонятливый, — возмутилась Юля, — мы с подругой, конечно! Сложением мы похожи. Ну... почти похожи. Если замотать шалью голову, никто не разберет.

— Простите, Ясная заря! В толк не возьму. Зачем это нужно?

— Ты сможешь Дине сбежать, а я займу ее место в камере. — Изучив ошарашенное лицо Элиха, она пустилась в новые объяснения: — Завтра, когда соберутся казнить одну девушку, обнаружат вместо нее другую. Меня! Ну? Въезжаешь? Ясную зарю никто не станет убивать. Вот и все.

Элих вздохнул, улыбка тронула его губы, но глаза оставались печальными:

— Вас не тронут... Казнят меня. А дня через два разыщут Диин, и тут уж ей ничего не поможет. — Он помолчал, рассматривая огорченную девушку, и сказал: — Не думайте, что я боюсь. Не так уж и дорога мне жизнь. Готов отдать ее по вашему слову.

— Никакого слова нет! — испугалась она. — Что? Глупый план? Почему думаешь, что Диин не сможет скрыться?

— Вы забыли о Жерло Ватсе?

— Кто это?

— Ватсы обладают поисковой магией. Младший, по имени Жерло, спешит на отбор. Он, без сомнения, постарается угодить правительнице и разыщет беглянку.

— Но Диин — не преступница! Я попрошу этого Жерла не искать ее!

— Здесь решает слово Лучистой радости. Ни вас, ни меня слушать не станут.

Юлькины губы задрожали, горячие слезы выпутались из ресниц, покатались по щекам. Элих выхватил из манжеты платок и протянул девушке.

— Неужели ничего нельзя сделать? — шмыгнула она носом, промокая мерзнувшие на ветру веки.

— Скажите правительнице, что вспомнили, как все было. Что Диин не виновата. Попросите ради предстоящего праздника помиловать ее.

Юля кивнула и, сжимая в кулаке белую ткань с вензелем «Э», поплелась во дворец. Все бесполезно! Уж кто-кто, а правительница прекрасно осведомлена о том, что Юля ничего вспомнить не может.

Обед накрыли в буфетной. Вход туда находился напротив спальни, но Юля до сих пор не успела там побывать. Комната выглядела уютной и оформлением напоминала дворянскую усадьбу девятнадцатого века. На блестящем натертом воском дубовом паркете разлегся темно-красный ковер с неброским орнаментом. Круглый стол покрывала золотистая скатерть, испещренная коричневыми плавными линиями. Она свисала донизу, лаская ковер длинной бахромой. В тон ей были обиты стулья и кушетка. Гладкие бледно-коралловые стены украшали многочисленные картины: пейзажи, натюрморты, портреты.

После прогулки аппетит разыгрался, но Юля не замечала вкуса блюд. Жевала, тупо глядя в одну точку. Суегившаяся вокруг Тутти, робко поинтересовалась:

— Вам нездоровится, госпожа? Прогулка не порадовала? — не дождавшись реакции, она принялась нахваливать особенно удачный пудинг и свежайшие фрукты: — Вот, пожалуйста — манго! Господин Апол умеет удивить. Семена невиданных растений привозит из дальних стран.

— И что? — очнулась от грустных дум Юля. — Вызревают в нашей полосе? Как такое возможно?

— Магия! — подмигнула служанка. — У их семейства сильная магия. Вот, кажется, алебарду воткнул в камень, и та зацветет.

— А яблоко, каким меня Диин угостила, тоже Апол вырастил?

— Этого я знать не могу! — отшатнулась Тутти и схватилась за графин: — Соку свежесжатого желаете? Водой разбавила, как любите.

Обе девушки вздрогнули от резкого окрика:

— Выйди! Оставь нас одних! — на пороге стояла сердитая правительница.

— Лучистая радость! — служанка поспешно поставила графин и глубоко присела, кланяясь.

— Прочь! — женщина, затянутая в стесняющее движения длинное черное платье, направилась к столу и уселась напротив Юли. Как только за Тутти закрылась дверь, мать процедила сквозь зубы: — Не смей делать таких предположений!

Юлькина кожа мгновенно покрылась холодным потом. Ужас какого-то мистического свойства, смешанный с чувством вины, подавлял сознание. Но в глубине, под всей этой мутью, ворочалась досада, и девушка, едва шевеля онемевшими губами, прошептала:

— Это почему же?

— Не твоя забота, вот почему.

С минуту они сверлили друг друга недовольными взглядами. Юля, хоть и согласилась внутри себя со словами матери, из упрямства противоречила ей.

— Диин моя подруга. Я переживаю за нее.

— Не твоя.

— Моя.

Правительница поставила локти на стол, подперла подбородок кулаками и внимательно смотрела в лицо Юле. Та сжалась под стальным взглядом, словно маленькая девочка, случайно испортившая новое платье и ожидавшая наказания за этот безобразный проступок. Она насупилась, с испугом наблюдая за своими чувствами. Как смеет она спорить с мамой? Мать всегда права, она лучше знает жизнь. Кто такая Юля, чтобы иметь собственное мнение?

— Ты можешь простить покушение на Ясную зарю. Я не могу. Моя дочь умерла! — словно камни на

металлический поднос падали слова матери.

Да, это так. Юлла умерла, а призванная из другого мира девчонка совсем не подходила на роль Ясной зари. Но ведь она не навязывалась! Ее выдернули из безмятежно почивающего тела и швырнули в круговорот событий, не спрашивая согласия. Юля поводила пальцем по линиям на скатерти, пытаясь унять дрожь, потом взялась двумя руками за край стола и наклонилась к собеседнице:

— Вы отомстите за смерть дочери, послав на смерть невинного человека, а настоящий убийца будет гулять и посмеиваться.

Женщина прикрыла глаза и покачала головой, не веря, что самозванка смеет ей возражать.

— Откуда такая уверенность?

— Вспомнила! — с вызовом сказала Юля. Заметив усмешку на лице матери, она разозлилась еще больше и выпалила, не контролируя смысл фразы: — Я вспомнила, откуда взялось яблоко. Завтра... Нет! Сегодня же буду всем, кто согласится слушать, говорить об этом! Его отравил...

— Не посмеешь... — зашипела правительница.

— Еще как посмею! Уже сейчас люди сочувствуют Дине, а что будет завтра?

Женщина резко встала, стул с глухим стуком упал на ковер.

— Будь разумной! Держи при себе свои догадки, — твердо произнесла она.

Звучало это как заклинание, и Юля не могла не поддаться ему. Девушка тоже встала и, собрав всю свою волю, взглянула прямо в глаза матери:

— Умоляю, вызовите меня на суд. Я буду свидетелем защиты. Диин должны оправдать.

— Хорошо. Вызову. Но ты тоже выполнишь мою просьбу.

— Ладно, — поспешно согласилась Юля.

Правительница неторопливо прошла к дверям и оттуда, не оборачиваясь, сказала.

— Складывается впечатление, что ты унаследовала мой дар. Тогда как у дочери и следа его не было.

Юля не шевелилась. Разглядывала закрывшуюся дверь — белую с очерченными золотом коралловыми филенками. Спустя миг в проеме возникло любопытное лицо Тутти:

— Госпожа, фрейлины ждут вас в розарии, подышать перед сном.

Да. Стоит, пожалуй, притворить угрозы в жизнь. Девушка решительно пошагала за служанкой. Цветник встретил теплым воздухом и умопомрачительной смесью ароматов, усилившихся в сумерках. Юля пошла к фонтану, где запахи были не столь яркими. Журчание воды успокаивало. Болтовня фрейлин развлекала.

— Восхитительная была прогулка! Напрасно ты не поехала, Лита. — Ветти подмигнула Юле.

— Мой фитр слишком молод. Он не поднимается так высоко, — оправдывалась толстушка.

— Скажи лучше, что ему не под силу взять твой вес! — хихикала Ветти.

Лита отвернулась. Шелда задумчиво проговорила:

— Все бы вам цапаться. А завтра суд, между прочим. Нашу подругу... — она осеклась, искоса взглянув на Юлю.

— Диин оправдают, — отозвалась та. — Я выступлю в ее защиту.

Фрейлины дружно обернулись и заговорили все разом:

— Вы вспомнили?

— Диин не знала, что яблоко отравлено?

— Кто тогда виновен? Кто?

После лавины вопросов наступила тишина. Юля не чувствовала за собой права обвинять кого бы то ни было, не имея доказательств, поэтому лишь покачала головой:

— Завтра. Все завтра. Но я очень надеюсь, что Диин освободят.

Она пошла по дорожке, по пути сорвав с ближайшего куста огромный бутон — алый с оранжевой окантовкой. Под ногами хрустела гранитная крошка, на нее, планируя, опускались оборванные лепестки.

Хотя завершение дня с уверенностью можно было назвать хорошим, уснуть Юля не могла. Вертелась в постели, не находя удобного положения. Правильно ли она сделала, вступившись за Диин? Что если фрейлина действовала обдуманно?

Нет! Лучшая подруга не могла так поступить! Только не Дина! Но это не совсем Дина. Вот, и Юлла, по словам мамыши, не похожа на Юльку! Не только внешне, но и характером. Девушка села в кровати, зачем-то отодвинула балдахин и сквозь щель оглядела погруженную в сумрак спальню.

— Ты здесь? — прислушалась. В углу тихонько скреблась мышка. — Юлла!

Тишина. Странно было надеяться, что мертвая принцесса отзовется, но жужжащий голос звучал в Юлиной голове там, в воздухе. Если это была не она, то кто?

— Неважно, — решительно заявила Юлька. — Мать верит, что ты находишься рядом со мной. Значит, должна быть в курсе. Завтра я скажу, что Диин тебя не травил. Просто предупреждаю: если она виновата, возвращайся в свое тело и выступай на суде сама. Поняла?

Упав на подушку, Юля зажмурилась и заставила себя глубоко дышать. Через минуту уснула.

Глава 4 Который из двух?

Очередной глубокий вдох заполнил бронхи густой жижей. Юля испуганно открыла глаза и сквозь мутную пелену увидела усыпанное звездами небо. Повела руками, тревожа взвесь вокруг себя. Поднятый ее падением осадок — ил, водоросли, тина — пеленал ноги. Она тонула! Звезды медленно удалялись. На их фоне возник силуэт мужчины. Фонарь осветил поверхность воды. Папа! Юля забарахталась. «Папа! Я здесь!» — кричала, или ей только казалось, что кричит. Косяк пузырей, взорвавшийся у лица, устремился вверх.

— Дорогой! Здесь нет никого, — незнакомый женский голос.

— Да. Показалось, — отец выключил фонарик и пошел прочь.

— Папа-а-а! — вопила Юлька, но ее безвозвратно утягивало на дно. Она почти не видела звезд, мгла густела, ужас сменялся тупой тревогой: что дальше?

Тихий мамин зов расслышала не сразу, а расслышав, приняла за галлюцинацию. Все кончено.

— Юляшечка! Проснись, ласточка моя! Что с тобой?

Еще надеется на встречу. «Милая, добрая мама, только тебе я нужна, больше никому», — вяло текли мысли в Юлиной голове.

— Скорая! — кричала мама. — Не могу ребенка разбудить!... Восемнадцать... Что мне делать?

В мягкой гуще Юлины ноги нащупали твердую поверхность. Дно притягивало: лечь, всколыхнув черно-зеленую хмарь, забыться, отдохнуть... Лишь мамин встревоженный голос, диктующий адрес, путающийся в простейших вопросах, не отпускал. «Мамочка... Мама... Ты меня не бросаешь...». Превозмогая вялость и бесчувствие, девушка толкнула от себя твердь и стала грести руками, поднимаясь все выше. Вот и звезды! Вот и мама, сидящая на корточках и тянущая к Юле руки. Вынырнула, вдохнула, закричала: «Мама!»

— Ой! Она глаза открыла... Доченька!... Да, кажется, проснулась... — Мама, пролепетав извинения, отбросила на кровать телефон и помогла Юле сесть. — Господи! Как ты меня напугала! Бужу-бужу, а ты словно бревно!

— Я спала? — Девушка ощупывала себя: никаких следов сырости, все как обычно — мышцы, грудь...

— Что с тобой? Заболела? — мама потрогала лоб, — Может, не пойдешь на занятия?

— Норм. Не волнуйся, мамуль, все отлично. — Юля спустила ноги с кровати, потянулась за телефоном. — Ого! Опаздываю.

— Без завтрака не отпущу, — заторопилась на кухню мама, по дороге прокричала: — каша, какао, бутерброд...

Да. Надо поесть, желудок сводило судорогой только от названий.

В колледж пришла после звонка. Выслушала упреки тети Лены — уборщицы и по совместительству гардеробщицы. Та бесконечно долго гремела связкой ключей, отпирая решетку. Юля скользнула к ближайшей вешалке, оставила куртку и обувь. Улыбнулась тете Лене и побежала в класс. Дорога из дома и привычная обстановка немного взбодрили, но на пороге кабинета студентку вновь охватило чувство пустоты. Ее парту заняли Оксана и Паша. Дина сидела с новеньким. Юля обвела взглядом ряды, свободным оставалось только место рядом с Валерой Прохоровым. Дина заискивающе улыбнулась, остальные даже не посмотрели на опоздавшую — лихорадочно срисовывали таблицу с доски, не поспевая за преподавателем. Историк Пал Палыч — по прозвищу Па-Паша — не опускался до борьбы за дисциплину, работал так, будто находился в вакууме. Однако студенты, зная его манеру в конце урока устраивать самостоятельную работу по новому материалу, опасались и закорючки упустить из графиков, схем и таблиц, испещрявших интерактивную доску во время лекции.

— Привет, — шепнула Юля, подсаживаясь к Валере.

Парень кивнул, сдвигая тетрадь на свою половину. Один лист покрывали скупые пометки. Прохоров не слишком дотошно конспектировал. Он умудрялся параллельно торчать в айфоне, участвуя в онлайн турнире. Доставать телефоны на уроках запретили давно, у нарушителей их беспощадно отбирали. Валера стал исключением благодаря вполне приличной успеваемости и нескончаемому запасу гаджетов. По общему мнению, Прохоров был самым умным и перспективным в группе, а в колледж после девятого пошел, чтобы не сдавать ЕГЭ. Он, как и некоторые другие ребята и девочки, рассчитывал по окончании поступать сразу на третий курс ВУЗа, и если у остальных могли быть проблемы с дальнейшим обучением, то его они не касались. Трудности у Валеры были только

там, где требовалась скорость. Он любил обдумать, вникнуть, взвесить, поразмышлять. Даже здесь не всегда успевал заполнить тесты и ходил после занятий переписывать. Зато в устных ответах парню не было равных. На любую тему мог выступить хоть полчаса, хоть весь урок, а ребята и преподаватели только удивлялись, где он раздобыл такой интересный материал.

Ветрова неспешно вытащила из сумки тетрадь по истории, раскрыла. Взглянула на подругу. Та вертелась, посылая умоляющие взгляды, мол, без обид! Юля сцепила указательный и большой пальцы в жесте «Окей». Дина тут же успокоилась и наклонилась к Солодовникову. Если рассуждать здраво, вариант посидеть на уроках спокойно Юльку вполне устраивал. Она бездумно срисовывала с доски стрелки, кружочки и прямоугольники, заполняя датами и пометками, щедро рассыпаемыми Па-Пашей, и корила себя за необдуманный поступок. Зачем она просила Юллу вернуться? Что как принцесса вздумает навредить несчастной фрейлине? Мало ли какие у них там терки! Она вновь ощутила острую жалость к томлящейся в сыром подземелье девушке. Подумать только! Ржавые железки царапают кожу, полусгнившая солома набилась за шиворот и в рукава платья, невымытое тело чешется, спертый воздух не дает вздохнуть полной грудью, мучают холод и жажда. Надо было требовать освобождения подруги, а не мямлить, тушуясь перед королевой. Или правительницей. Как там у них все непросто!

Теперь придется до ночи теряться в догадках: вернется она в тот мир или место там занято.

— Достаем листочки, подписываем! — заставил очнуться Па-Паша. — Самостоятельная работа.

— Тема-то какая? — шепотом поинтересовалась у соседа Юля.

Тот подвинул свою тетрадь ближе и ткнул пальцем на заголовок сверху странички. Конспектом лекции пользоваться учитель разрешал, но из-за опоздания и рассеянности Ветрова не успела и половины материала записать, поэтому беззастенчиво сдирала ответы у Прохорова.

Следующим уроком была культура речи, что не могло не радовать. У Юльки не только иностранный, но и родной язык не вызывал отторжения. К счастью, расписание составили разумно: в субботу только три урока, последним физкультура, с которой можно было сбежать без последствий, главное в нормативы ГТО уложиться, сдавая зачет в конце семестра. Ветрова любила физкультуру, но не сегодня. Очень хотелось домой — к маме. Вот так! К маме!

На выходе из колледжа Дина догнала Ветрову и сходу забросала вопросами:

— Ты чего с физ-ры свинтила? Обижаясь? Какая-то ты смурная, случилось чего?

Юлька отделалась односложными ответами, а подружка, не требуя подробностей, стала рассказывать о своих впечатлениях. Восторгам ее, казалось, не будет конца.

— Он такой классный! С ума сойти! Не поверишь, я ему тоже сразу понравилась. Он вчера с Оксанкой сел только потому, что свободно было. — Ветрова хмыкнула. Свободными тогда были больше половины мест. Дина допытывалась: — Ну? А тебе он как?

— Сергей?

— Понравился?

— Главное, чтобы тебе нравился. Я-то причем?

— Вдруг, тебе завидно. — Дина вцепилась в Юлин локоть и старалась шагать с ней в ногу. — Не переживай, у тебя тоже скоро появится парень. Обязательно, я чувствую.

— Ладно, — засмеялась Ветрова, — не возражаю. А что, Серега успел признаться в чувствах? Ты так порхаешь.

— Пока только в кино пригласил. Но это не мало, правда ведь?

Дальше последовал подробный рассказ: О чем они говорили и на каком уроке. Как Солодовников огорчился, узнав, что Дина сбегает с физкультуры, ведь собирался ее домой проводить.

— Я очень хотела, чтобы он проводил, но рванула к тебе. Твой вид здорово меня напугал. Что все-таки стряслось?

— Сон плохой приснился, — со вздохом ответила Юля. — Тебе-то что снилось?

— Сережа. Мы целовались. Не представляешь, как чудесно он целуется!

— Во сне?

— Ага! — мечтательно подняла к небу глаза Дина.

— А в тюрьме ты, часом, не сидела?

Подруга остановилась и от возмущения не могла слова произнести. Надо так с небес на землю шмякнуть! Юле пришлось во всех подробностях рассказать историю отравления Юллы и предстоящей казни ее фрейлины.

— Говоришь, она похожа на меня?

— Абсолютно.

— А Сережа тебе больше не снился? — ревниво поинтересовалась Дина. Ветрова отрицательно покачала головой. Дина удовлетворенно кивнула и заверила: — Не сомневайся, Джулия, никогда в жизни, даже в страшном кошмаре, я не причиню тебе вреда. — Она засмеялась и потянула подругу вперед: — Давай в «Алисо» завернем. Слопаем по мороженке со смородиной!

Ей все-таки удалось растормошить Юлю. Уже через пять минут они весело болтали за столиком в кафе, и только мамин обеспокоенный звонок, заставил девушек разойтись по домам.

Пробуждение в спальне Юллы поначалу обрадовало. Юлька рывком поднялась и крикнула:

— Ага! Не хочешь, значит, расхлебывать, на меня надеешься! Эх ты! Ну, погоди, я тебе устрою.

Побежала по комнате, высоко поднимая колени, потом стала отжиматься. Больше трех раз не получилось, тогда как у себя Юля выполняла пятнадцать отжиманий легко, а если напрячься, то и до двадцати догоняла. А тут... Слабачка!

Заглянувшая в комнату Тутти на сей раз не выказала удивления. Она с умилением наблюдала за тем, как госпожа мучает себя, и качала головой.

— Что? — тяжело дыша, спросила Юля.

— Зачем вы это делаете, Ясная заря?

— Нужно укрепить мышцы, — начав приседать, ответила она.

— Правителям мышцы не нужны. Особенно женщинам. Вам не придется выполнять тяжелую работу.

— Здоровье и хорошее самочувствие нужны всем! — безапелляционно заявила Ветрова, подпрыгивая на месте.

— Ну, если вы так каждое утро собираетесь скакать, могу сшить подходящий для этого костюм.

— Сделай одолжение, — Юля направилась в душ.

— Хорошо бы для этого добыть ткань у семейства Хорхов.

— Кто такие? — выглянула из-за ширмы Ветрова.

— Создают магические материалы. Вон, зеркало у вас в кабинете — их подарок.

А-аа, нанотехнологии. Ясненько. Юля не переставала удивляться разнообразию магических способностей жителей Росистых лугов.

Из разговоров за завтраком Юля узнала, что вторая служанка занята — наводит порядок в зале заседаний совета. Это помещение расположено в покоях правителя и долгое время не используется, ведь Лучистая радость предпочитает выслушивать советников на своей территории. Однако преступницу решили судить в строгой обстановке, вот и открыли ради такого случая заброшенный зал. Этот подход не особо вдохновлял. Юлька не рассчитывала, что заседание состоится в теплой и дружественной атмосфере, но что-нибудь похожее на экзаменационный класс будет подавлять и вкупе с авторитетом «мамаши» создаст дополнительные трудности. А она собиралась бороться! Бороться за честь и жизнь подруги, несмотря ни на что.

Едва Юлька успела разделаться с омлетом и горой фруктов — Апол, видно, решил навитаминировать Ясную зарю по самую макушку — как он сам заявился ее в покои. Вошел без стука и, не замечая Юлькиного недовольного лица, объявил:

— Суд состоится с минуты на минуту, если хочешь попасть на заседание, поторопись.

— Вы меня проводите? — сухо поинтересовалась девушка, поднимаясь из-за стола.

— А зачем бы меня сюда отправили? — усмехнулся «фруктовый магнат». Этикету его обучали не иначе как в подворотнях.

Юля, скрепя сердце, направилась за мужчиной. Тот оттопырил локоть, помня как сопровождал Ясную зарю на балкон сразу после ее исцеления, но девушка отрицательно покачала головой и, расправив плечи шагала рядом с неприятным типом. Что ж, придется потерпеть это общество. Ей надо быть сильной, твердой и находчивой, поэтому: прочь лишние эмоции!

Зал заседаний совета — просторное помещение, не похожее на те, где Ветрова успела побывать — был оформлен в официально-скупом стиле: широкие окна без портьер, покрашенные в цвет слоновой кости гладкие стены с развешанными по ним географическими картами. На подиуме в торце зала — трон, рядом с ним поставили стул с маленькой короной для Ясной зари. Неподдалеку из наспех сколоченных реек соорудили загородку для подсудимой. По правую и по левую сторону от «высокого судьи» приготовили по креслу для представителей защиты и обвинения. Остальные, покрытые чехлами, стулья были составлены в противоположном углу комнаты как лишние.

— А где сядут зрители? — огляделась Юля.

Апол хмыкнул так, будто она сморозила несусветную глупость:

— Здесь не балаган. Какие еще зрители?

— Пойдем, дочка, — позвала заходящая следом за ними правительница и двинулась к подиуму.

Сопровождавший ее Элих, расточая аромат свежей крапивы, направился к одному из кресел. К другому шагнул Тиннет Апол. Расклад сил не обнадеживал. Секретарь, хоть и сочувствует Дине, но как человек зависимый вряд ли сумеет бороться за нее. Вельможа, взявшийся обвинять подсудимую, не станет стесняться в выражениях. Дочь правительницы для него не авторитет, что уж говорить о фрейлине. Ясной заре отвели роль безмолвного приложения к судье, что никак не могло устроить Юлю. Она подскочила к коронованному стулу, схватила, пытаясь передвинуть.

— Ты что творишь? — сквозь зубы прошипела мать.

— Я — свидетель защиты! — звонко выкрикнула Юля и выразительно глянула на Элиха.

Парня будто подбросило — в два шага он преодолел разделяющее их расстояние, схватил тяжелый стул и перенес к своему креслу.

— Пусть так, — запоздало позволила Лучистая радость, а обвинитель лишь криво усмехнулся.

Не успела Юля порадоваться маленькой победе, как в зал ввели Диин. Узнице позволили умыться и причесаться, но платье привести в порядок не получилось, оно сохраняло следы тюремной влаги, въевшуюся грязь. Приволакивая ногу, девушка прошла к отведенному ей месту и оперлась двумя руками на барьер.

— Дайте ей сесть! — крикнула Юля.

В давящей тишине раздались звонкие, из-за металлических набоек на каблуках, шаги стражника.

Он вытащил из груды стул и принес фрейлине. Та, не решаясь ни на кого поднять глаза, села. Все замерли. Ждали еще одного участника действия. Сухопарый абсолютно лысый дядька поспешно занял место позади Тиннета Апола и пристально посмотрел на Юлю. Радужки его глаз были светлыми, казалось, что человек их не имеет, лишь черные узкие зрачки устремлялись на объект.

— Кто это? — едва слышно спросила Юля, когда незнакомец отвернулся.

— Палач, — так же тихо ответил Элих.

— Какой ужас! — девушка не могла отвести взгляд от фигуры, состоящей, казалось, из скелета и кожи, из-под которой выкачали не только жир, но и кровь. — Он убивает взглядом?

— Мыслью.

У Юльки во рту пересохло, и сердце заколотилось как после километровой пробежки. Уж и палача привели, будто приговор заведомо ясен и времени на обжалование не положено. Гады!

Правительница, привлекая внимание, позвонила в знакомый Юле колокольчик и обратилась к подсудимой:

— Диин Белиш, признаешься ли ты в том, что дала отравленное яблоко Ясной заре?

Фрейлина покачнулась, едва не теряя сознание, слегка кивнула и подняла взгляд, собираясь отвечать, но ее опередила Юля. Она резко встала и повернулась к матери:

— Возражаю! Вопрос поставлен неправильно!

— Что значит неправильный вопрос? — сохраняя невозмутимость, спросила правительница.

— Он содержит обвинение.

Все находящиеся в зале мужчины воззрились на Юлю с таким изумлением, будто она дышала огнем.

— И как, по-твоему, следует задавать вопрос? — неизменно спокойным тоном спросила правительница.

Девушка повернулась к фрейлине, сцепив руки и прижимая их к груди. Диин навалилась грудью на загородку и смотрела на Ясную зарю. От волнения или от пережитых страданий, глаза ее стали особенно яркими, и такими синими, что дух захватывало от их чистоты. Юля улыбнулась подруге и вновь повернулась к матери:

— Надо спрашивать так: Правда ли, что Юлла взяла у тебя яблоко, когда вы гуляли в цветнике?

— И чем этот вопрос отличается? — возмутился Тиннет Апол, — От перестановки...

Правительница остановила его мягким жестом и заговорила:

— Пусть так, если Ясная заря считает важным перестановку слов...

— Дело не в перестановке, Лучистая радость, — вступился за девушку Элих. — Ваша формулировка предполагала, что Диин знала о яде, содержащемся в яблоке. Тогда как это отдельный вопрос.

— Принято, — кивнула правительница и спросила иначе: — Диин Белиш, ты угощала яблоком Ясную зарю?

— Да, — подсудимая поднялась и, стараясь удержать равновесие, быстро заговорила: — Секретарь точно подметил, о яде не знала. Моя вина лишь в том, что сама не стала есть и, когда Юлла захотела яблоко, не смогла отказать.

— В таком случае, Диин, поведай нам, кто виноват в отравлении Юллы, — бесстрастно поинтересовалась правительница.

— Простите, Лучистая радость, — опустила глаза фрейлина, — я не могу.

— Почему же? Человек покушался на твою жизнь, разве он не заслуживает наказания?

— Слава Праматери! Ясную зарю удалось спасти. Это главное. Я жива, — Диин вздохнула так, словно сожалела об этом, — и простила его.

— Что ж, расследование затянется из-за твоего упрямства, — в голосе правительницы угадывалось недовольство.

— Позвольте, — поднялся со своего кресла Апол, — я опрошу всех во дворце. Это дело чести для моей семьи, ведь яблоко украдено из нашего сада. — Правительница кивнула, а вельможа торопливо добавил: — Но подозрения с Диин Белиш снимать рано, ведь мы знаем ситуацию только с ее слов.

— И с моих! — крикнула Юля. — Я свидетельствовала, или вы позабыли? — Лицо Тиннета Апола потемнело, мать тоже выглядела хмурой, но Ветрова не сдавалась: — Предлагаю перевести Диин под домашний арест.

— Это еще что такое? — изумилась правительница.

— Пусть живет в своих покоях, а у дверей поставьте караул, чтобы никого не впускали и не выпускали.

В очередной раз после слов Ясной зари в зале повисла продолжительная пауза. Мужчины выжидательно смотрели на правительницу, Диин не сводила благодарного взгляда с лица подруги.

— Так и сделаем, — кивнула наконец мать и, не поворачивая головы, приказала: — Элих, организуй.

Секретарь сделал знак стражникам и устремился к выходу. Ветрова тоже вскочила, чтобы подбежать к подруге, но правительница остановила ее окриком:

— Уже покидаешь нас?

Юля оглянулась и поймала испепеляющий взгляд. Ну конечно, нужно было сначала испросить разрешения.

— Можно?

— Иди, — натянуто улыбнулась ее лучистость, — ты помогла.

Мельком глянув на хмурого Апола и скучающего палача, девушка бросилась догонять Диин, однако не увидела в коридоре ни ее, ни стражников, но чуть не наскочила на секретаря. Не представляя, где находятся покои подруги, спросила его:

— Куда ее увели?

— Я провожу, — церемониально поклонился Элих, — прежде позвольте выразить восхищение...

— Слушай, Илюха! — оборвала высокопарную речь Юля. — Меня реально колбасит от этого всего. — Не обращая внимания на вытянувшееся лицо парня, она продолжила: — Единственное, что мне сейчас нужно, это нормальная товарищеская поддержка. Не мог бы ты обращаться ко мне проще.

— Не совсем понимаю вас, Ясная заря.

— Вот-вот, без этих условностей. Называй по имени и на «ты». Прошу.

Увидеть такую по-детски радостную улыбку она не ожидала.

— Безумно счастлив стать вашим другом, Юлла, но Лучистая радость, боюсь, не позволит нам...

— Никто ее лучезарность и спрашивать не будет! — ехидно подмигнула Ветрова. — Ну? Повторяй: «Юля. Ты».

— Ты очень изменилась после болезни, Юлла, — восхищенно прошептал Элих.

— Неплохо. Ну, а теперь к Диин!

Комнаты, занимаемые Диин, оказались неподалеку от Юлиных. Вообще-то, неплохо было бы раздобыть план дворца, чтобы не приходилось каждый раз обращаться за помощью. Или на худой конец, пройти экскурсию. Юля уже начинала ориентироваться, но добрая половина помещений не была ей знакома. У дверей Диин Белиш замер караульный. Как объяснил Элих, они будут меняться каждые два часа и не пропустят никого внутрь без его разрешения.

— Когда ты предложила поместить Диин под домашний арест, я догадался, что это для ее безопасности, ведь она опасна для отравителя, и тот вполне может завершить начатое.

Убедившись, что с фрейлиной все в порядке — та, как сообщила служанка, принимает душ — Юля и Элих отправились к архивариусу. Поскольку Ясная заря начисто лишилась памяти, секретарь предложил ей познакомиться с историческими документами. Ветрова с удовольствием согласилась. По пути она расспрашивала о палаче, основательно ее напугавшем.

— Какой он неприятный! — длилась она впечатлениями. — Настоящий Кощей Бессмертный!

— Сид Коркас сидит без работы уже много лет. Посмотрела бы ты на палачей в других землях, они вполне крепкие, румяные ребята.

— Получается, палач — что-то типа вампира? Подпитывается от жертвы?

— О вампирах не слышал, а люди, обладающие схожей магией, убивая, крепнут.

Элих терпеливо отвечал на расспросы, а Юля все больше увлекалась новым для нее миром. Ее повеселило то, что палач женат на ведунье, а их дочери унаследовали магию матери, что, безусловно, радовало. Хотя, как пояснил Элих, женщины редко обладали магией убийства. Но эти были особенно жестокими. Интересно было послушать о правителе — отце Юллы — покинувшем Росистые луга три года назад и с тех пор не приславшем ни единой весточки. Подлинная Ясная заря, как оказалось, проводила долгие часы за изучением маршрутов и отчетов своего отца и деда — такого же любителя путешествий. Единственная тема, которая заметно огорчила секретаря, — это предстоящий отбор. Видя, как парень помрачнел, Юля нарочно стала расспрашивать его подробнее.

— А ты будешь участвовать?

— Я? — Элих остановился у входа в архив и вытаращил на спутницу глаза. — Нет, конечно.

— Я тебе не нравлюсь? — дразнила парня Юлька. Тот покраснел и опустил глаза, беззвучно шевеля губами. Она не унималась: — Ну? Не слышу.

— Дело не в этом, — наконец, заговорил парень. — Будущий правитель должен обладать магическими способностями полезными для страны. У меня же нет никаких...

— А-а-а-а, — протянула девушка. — И кто сюда пожалует? Ты в курсе?

Элих кивнул.

— Двое уже здесь, еще трое приедут завтра.

— Всего пять? — изумилась Ветрова. — Невелик выбор. А что если мне никто не приглянется?

— Это не обязательно. Отбор женихов — одно название. На самом деле, это выбор будущего правителя. Важно, чтобы он имел необходимые способности, и его семья была достаточно влиятельной.

— Теперь понятно, почему она не желает возвращаться, — пробормотала неприятно удивленная Юля и толкнула дверь архива. Познакомиться с историей страны она все еще хотела, но вот переселяться сюда из своего, куда более подходящего для нее мира, не собиралась.

Войдя в комнату, Юля ощутила удивительное спокойствие. Суета, волнения и агрессия остались за порогом. Посетительницу архива атаковал настоящий «книжный» запах. Она с упоением вдыхала аромат бумаги и клея, чернил и типографской краски, немного чувствовались металл, дерево, кожа.

Элих ускользнул, Ветрова, лишившись сопровождения, топталась у входа. Куда дальше? Направо или налево? Вдоль стеллажей или к заваленным свитками столам? К счастью, из-за ближайшего к ней громоздкого шкафа показался архивариус. Юлька замерла с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Пал Палыч! Здешний хранитель архива оказался удивительно похожим на учителя истории в колледже. Разве что выглядел постарше лет на десять: из-за растрепанной бородки, седины в постриженных до мочек ушей волосах и заметно выпирающего даже под просторным балахоном живота.

— Па-а-а, — чуть не обратилась к нему по имени и отчеству Юля.

— Зорюшка! — забасил тот, обнимая гостью. — Наконец-то вспомнила старика!

— Извините, — смутилась Юля, — лицо ваше мне знакомо, а вот как обращаться...

— Да-да, — гладил ее по волосам двойник Пал Палыча, — мне говорили, что ты потеряла память. Ничего, наверстаем! А ко мне... — он отстранился и посмотрел Юле в глаза, — обращайся, как и раньше: дедушка Лу. И, пожалуйста, не выкай. Ты моя названная внучка с тех пор, как умер твой родной дед. — Ветрова кивнула, а старик, взяв ее под локоток, повел вглубь помещения, к захламленному меньше других столу. — Вот здесь работала. Это твоя тетрадь, это описание кругосветки правителя. И еще! У меня сюрприз! — потирая руки, старик исчез в лабиринте стеллажей.

Юля механически раскрыла толстую тетрадь, форматом больше похожую на блокнот, и удивленно уставилась на записи. Почерк был похож на ее собственный. Правда, Юльке нужно было как следует постараться, чтобы писать так ровно и аккуратно.

Предшественница, судя по конспектам, всерьез интересовалась географией. Возможно, девочку, как и ее родителя, влекли неведомые дали, но в отличие от правителя, она не распоряжалась собой. Тут и там на полях встречались пометки с восклицательными знаками: вот бы увидеть, вот бы самой туда поехать, вот бы... вот бы... Но Ветрова пришла в архив не за этим. Посочувствовать усопшей принцессе можно по многим поводам, но как-нибудь в другой раз. Сейчас пришло время разобраться с историей страны, с правилами отбора, особенностями магии и прочими тонкостями.

Осмотревшись, девушка заметила на стене здоровенную разветвленную схему. Мастер запечатлел древо правящей династии прямо на штукатурке и сделал это весьма изящно. У корня значилось: «Печальные века». Далее шли «Суровые годы». Новое время начиналось от прадеда нынешнего правителя и называлось радостным. У каждого упомянутого в царском древе имени неизменно указывали тип магии. В печальных и суровых отрезках истории преобладали способности, связанные с силой, выносливостью, волей. Первой лучистой правительницей стала жена пра-прадедушки Юллы — дочь Нимфы Грозовых утесов. Рядом с ее именем крупными буквами было написано: «владеет фитрами». То же характеризовало ее сына, внука, правнука — нынешнего правителя — и Юллу. Лучистую радость, как теперь выяснилось, звали Райда, она владела магией убеждения, что совсем не удивило Ветрову.

— А вот и сюрприз! — забасил над самым ухом местный Пал Палыч, здорово напугав Юльку. — Вытряс я, как ты просила, из этих проходимцев отчет о последней поисковой экспедиции.

— Спасибо, бабушка Лу. — Юля взяла сброшюрованные листы и заметила: — Не густо.

Архивариус молча развел руками и поинтересовался, кивнув на разрисованную стену:

— Что новенького хочешь обнаружить?

— Где можно о фитрах почитать? — ответила вопросом на вопрос Ветрова.

— Да, собственно... нигде, — задумчиво сказал архивариус. — Таинственные создания. Нимфа Грозных утесов, провожая дочь в Росистые луга, отправила их как приданое. Наказ был такой: пока на троне находятся ее потомки, фитры будут служить подданным.

— Но ведь Лучистая радость — не потомок нимфы, — возразила Юля.

— Формально страной правит твой отец. Райда лишь местоблюститель.

— А-а-а... ясно. Вот еще! — она ткнула в точку, где схема разветвлялась на две мощные части. — У пра-пра-деда был старший брат. Почему трон достался не ему?

Это заинтересовало ее неспроста. Другая ветвь вела к Тиннету Аполу. По всей видимости, тот имел заметное влияние на мать Юллы, будучи дальним родственником правителя. Архивариус ответил не сразу. Он испытующе посмотрел на Ветрову и неодобрительно покачал головой. Девушка почувствовала себя неуютно, словно у доски брякнула что-то невпопад, и теперь Па-Паша влепит «кол». Имел он такую особенность: наставит единиц, а в конце семестра на четверки исправит.

— Не узнаю я тебя, Зорюшка.

Юлька растерялась, не представляя, как лучше выпутаться: привычно сослаться на потерю памяти, или обратить «глупый» вопрос в шутку.

— Бабушка Лу... — начала она виноватым тоном, — я просто...

Широкая улыбка архивариуса не дала ей договорить:

— Напугал? Прости старика. Не ожидал я, что ты этим заинтересуешься. Раньше-то все про папу любимого расспрашивала, ждала, когда вернется. За поисками его следила. А теперь, видишь, до династических проблем доросла. — Он вздохнул и обнял ее за плечи: — Нимфа виновата. Сватать ее дочь поехали старшему. Пра-пра-дед твой лишь сопровождал брата. А девушка возьми да и влюбись не в того. Нимфа заявила тогда, что за нелюбимого дочь не отдаст. Пусть, мол, юноша остается у нас, а вы наследнику другую невесту ищите.

— Он не согласился оставаться?

— Согласился бы. Тоже полюбил всем сердцем. Но Росистым лугам фитры нужны были. Без них плохо жителям приходилось. Да что же это я на словах, — спохватился архивариус, — «Хроники» почитай. Сейчас принесу!

Ветрова засиделась в архиве. Обед ей доставили сюда же. Молли сервировала переносной столик и укоризненно качала головой:

— Опять вы за старое, госпожа. Разве можно в такой пылище кушать! Все читаете... читаете... Нет бы к завтрашнему дню готовились. — бубнила она.

Юля не слушала, хроники Росистых лугов увлекли не хуже романа в жанре фэнтези. Увесистый талмуд, выданный архивариусом, не разочаровал. Здесь были не только тексты, но и схемы, карты, таблицы — все как любил историк колледжа Пал Палыч. Юлю нисколько не удивляло обожание местными фитров. В безрадостные времена жители Росистых лугов пользовались лошадьми, волами, осликами и прочими животными. Земля в большинстве районов была скудной, климат тоже не баловал. В неурожайные годы люди едва могли сберечь посевной материал, а тут еще набеги агрессивных соседей, норотивших отобрать последнее.

Однажды Райда, полагая, что пришедшая душа отсутствует, разговаривала с Юллой и упоминала Болотные трясины. Этой граничащей с Росистыми лугами стране посвящалось не меньше половины повествования о Суровых годах. Живущие в трясинах люди обладают магией подчинения воды, они легко передвигаются по топям и, будучи неуязвимы там, совершают набеги на соседние земли. С получением власти над фитрами борьба с мародерами стала не только возможной, но и привела к заключению мирного договора. «Болота» с тех пор не беспокоили «Луга».

Теперь становилось понятным стремление правительницы любой ценой вернуть дочь. Отравленную

принцессу повезла к шаману. Нарушая запреты, он призвал душу девушки, предварительно очистив тело от яда. Но Юлла не пожелала возвращаться, и...

— И вот, я тут! — сказала самой себе Юлька, отодвигая «Хроники».

Сюрприз, подготовленный дедушкой Лу, она с его разрешения прихватила с собой, чтобы полистать в постели. Все-таки интересно, как искали здешнего отца.

За ближайшим углом Ветрова натолкнулась на секретаря правительницы. Он стоял посреди коридора, задрал голову, и рассматривал росписи потолка. Юлька тоже посмотрела вверх. Там ожидаемо парили воины верхом на фитрах. Тучи рассыпаемых ими стрел напоминали ливень. Туго приходилось болотным бандитам, когда они попадали под налет «авиации».

— Позвольте... Позволь тебя проводить, Юлла, — согнулся в легком поклоне Элих.

— Пойдем, — согласилась Юля, она с трудом представляла, как сократить путь до покоев, возвращалась бы через комнаты Диин, а та наверняка отсыпалась.

Парень двинулся вперед намеренно неспешным шагом.

— Как провела время с Пауло?

— С кем? — не поняла девушка.

— Пауло Паулон. Так зовут архивариуса.

— Я называла его дедушка Лу.

— Вспомнила? — обрадовался Элих. Юля кивнула, не желая разочаровывать парня, тот указал на подшивку в руках спутницы: — А это что?

— Отчет о поисках правителя. Полистаю на досуге.

Парень рассмеялся.

— Не верь ни одному слову! Эти шарлатаны проводили время в трактире у границы, а сказки свои записывали, расспрашивая проезжих путешественников.

— Как? — Юля даже остановилась, пораженная таким заявлением. — Экспедиции отправляли, чтобы разыскать моего отца. Неужели эти люди настолько бессовестны?

— Не знаю, — пожал плечами Элих, — бессовестны они или глупы. Скорее, просто ленивы. Ты помнишь, что фитры служат нам лишь в пределах Росистых лугов? — Ветрова отрицательно pokrutila головой, парень объяснял дальше: — В полной мере владеет ими только сам правитель, ну и ты, конечно. А остальные только опосредовано, как его подданные. Если я или кто другой, даже Лучистая радость, переедет границу на фитре, тот сочтет себя свободным.

— Что? Прямо сбросит?

— Может и сбросить. Но таких случаев мало. Обычно они опускаются на землю, и седоку ничего другого не остается, как сказать: прощай.

— И куда они устремляются?

— К Нимфе на Грозовые утесы. Там свобода.

Замолчали. Юле очень захотелось поведать своего фитра. Сердце сжималось от жалости к нему. Вот как получается: не видишь существо, и не догадываешься, как тяжело ему живется. Эх! Если б можно было расспросить!

У входа в покои Юля поблагодарила Элиха за то, что он проводил ее, тот же напомнил о начале отбора, назначенном на завтра. Парень старался говорить официальным голосом, но Ветрова уловила нотки печали.

— Нельзя никак перенести? — без особой надежды спросила Юля. — Так не нравится мне эта затея!

Элих ответил со вздохом:

— Вы обсуждали это с Лучистой радостью как раз накануне отравления.

— И что?

— Она тебя убедила, что пришла пора выбрать жениха. Ты согласилась.

— Юлла-Юлла, — покачала головой Ветрова и, кивнув, пожелала провожатому спокойной ночи.

Тот ответил широкой улыбкой: открытой и немного грустной.

Проснулась Юля совершенно опустошенной. Лежала, не шевелясь, и прислушивалась к маминым шагам. Та заглянула в комнату и встревожено спросила:

— Доченька, как ты?

— Норм.

— Я разговаривала с отцом, — мама отвела взгляд, — он тоже беспокоится.

— Папа тебе звонил? — удивилась Юля.

— Я... — мама заговорила быстро, словно оправдываясь, — перепугалась вчера, когда не могла тебя добудиться. У него все-таки жена — психиатр.

— В психушку меня собрались упрятать? — Юля, смеясь, вскочила и обняла маму. — Не думала, что ты такая перестраховщица!

— Что будешь? Шарик с молоком или бутерброды? Тетя Лиза приехала, самодельную буженину привезла.

— О! Когда?

— Поздно, ты уже спала. Крепко. Мы шумели, а ты даже... — мамин взгляд снова стал испуганным.

— А ягоды замороженные? — Юля сделала вид, что не замечает маминого волнения.

— Смородину и облепиху приволокла.

— Тогда шарики с молоком и со смородиной, — девушка театрально закатила глаза.

После завтрака Юля села «заниматься». Не открывала ни учебников, ни конспектов, даже не глянула, что задано на понедельник. Взяла чистую общую тетрадь и принялась записывать туда раздобытую о новом мире информацию. Озаглавила текст: «Параллельная вселенная. Свидетельства очевидца». Поразмышляла над словом «очевидец» — есть ли оно в женском роде — и оставила в первоначальном варианте.

Тетя Лиза — мамина младшая сестра — встала около полудня, что удивительно. Она была любительницей провести значительную часть воскресного дня в постели. Услышав доносящиеся с кухни голоса, Юля отложила тетрадь и пошла здороваться с теткой. Сестры, как обычно, общались на повышенных тонах. Девушка уже собралась толкнуть дверь и закричать что-нибудь жизнерадостное, тем самым погасить назревающий конфликт, но очередная фраза заставила ее замереть:

— Юляшка наивна до крайности и легко попадет в его сети. Не понимаю, почему ты противишься! — возмущалась тетя Лиза.

— Просто, у девчонки своя голова на плечах, — мама произнесла это неожиданно спокойно, словно верила собственному утверждению. — Я не собираюсь так плотно опекаль дочь. Ты вот слушалась маму и осталась одна.

— А ты не послушалась, и из этого ничего хорошего не вышло! — обиженно парировала тетка.

Юля все еще стояла, сомневаясь, стоит ли вмешиваться. О чем ее не собиравалась предупреждать мама? Ясность внесла тетя Лиза:

— Пойми, Ираида! парень, действительно, симпатичный и обаятельный, а еще у него манера поведения с девушками отточена до совершенства: с достоинством и уважительная.

Мама многозначительно хмыкнула. Полным именем ее называла только сестра. Подруги предпочитали простое — Ира, а новым знакомым она представлялась Аидой. Даже на работе подчиненные обращались к ней: Аида Петровна.

О ком они трут? — заинтересовалась Юля и тут же получила ответ: Тетка продолжала распинаться:

— Не представляешь, какой разразился скандал в колледже. Девочке, которой он мозги запудрил, пришлось документы забрать. Она, кажется, вернулась в школу.

— И его перевели, ты говоришь.

— Вот-вот! И как назло в группу к Юляшке!

А... так она о Солодовникове! Юле расхотелось встречать. Пусть взрослые прежде между собой разберутся. Уходя, она успела услышать:

— Родители этого Сережи задумали женить его на дочери отцовского босса. Любовь-морковь в расчет не берут. Так что когда папашка несчастной Джульетты примчался обсуждать предстоящую свадьбу, его просто выставили за дверь.

Мама права: у Юли голова на плечах, Сережины флюиды ее совершенно не впечатлили, а вот Дину стоит предупредить. Вернувшись к себе, Ветрова огляделась в поисках телефона, тот зазвонил, словно отозвавшись. Ух ты! Динка! Сама... Нет, номер оказался незнакомым.

— Привет! Это Саша.

— Какой Саша? — девушка не узнала голоса. — Вы, наверное, ошиблись.

— Ты Юля?

— Да.

— Не ошибся, — весело сообщил незнакомец и запел: — На большом воздушном шаре апельсинового цвета...

— Саша! Ты? — воскликнула Ветрова. — Тот, из «Алисо»?

— Тот самый. Которого в армию проводили.

— Как мой номер добыл?

— Активными разведывательными действиями.

Не выдавая своих источников, парень рассказал о службе, пригласил Юлю на присягу. Сообщил, что его родители поедут на машине и могут захватить Юлю:

— В Нижнем у мамы родня, — уговаривал солдат. — Они обожают гостей. Тебе отведут отдельную комнату. Меня на сутки в увал отпустят, смогу экскурсию провести по городу. Там классно!

— Неудобно как-то, — сомневалась девушка, — я их никого не знаю...

— Ничего страшного! Я о тебе рассказал, так что заочно они тобой восхищены. Скину «эсэмэской» номер отчима, позвонишь, договоришься. Лады?

— Подумаю, — обещала Юля.

После разговора у нее осталось двойственное впечатление: приятное от Сашиного внимания и беспокойное из-за последних его слов. Юлькина мама после развода не решилась на второй брак. А вот другие-то живут новой семьей! Судя по Сашиному уважительному отношению к отчиму, неплохо живут.

Квакнуло сообщение. Ветрова открыла, взглянула на цифры, и мысли ее застопорились. Номер был знаком! Сколько раз Юля набирала его с чужих телефонов, чтобы лишний раз не волновать маму частыми разговорами с отцом. Даже лезть в контакты и сверять не стоило, указанные в сообщении имя и отчество тоже совпадали. Выходит, Саша и есть тот самый чужой ребенок, которого воспитывал ее папа! Ну, нет! Никуда она с ними не поедет. Вот, Динка! И зачем только она Юлин номер выложила этому Саше? Ветрова набрала подругу. Та отозвалась мгновенно. В каждом ее слове сверкало счастье. Нет, она никому не сообщала личную инфу о подруге.

— Где, говоришь, он? — спросила Дина.

— Под Нижним Новгородом. В учебке.

— Кстово?

— Вроде...

— Веткин парень туда попал. Через него, наверное.

— Ясно.

Юлино раздражение никуда не делось, напротив, от рассказа подруги о предстоящем свидании с

новым одноклассником усилилось, и она брякнула:

— Ты осторожнее с этим ловеласом, Дин. Солодовниковов вовсе не паинька. Из старого колледжа со скандалом ушел. Ветрову понесло, выдала все, что подслушала под дверью кухни.

— Что за сплетни? — голос в трубке потускнел. — Врет твоя тетя Лиза. Или это ты сама навывдумывала от зависти.

Разговор завершился не то чтобы ссорой, но размолвкой точно. Первой серьезной за все время дружбы.

«Пусть поступает, как хочет, — уговаривала себя Ветрова, — мое дело предупредить».

Чтобы погасить дурное настроение, Юля вновь взялась за «Хроники», записывала все, что запомнила. А запомнила она на удивление много. Возникло чувство, будто кто-то диктует слово за словом прямо в мозг, так быстро девушка строчила. Заглянувшая в комнату тетя Лиза пошутила:

— Ого! Оказывается, современные студенты владеют шариковой ручкой! А я-то считала, что молодежь только в кнопки и в экран тыкать умеет.

Юлька, опасаясь возможной профилактической беседы о Солодовникове, буркнула что-то невразумительное в ответ. Получилось невежливо. Но ведь она и так из-за этой истории с подружкой поцапалась!

Обошлось. Маминой сестре, как человеку обидчивому, достаточно было неприветливого тона, чтобы она ретировалась. Вскоре до Юли донеслись слова, сказанные мамой:

— Не дури, Лизавета! Нормально она разговаривает. Тебе показалось.

— Нет! Зря я вообще ехала! — нудила тетка. — Но сердце-то саднит! Что-то не так с племянницей, я чувствую. Интуитивно.

Они ушли в мамину комнату. Ветрова отложила ручку и стала разминать уставшие пальцы. Только собралась опять приступить к писанине, как раздался дверной звонок. Примчалась Вета:

— Ты чего на Динку наехала? Она истерит теперь. Забросала меня сообщениями в ватсапе.

Юля, приглашая подружку пройти в комнату, ответила формально:

— Она неправильно меня поняла.

— Это я дала твой номер Саше. Я. Дина ни при чем. Думала, тебе парень понравился. Что плохого, если будете перезваниваться? Знаешь, как они там друг перед другом хвастаются девушками?

— Все нормально, Вет, я не в обиде.

— Поедешь на присягу? — переключилась подруга.

— Ты в курсах, смотрю.

— Ну! Меня бы кто предложил на тачке подбросить! — мечтательно произнесла Вета, листая Юлину тетрадь.

— Позвони, попросись. Хочешь, номер дам?

— Ты серьезно?

— А что? — встрепенулась Юля. — Им-то не все равно, какую девушку везти? Фамилию мою только не говори ни Саше, ни его родителям.

— Ты настоящий друг, Джулия! — бросилась обниматься Вета. — Ярика навещу. Вот он удивится! А Саша не будет недоволен?

— Я все объясню, когда позвонит. Пиши. — Ветрова продиктовала номер.

Посидели еще. Вета предложила сходить в кино, Юля, сославшись на дела, отказалась. Подруга тронула тетрадку:

— Книгу пишешь?

— Типа того. — Немного подумав, Юля сформулировала так: — Снится мне сон с продолжением. Уже давно. Прикольный. Записываю, чтобы не забыть.

— Дашь почитать?

— Без проблем.

— Ну... твори. Попробую Риту выдернуть. Как Ярик ушел служить, маюсь от скуки. Не представляю, как целый год без него!

Несмотря на печаль в голосе, выглядела Вета вполне счастливой, ее вдохновила возможность навестить парня. Наверняка, наберет номер отца, как только выйдет из квартиры. Пусть! Юля даже рада этому. Ей-то уж точно не стоит видеться с этим Сашей. Кто он ей? Сводный брат, наверное. Криво улыбнувшись, девушка снова взялась за ручку и мыслями унеслась в свой новый мир. Она так и уснула, уронив голову на сложенные на тетради руки.

Глава 5 Чужая шкура тесновата

Очнулась в спальне принцессы. Обе служанки теребили ее:

— Госпожа! Проснитесь! Пора готовиться!

— Ясная заря! Отбор начинается сегодня!

— Вот, засада, — бормотала Юля, потягиваясь. — Мне-то чего готовиться? Пусть они из кожи лезут, чтобы принцессе понравиться.

— Что вы, госпожа, — щебетала Тутти, — итак гости шепчутся, обсуждая нездоровье Ясной зари. Надо предстать во всем великолепии.

Программу служанки наметили весьма внушительную. Юля с трудом отстояла пятнадцать минут на утреннюю гимнастику. Потом понеслось: маски, примочки, макияж, прическа... В довершении — стянутое в талии и подбитое ватой в груди платье кораллового цвета. Ветрову смешили все эти ухищрения: вот удивится молодой муж, разоблачив Ясную зарю в первую брачную ночь. Тутти захихикала в кулачок, а Молли, покраснев, сказала:

— Это случится только через год.

В зеркале Юля выглядела восхитительно. Примешивалась магия, но все равно было приятно разглядывать отражение. От этого занятия Ветрову отвлек визит Элиха. Секретарь прибыл за Ясной зарей и обомлел, увидев ее тюнингованный облик.

— Вас ожидают, Юлла! — отчеканил он и, закусив губу, покачал головой. Хотел, но не решался при служанках говорить комплименты.

— Отпад? — Ветрова поворачивалась то одним, то другим боком, наслаждаясь реакцией парня. Тот сдержанно поклонился, жестом приглашая Ясную зарю следовать за ним.

На сей раз шествовала мимо толпы придворных и гостей, выстроившихся по всей анфиладе комнат. Дамы приседали в реверансах, вельможи склоняли головы. Юле было чрезвычайно весело. Первым показавшимся неприятным моментом стало то, что усадить ее пытались рядом с матерью. Двойной трон взгромоздился на возвышении, окруженный пустым пространством. По правую руку располагались четыре кресла для фрейлин. Однако присутствовали только три — Диин оставалась под арестом.

Юля замерла в шаге от правительницы и, глядя ей в глаза, попросила:

— Позвольте мне сесть с подругами.

Райда не изменила выражения лица, лишь верхние веки дрогнули:

— Юлла, тебе знакомы правила, садись туда, куда полагается.

— Может, не будем о правилах? — негромко спросила Ветрова, прищурившись.

Правительница повернулась к стоявшему слева от нее полному мужчине. Тот расшаркался со словами:

— Думаю, ради перенесенного Ясной зарей недуга мы можем сделать исключение.

Ветрова, торжествуя, направилась к фрейлинам. По знаку распорядителя все расселись. Пять кресел, стоявших напротив правительницы, никто не занял.

— Это для женихов? — шепотом спросила Юля сидевшую подле нее Шелду.

— Для претендентов, — выразительно скосила глаза та.

— Ясно, — хихикнула Ветрова, сообразив, что жених — лишь один из участвующих в отборе молодых людей.

Распорядитель выдвинулся в центр свободного пространства, поклонился сидящей на троне женщине, потом чуть менее подобострастно Ветровой и обернулся к присутствующим вельможам:

— Уважаемые гости, первое испытание отбора посвящено знакомству с претендентами. По традиции каждый из них преподнесет Ясной заре дар, связанный с доступной ему магией. Юлла... — он запнулся, потряс головой, отчего толстые щеки смешно задрожали, и завершил тираду: — посоветавшись, объявит победителя первого испытания. — Оглядев сидящих по сторонам людей, он повысил голос: — Испытание начинается! — После паузы и, как показалось

Юле, немного огорченно, добавил: — Зергэ Апол.

Тут же двери зала распахнулись, впуская стремительно шагавшего юношу. За ним следовал слуга с золотым подносом. Крупный цветок в узкой хрустальной вазе привлек всеобщее восторженное внимание.

— Цветок силы — вытаращила глаза Шелда.

— Что это? — не удержалась от вопроса Ветрова.

Фрейлина, не отрывая взгляда от бордового раскрывшегося бутона, пояснила:

— Растение из мифа о непобедимом воине.

Ответ ничуть не прояснил ситуацию, но расспрашивать Юля не могла. Зергэ остановился напротив трона и, удивленно изогнув бровь, покосился на сидящую в стороне Ясную зарю. Рокировка сбита его с толку. К кому обращаться? После заминки начал:

— Лучистая радость, благодарю за позволение участвовать в отборе и рад предложить в дар вашей дочери — красивейшей и умнейшей девушке — цветок, выращенный мной для нее. — Теперь он обернулся к Юле: — Ясная заря, счастлив передать вам легендарный цветок и надеюсь, что больше никакие хвори не огорчат вас.

Придворные и гости зашептались:

— Ему удалось невозможное?

— Тот самый?

— Неужели!

Едва шум улегся, Ветрова спросила:

— Как он работает?

Не успев договорить, услышала неодобрительный гул, прокатившийся по рядам. Зергэ улыбнулся уголками рта и пустился в объяснения. Оказалось, что достаточно поместить неувядающий цветок в покоех и вдыхать его аромат, силы будут прибавляться день ото дня. В экстренном случае достаточно развести в стакане воды порошок, полученный из засушенных лепестков, выпить, чтобы силы удесятерились.

В завершении речи первый претендент выразил надежду на то, что в скором будущем, став супругом Юллы, укоренит в ее цветнике еще несколько таких растений. Раскланявшись, Зергэ Апол направился к ближайшему свободному креслу.

— Ума не приложу, — наклонилась к Ветровой Шелда, — где он раздобыл семена.

Ее шепот заглушили слова правительницы:

— Благодарю, Зергэ, подарок великолепен!

Словно по команде раздалась аплодисменты. Юля, поддавшись общему восторгу, тоже хлопнула раза два. Ее несколько задел самоуверенный тон первого претендента. Невольно вспомнила разговор мамы и тети Лизы о Солодовникове — похожем на Зергэ парня из ее родного мира. Здешний зеленоглазый «Аполлон» тоже не сомневался в своем обаянии.

— Следующий претендент, — объявил распорядитель, — Арык Додж.

Двери открылись с небольшой задержкой. Юля спросила у соседки:

— Что за чел?

— Наследник старшего князя Болотных трясин, — прошипела Шелда.

Возмутиться Ветрова не успела, неспешно шагая, в центр зала вышел необычайно высокий молодой человек. Лицо его было удлинённым, подбородок выдавался вперед, темные волосы доставали до плеч. Одет княжич был в кремовую рубаху и расклешенные коричневые брюки. Поверх рубахи — длинный до пола жилет с разрезами по бокам и спереди. Такие, кажется, называют шазюблем. Двигался юноша плавно, как будто окружал его не воздух, а толща воды. Остановившись, оглянулся, словно поджидал кого-то. Не обнаружив позади себя поддержки, претендент глубоко вздохнул, как перед нырянием, и повернулся к Юле, безошибочно отыскав ее глазами:

— Ясная заря, долгий нерушимый мир между нашими народами дает мне право претендовать на вашу руку. В знак восхищения хочу подарить вам амулет.

Неуловимым движением парень вытащил из-за пояса кожаный мешочек на шнурке. По залу прошелестели шепотки. Ветрова поднялась и шагнула навстречу плывущему к ней Арыку. От окутавшего ее аромата закружилась голова. Пахнуло сочными подтопленными травами, разогретым илом, нежной ряской. Княжич вложил ей в руку свой дар и прошептал:

— Укротит на необходимый срок любую водную гладь, стоит только высыпать порошок на поверхность.

Юля поблагодарила кивком и вернулась в кресло. Арык Додж без лишних объяснений отправился к своему месту.

— Вы его понимали? Откуда знаете язык болотных? — фрейлины таращили глаза на Ветрову. Та лишь пожала плечами.

Распорядитель на сей раз, прежде чем пригласить очередного претендента, подкатил к Ясной заре и негромко напомнил:

— Вам не следует приближаться к юношам и, тем более, собственноручно получать дары.

Юля посмотрела прямо в широкое лицо мужчине, ничем не выдавая: приняла она к сведению его внушение, или нет. Распорядитель тряхнул щеками, словно закрепляя сказанное, и вернулся в центр:

— Уважаемые свидетели отбора, сейчас перед вами предстанет, — он сделал паузу, справляясь с дрожью в голосе. Проглотил комок и продолжил: — Берт Каук.

Вошедший толстый паренек нес переплетенную в малиновый кожаный переплет книгу. До Юли, несмотря на значительное расстояние, донесся запах талька. По-видимому, этим нехитрым средством Берт боролся с потливостью. Безуспешно. Лоб под торчащим рыжим ежиком волос покрылся крохотными и частыми капельками пота.

— Дорогая Юлла, — обратился как к давней знакомой очередной претендент: — специально для тебя я изобрел эту книгу. Любое произнесенное тобой слово появится на ее страницах. Достаточно раскрыть и положить ладонь туда, где ожидаешь увидеть запись.

Протараторив заученный и сто раз отрепетированный текст, парень, следуя полученным инструкциям, взглянул на распорядителя. Тот подскочил, забрал подарок и передал Ветровой.

Юля на секунду задумалась, дотронулась до первой страницы и продекламировала:

— Крутой получается экшн! Лампово тут посидеть, позырить на сасных чувачков.

Захотелось приколоться, почему нет?

Убрав ладонь, она увидела ровную строку изящно выписанных букв. Без опечаток и ошибок. Класс! Вот бы домой такую штуку — курсовые работы готовить.

Претендент и распорядитель ошарашено переглянулись, а правительница спросила:

— Стереть как-то можно?

— Об этом я не позаботился, — проямлил Берт.

— Каждое слово, произнесенное Юллой, — вмешался распорядитель, — имеет цену для истории. Стирать их не придется.

В поисках одобрения он повернулся к Райде, та усмехнулась, благосклонно кивнула и милостивым жестом отправила претендента в его кресло. Берт поспешно ретировался, а распорядитель снова принял напыщенный вид и объявил:

— Уэлер Хорх!

В парне, вошедшем в зал, Юля узнала Валерку Прохорова. Не только внешне, но и манерами претендент напоминал ее одноклассника. Приветственная речь звучала складно и казалась не заученной, как у других, а вполне импровизированной. Но смотрел Уэллер исключительно в пол, словно рисунок паркета и структура ковровой дорожки интересовали его куда больше реакции окружающих. Лишь пару раз парень коротко взглянул на Ветрову и один раз, выслушивая ответ Райды, на нее.

— Где же дар? — насмешливо поинтересовалась правительница.

Уэлер потупился, в его скованной позе чувствовалось напряжение, но двери зала снова распахнулись, впуская бежавшего с отрезом белой ткани в руках слугу. Тот, споткнувшись, едва не растянулся в ногах у господина. С тяжелым вздохом претендент забрал ткань и слегка дернул головой, отдавая молчаливый приказ. Неуклюжий слуга бросился прочь.

— Предлагаете сшить для Ясной зари свадебное платье? — не меняя тона, спросила Райда. Уэлер лишь пожал плечами.

Тем временем слуга вернулся. Он катил круговую ширму на крохотных колесиках. Оставив сооружение, напомилавшее кабинку для переодевания, он метнулся к своему господину за отрезом, положил ткань на колени Юле и унесся прочь. Во время этой суеты претендент довольно складно объяснял суть своего дара. Человек, набросив на себя ткань, должен подробно представить будущий наряд: покрой, цвет, отделку. Через минуту полотно превратится в платье или костюм — по желанию.

— Он предлагает прямо тут переодеваться? — наклонилась к фрейлине Ветрова.

Та пожала плечами:

— Всего минута.

Райда указала на ширму:

— Полагаю, это не уместно. Поверим вам на слово, Уэлер.

— Почему же? — вскочила Юлия: — Можно и сейчас. Шелда и Лита мне помогут.

Она устремилась к ширме, фрейлины с достоинством шествовали следом.

— А обувь можно поменять? — спросила Юлия набегу.

Претендент кивнул, привычно глядя вниз:

— Надо разуться и наступить на край ткани.

Внутри кабинка оказалось достаточно просторной для двоих. Шелда застыла у входа с видом рыцаря, защищающего честь дамы, а толстуха зашла вместе с Юлей. В четыре руки девушки избавились от праздничного одеяния. На Ветровой остались только шелковые шортики. Лита старательно запеленала госпожу волшебной тканью, спустив край так, чтобы, та смогла на него встать, и спросила

— Мне выйти?

В кабинку заглянула нагруженная платьем Шелда, ей тоже было любопытно посмотреть на превращение гусеницы в бабочку. Юлия глазами показала обеим на выход — фрейлины мешали сосредоточиться. Когда девушки унесли одежду, она на миг испугалась: что если эксперимент сорвется? Ох, и повеселит гостей прыгающая по залу мумия! Потрясла головой, прогоняя эти мысли, собралась и вызвала в памяти любимые голубые джеггинсы, черный топ и серые кроссовки. Зажмурилась, прислушиваясь к ощущениям. Кожа по всему телу нагрелась, запахло горячим утюгом, послышался треск разрываемой ткани. Юлия открыла глаза и застыла, разглядывая себя. Одежда точь-в-точь соответствовала запросу.

Дефиле от кабинки до кресла сопровождала густая тишина. Усевшись, Ветрова взглянула на Уэлера, хлопнула три раза в ладоши и сказала:

— Bravo! Всегда мечтала о таком подарке.

Вельможи и дамы зашумели, кое-кто аплодировал. Лучистая радость не произнесла ни слова, но в ее взгляде Юлия заметила спрятанную до поры злость. Уэлер, смущаясь всеобщего внимания, поспешил занять свое место. Шум стих, едва распорядитель вышел в центр зала.

— Жерло Ватс!

Это имя Юлия уже слышала. Женишок из рода поисковиков. Чем-то он удивит?

В зал деловито вошел человек лет тридцати. Красиво постриженные усы и борода добавляли его облику шарма и загадочности. Короткий пиджак и узкие брюки смотрелись на худощавой фигуре вполне современно. Следом за Ватсом слуги катили миниатюрную тележку, на ней располагалось нечто похожее на спутниковую антенну. В центре сооружения поблескивало круглое зеркало. Жерло Ватс едва приметно поклонился Райде и обращался исключительно к ней, словно вокруг

никого не существовало:

— Долгих лет вам здравствовать и править, Лучистая радость! Получив дозволение участвовать в отборе, я задумался о подарке, связанном с магией моего семейства, и решил разыскать правителя, зная, как скучает об отце Ясная заря.

Слушая претендента, Райда скомкала ткань подола, сжав кулаки так, что кожа на суставах побелела. Однако лицо ее осталось беспристрастным.

— Это хорошая затея, Жерло, продолжайте, — сухо сказала она.

Ватс кивнул и указал на привезенный прибор:

— К великому сожалению, на правителя наложены противопоисковые чары, и определить место его пребывания невозможно. Мое изобретение помогает лишь наблюдать за ним иногда.

Коснувшись ладонью зеркала, Жерло Ватс отошел в сторону. Поверхность сначала потемнела, потом на ней проступили силуэты двух сидящих на скамье человек. В одном Юля узнала отца — бородатого, с длинными волосами, а во втором — Сашу, тоже длинноволосого. За их спинами можно было разглядеть зеленеющий кустарник магонии.

— Это прямо сейчас происходит? — дрожь в голосе правительницы выдала ее волнение.

— В эту самую минуту, — коротко поклонился Ватс и, вернувшись к прибору, выключил прикосновением экран. — Не рекомендую затягивать наблюдение, устройство рассчитано на сто часов трансляции.

— Почему так мало? — возмутилась Юля.

Мужчина, все еще не оборачиваясь к ней, ответил:

— Я боролся за качество изображения. Все должны убедиться, что на экране правитель, а не другой, похожий на него человек.

— Это мой супруг, — уверенно сказала Райда.

— Это папа, — одновременно с ней прошептала Юля. В голове у нее свербела ревнивая мысль: и здесь с ним Саша.

— Жив... жив... — зашептали вокруг.

— Благодарю, Жерло Ватс, — к правительнице вернулось прежнее спокойствие. — Садитесь, прошу вас.

Она кивнула распорядителю, тот вышел вперед и объявил:

— Первое испытание завершено. Ясная заря, посовещавшись десять минут, объявит победителя.

Райда поднялась, все присутствующие встали. Правительница неторопливо направилась к двери, расположенной в стене за тронем, Юля повернулась к фрейлинам:

— Ну как, девочки? Кто круче?

Ветти пожалала плечами, Литя закатила глаза, изображая задумчивость, Шелда весомо заметила:

— По рождению выше всех княжич. Он все-таки сын правителя.

— Болотного, — сморщилась Ветти.

— Вообще-то, он интересный, — прикидывала Юля, — тягучий только... А как вам Валерка? Вон какой прикид мне сварганил! Где бы я такой добыла?

Фрейлины не успели ответить. Секретарь возник рядом и скороговоркой сообщил:

— Юлла, вам необходимо проследовать за Лучистой радостью.

— В смысле? — удивилась Ветрова. — Я советуюсь!

— Советоваться нужно с матерью, а не с подругами, — округлив глаза, шептал Элих.

Юля осмотрелась и только теперь заметила, полсотни неподвижных, словно изваяния, людей, в том числе и участников отбора. Да уж, пожалуй, лучше свалить. Хотя, что там маман насоветует, догадаться несложно. Скрывшись за невидимой из общего зала дверью, Ветрова оказалась в

крошечной комнате с узким окном. Там с трудом поместился узкий диван, в углах ютились два стула. Элих тоже вошел и остановился у двери. Райда устроилась на диване, Юлька села на стул, вытянула ноги, разглядывая новенькие кроссовки.

— Итак, кто больше других угодил Ясной заре своим подарком? — правительница старательно смотрела в окно, однако Юлька готова была поспорить, что дальше своего носа мамаша не видела, слишком была напряжена.

Заговорил Элих:

— Зная, как Юлла тоскует по отцу, полагаю, она выберет победителем Жерло Ватса.

Ветрова не успела возразить, ее опередила Лучистая радость:

— Глупости! Мы и так догадывались, что он жив. Какой прок подглядывать, все равно непонятно, где искать.

Ветрова глубоко и шумно вздохнула и мать, наконец, обратила на нее внимание:

— Не вздумай говорить, что тебе понравился этот Уэлер! Вырядилась, как паец.

— Понравился! — с вызовом сказал Юля, — он хотя бы умный. Арык тоже ничего. Странный, но прикольный. Можно я им всем баллы поставлю?

— Так и нужно, — пояснил Элих, видя, что правительница сверкает глазами, не желая отвечать, — распределить по ранжиру, но все ж победитель испытания должен быть один.

— Выйди, — сказала ему Райда и, когда секретарь выскользнул за дверь, зашипела, подавшись в сторону Юли: — Цветок силы вне всяких сомнений победил! Твою subtilность необходимо...

— С этим я и без букетов справлюсь! — Юлька согнула руки в локтях, демонстрируя бугорки мышц. — Видите? Всего ничего занимаюсь, а уже чувствуется! Теперь еще бегать буду!

Она покрутила ступнями, демонстрируя кроссовки.

Правительница встала, прошлась по комнате, чуть не споткнувшись о Юлькины ноги, развернулась и строго сообщила:

— Ты мне должна! Помнишь, обещала выполнить просьбу?

— Помню, — буркнула Ветрова.

— И в первом, и во втором испытании победит Зергэ.

Юльку аж передернуло. Он тоже поднялась и, взглянув в лицо матери, дерзко спросила:

— А в третьем?

— В третьем — бои. Он победит без твоей помощи.

Понятно, с цветком-то силы! Ветрова кусала губу, подыскивая возражения:

— Зачем же тогда комедию ломать? Заставили ребят тащиться сюда без толку! Раз результат predetermined...

— Есть правила. Мы их придерживаемся. — Райда устало потерла лоб. — Иди, объяви результат.

Ветрова уперла руки в бока:

— Пусть так! Но учтите, замуж за него не пойду. Ни сейчас, ни через год. Так что уговаривайте доченьку вернуться в свое тело, а я после фиктивного отбора сюда не вернусь!

Покидая совещательную комнату, она услышала сказанное вдогонку:

— Почему фиктивного! Апол, действительно, достойнейший из всех.

Процедура была неприятной. Выдавать навязанное другим человеком решение за собственное Юльке прежде не доводилось. Она, понуро изучая носки кроссовок, произнесла монотонную бесцветную фразу. С превеликим удовольствием сразу же свинтила бы, но ее удержали. По правилам полагалось выслушать благодарности и поздравить победителя. Даже не видя лиц, по интонации, по звучащему в голосе разочарованию, Ветрова чувствовала недовольство одних, а по эмоциональному подъему — удовлетворение других. Как ни странно, болотный княжич не казался огорченным полученной двойкой. А ведь это была самая несправедливая отметка из всех.

Усмиряющий воду амулет Юльке понравился. В оправдание она пробормотала что-то о невозможности проверить действие магии в условиях дворца. Арык с улыбкой — это чувствовалось по голосу — ответил:

— Я стремился помочь вам в предстоящем путешествии, Юлла. Заработанный бал не так важен.

Ветрова одна понимала гостя. Как успел выяснить Элих: прибывший с княжичем переводчик накануне набрался вина и страдал похмельем так, что не смог явиться на испытание, а сам претендент, хоть и владел языком Росистых лугов, говорить стеснялся.

— О чем вы беседовали с болотным? — осведомилась Ветти.

— Про какое-то путешествие, — пожалла плечами Юлька, — я не врубилась, а переспрашивать неловко.

— Мечтает увезти вас в топи, вот и язык вы уже тайком от всех изучили, — саркастично заметила Шелда, не догадываясь об артефакте, подаренном Юльке шаманом и помогающем понимать незнакомую речь.

Ветрова только хмыкнула. Ни по трясинам шататься, ни здесь торчать она не собиралась, но пока не представляла, как выполнить угрозу, сказанную сгоряча Райде. От нее ничего не зависело: просыпается то там, то сям, и если дезертирша Юлла не надумает возвращаться в свое тело, придется и замуж идти, и все остальное.

Единицу заработал Берг, хотя его тетрадка тоже была клевым подарком. Толстяк либо не огорчился поражением, либо не надеялся на большее. Он искренне — во всяком случае, так это звучало — поблагодарил Лучистую радость и Ясную зарю за позволение участвовать в отборе и поздравил победителя. Еще бы! Если так пойдет и дальше — а оно пойдет — Апол станет правителем, и сыну распорядителя придется служить ему. Зачем же портить отношения? После выступления Берта Ветрова предположила, что лучистая мамаша специально подбирала отстойных соперников своему любимчику. Так и подмывало сказать парням: валите по домам, вам тут ничего не светит. Останавливало только любопытство: какие еще испытания предстоит им пройти?

«Это не мои проблемы», — уговаривала себя девушка, выбравшись, наконец, из душного зала. Настроение было поганым, «мантра» не помогала. Тянуло побыть одной и одновременно с этим поговорить с человеком. Взаимоисключающие желания. Особенно из-за здешней несносной компании. Осознав перспективу получить в мужья сноба и нарцисса, Юлька сердилась на всех свидетелей фарса, устроенного вместо честного соревнования. Разве что Диин сможет развеять пасмурные мысли. Во всяком случае, неосторожное обещание выполнить просьбу Лучистой радости пришлось дать именно из-за нее.

В покоях фрейлины шли суетливые приготовления к отъезду. Юля прошла в комнату, недоуменно разглядывая раскрытый дорожный сундук.

— Что здесь творится? — поймала она за рукав пробегающую мимо служанку.

Та уронила на табурет ворох белья и поспешно присела в реверансе:

— Простите, Ясная заря, я вас не заметила.

— Где Диин?

— Плачет в спальне.

Плачет — мягко сказано. Подруга рыдала, уткнувшись в подушку, точно решила поставить рекорд по стирке постели без применения воды. Присев на краешек кровати, Ветрова погладила Диин по спине.

— Что с тобой? Никогда не видела, чтобы ты...

Девушка встрепенулась, села рядом с Юлей и принялась вытирать ладонями лицо. Оно было розовым, а веки красными и припухшими, нос выглядел не лучше.

— Он-на вве-ле-лла уби-р-рать-ссия, — всхлипывая, сообщила Диин и спокойнее добавила — Иначе каз-нит.

Итак, правительница решила отправить фрейлину, если не на тот свет, то хотя бы прочь из дворца, а Юля вместо ожидаемого утешения получила возможность самой потренироваться в этом искусстве.

— А далеко твой дом?

Диин заморгала, удивляясь вопросу, но ответила:

— Час лету на фитре.

— Ну? И чего реветь? Я буду тебя навещать.

Фрейлина склонилась, пряча лицо в ладонях, плечи ее опять задрожали:

— Ты же зна-а-аешь, мне нужно видеть Зергэ. Как жи-и-ить?

Все хуже, чем представлялось. Выходит, Юля ненароком увела парня у подруги, хоть ей самой он и даром не нужен. Фу!

— Давай-ка, прекращай! Придумаем что-нибудь, — она старалась говорить убежденно. Встала напротив: — Посмотри лучше, какие у меня штанишки. А?

Диин послушно оглядела Ясную зарю с ног до головы и покачала головой:

— Я бы никогда такое не надела.

— Ну и напрасно! Очень удобно. Это мне Валерка подарил.

— Уэлер?

— Ты бы видела, как все вылупились, когда я сменила платье на джегинсы и топ! — Ветрова похлопала себя по бедрам и покачала ими.

— Ты переодевалась при всех? — воскликнула фрейлина так, будто Ясная заря принимала душ на виду у доброй половины подданных. — Без служанок? Я тебя не узнаю.

— А я тебя не узнаю! — нахмурилась Юлька. — Кстати, Уэлер — отличный вариант! И чего ты на Аполе зациклилась? Полно других парней существует на свете.

— Нет, — снова вздохнула подруга. — Кроме Зергэ мне никто не нужен. Я в монастырь пойду.

— Куда? Где?

— В предгорьях Грозовых утесов. Буду молить Праматерь...

— погоди! — Ветрова присела на корточки перед фрейлиной, — Диин! Не совершай необратимых поступков. Подожди хотя бы год.

— Зачем? Все уже решено. — Диин взглянула на Юлю, глаза ее потемнели, приобретая цвет вечернего неба. — Я знаю, что ты назначила Зергэ победителем первого испытания.

— Не я! Мать! — Ветрова поднялась и стала прохаживаться по комнате. — Но за год все что угодно может произойти. Я, например, исчезну...

Фрейлину будто фитром подхватило, она вскочила и подбежала к Ясной заре:

— Нет! Пожалуйста! Ты ничего не должна мне. Уже одно то, что спасла меня от казни... — Она крепко обняла Юлю, спрятав лицо у нее на плече, — Я знаю, что Зергэ достоин трона. Пусть будет, как будет. Если хочешь, дождусь вашей свадьбы, но потом монастырь. Буду служить Нимфе Грозовых утесов. Так правильно.

Да кончено! Прямо, как Юлькина мама. Та, реальная. Однолюбы они, видишь ли. Юлька отстранилась, повернулась на пятках и пошла прочь. Ей было досадно. Настоящая подруга — Динка — постоянно твердила про зависть. И теперь, направляясь во двор, подальше от всех, Ветрова задумалась. В самом деле она завидует? Ну так, если быть честной. Объяснить свои чувства она не могла. Не дана ей пока большая любовь, так что? Даже если никогда не испытает она этого чувства, не повод ныть и рыдать. Полно других эмоций на свете. Можно путешествовать, например. Болотный княжич об этом же говорил. У себя не особенно поездишь, учеба — времени мало, денег тоже не горы. А тут! Одни фитры чего стоят! И дешево, и безопасно. Иностранные языки она теперь легко понимает, а дня через два-три разговаривать сможет на любом. Удобно! Точно. Сразу после отбора, если только не получится затворить дверку из своего мира в этот, она сбежит из дворца. Возможно, Зергэ и достоин трона, но она сама — не достойна.

За рассуждениями, захватив по пути меховую накидку из стенного шкафа, добралась до стойла своего фитра. Пахнуло озоном, послышался легкий треск:

— Я скучал.

Юлька завертела головой:

— Кто говорит?

— Фитр, как вы нас называете.

— Погоди-ка, — девушка шагнула вперед и поводила руками в воздухе, отыскивая невидимое существо, — это ты в прошлый раз трещал? А я думала, что Юлла со мной общалась.

— Юлла здесь. Она всегда рядом с тобой, но не может ничего сказать. И не понимает меня. Нас никто не понимает. Ты — первая.

Вот это да! Говорящая летающая лошадка... или не лошадка. Настенные росписи изображали фитров длинношерстыми барашками. Девушка гладила прохладную кожу существа, обхватывала, его, пытаясь представить внешний вид фитра.

— Как же ты выглядишь? Хочу сказать: как бы выглядел видимым?

— Как угодно. Меняемся в зависимости от груза. На отдыхе — другие, а дома... Дома мы похожи на вас.

— На людей? — испуганно воскликнула Юлька. — Ангелы, что ли?

— Слуги Нимфы Грозовых утесов.

Они еще долго болтали. Юля наполняла воздух мельчайшими холодными брызгами из пульверизатора — фитры обожали влагу, ведь их родной стихией были облака. Девушка слушала рассказы о горном замке нимфы и не могла прогнать мысль о том, что это замечательное существо, как и многие его сородичи, находится в рабстве у жителей Росистых лугов. Фитры — разумны, но никто об этом не догадывается. Она даже пыталась выведать имя своего нового друга, но тот отказался говорить:

— Отправляясь сюда, я лишился имени, родни, дома. Служить тебе или другим людям, я могу только безымянным. Приказ нимфы.

— Но ведь это жестоко! — у Юли слезы наворачивались на глаза, но фитр высушивал их мягкими прикосновениями.

— Я могу беседовать с тобой, и это великое счастье, поверь. Большого мне не нужно.

— А между собой вы разговариваете? — девушка указала на соседние стойла.

— Нет. Наши слова слишком горькие. Предпочитаем молчать.

Юля снова обняла фитра. Зажмурившись, она представила его в виде прекрасного юноши. Который почему-то очень походил на Элиха.

За разговорами девушка пропустила обеденное время и почувствовала голод, только когда ее разыскала запыхавшаяся служанка. Молли бурчала всю дорогу, пока они возвращались во дворец:

— Кухарка уже три раза подогрела кушанья. Сами же не захотите есть переваренную мешанину.

Юлька посмеивалась в ответ:

— Голод — не тетка! Съем и добавки попрошу.

И правда, аппетит был прекрасным, а приподнятое настроение не испортил недовольный вид служанки. Впрочем, Ветрова сразу же отослала ее, сказав, что Тутти уберет посуду, а ко сну Ясная заря приготовится без посторонней помощи.

Уже укладываясь в постель, Юлька услышала шаги, хотела прикрикнуть на непонятливых служанок, но вовремя сообразила, что это не они. Пришла лучистая мамаша. Ветрова села, закутавшись в одеяло — в одной рубашке было прохладно. Райда остановилась в двух шагах от раздвинутого полога, скрестила руки на груди и начала проработку:

— Говорят, ты сама с собой разговариваешь. — Юлька хлопала ресницами, не улавливая смысл претензий, Лучистая радость, не дождавшись ответа, продолжила: — Служанка слышала, как ты ведешь беседу стоя посреди конюшни. Я приказала Молли держать это при себе, она девушка послушная, но могут оказаться и другие свидетели странного поведения наследницы.

— Ничего странного! — Ветрова чуть не проболталась о том, что фитры понимают речь и сами могут говорить, но кто знает, чем это обернется: фитра, чего доброго, отберут. Решила пока не выдавать эту тайну и заявила: — Размышлять вслух в нашем мире принято.

— Там можешь вести себя, как угодно, — повысила голос Райда, — а здесь, будь добра, подчиняться нашим правилам.

— Знаете что, — Юлька встала, придерживая сползающее одеяло: — утомил меня ваш диктат! Я сюда не рвалась, призывайте обратно свою дочурку. Ей-то не нужно привыкать к дурацким правилам.

— Как ты смеешь говорить такое! Я потеряла ребенка...

— Быть может, она просто сбежала? Достали Ясную зарю дотошный контроль и пошаговое руководство! А? Что скажете?

— Прекрати! — с нотками мольбы воскликнула Райда, но Юльку несло:

— Давайте спросим ее. Она же всегда рядом с телом. Ну-ка? — Ветрова приплясывая на стылом полу, оглядывала комнату. — Юлла, говорить не можешь, знаю. Но ведь слышишь? Поддай знак. Если не возвращаешься из-за матери, пошевели что-нибудь.

Обе они — Райда и Юля — вздрогнули от звука упавшей книги. Что называется, ничего не предвещало. Томик, приготовленный Юлей для чтения перед сном, да так и забытый, покоился на прикроватной тумбочке и теперь без всякой причины свалился на пол.

Лучистая радость наклонилась, подняла книгу, повертела в руках и вернула на место. Пальцы женщины подрагивали.

— Прости, — смягчила она тон, старательно делая вид, что ничего особенного не произошло. — Понимаю, что тебе все в новинку, но и ты пойми. Я бы лишней секунды не стала тебя удерживать, однако, положение критическое.

— Почему же? — Юля снова села и поджала под себя замерзающие ноги. — Король ваш живехонек, фитры не разбегутся...

— Дело не только в этом... — Райда стала расхаживать по комнате и понизила голос почти до шепота: — Правитель должен был вернуться через шесть месяцев. Так было в предыдущих экспедициях. Но пропал. Три года прошло. Есть недовольные среди аристократов.

— Чем они недовольны?

Лучистая радость замерла напротив Юли, молча постучала себя по груди и еще тише сказала:

— Мой род не из последних, однако, не настолько высок, чтобы его представительница правила в полной мере.

— Поэтому вы решили выдать дочь замуж?

— Не просто выдать. Мужем Ясной зари должен стать Апол. Он прямой потомок династии.

Юлька кивнула. Она видела генеалогическое древо. Кроме родства с правителем, Тиннет Апол, как она успела понять, имел и другие преимущества: пользовался уважением практически всех вельмож и был баснословно богат. Хорошо еще, Юлле пророчат не самого дядьку, а его сына. Вспомнив о Зергэ, девушка покривилась. Резоны правительницы ей понятны, но воспитание современной девушки не подразумевало возможность таких жертв. Ради сохранения власти идти замуж за нелюбимого — банально.

— А если вас сместят... — рассуждала она вслух, — фитры освободятся?

Райда подошла ближе, наклонилась, заглядывая в глаза Юльке:

— Когда на троне окажется человек, не владеющий магией подчинения фитров, они вернуться к Нимфе Грозových утесов.

— Домой, — вздохнула девушка. Чуть поразмыслив, она взглянула в глаза правительнице: — Вот что я скажу, ваша лучистость: Зергэ должен постараться, чтобы я выбрала его победителем следующего тура. Больше я против своей совести не пойду.

— Но ты обещала! — резко выпрямилась Райда.

Юля улеглась и натянула одеяло на голову, глухо проговорив сквозь него:

— Одно желание обещала. Я его выполнила сегодня. Завтра другой день. — Услышав удаляющиеся шаги, она приподняла край и крикнула в щелку: — Кроме того, вы отослали Диин! Такого уговора не было.

Правительница остановилась в дверях и, не оборачиваясь, сказала:

— Не могу оставить во дворце человека, покушавшегося на жизнь Ясной зари.

Она ушла, погасив лампу. В комнате стало темно, лишь сквозь неплотно задвинутые гардины пробивался призрачный свет луны. Ночь стояла ясная. Юля закрыла глаза, но заснула не сразу, в голове звучал незнакомый мотив, хотелось его запомнить и завтра сочинить подходящие слова. Что-то нежное и воздушное о невидимых добрых существах, способных покорять небо.

Глава 6 Все связано

Мотив еще помнился, когда Юлька открыла глаза у себя дома. Мама наклонилась над кроватью и вглядывалась в лицо:

— Опоздаешь, поднимайся скорее. — Заметив, что глаза дочери не сонные, а какие-то испуганные, обеспокоенно спросила:

— С тобой все хорошо?

Юлька потянулась, зажмурившись, и замерла. Вставать совершенно не хотелось. Вот так лежать бы и лежать, слушая, как во дворе фырчат моторами и отъезжают машины, как методично шуршит метлой дворничиха тетя Паша, прозванная так, потому что она частенько кричала сыну из оконца своей каморки: «Паша-а-а... Паша-а-а...».

— Норм, — скупо ответила Юля, не пошевелившись.

— Ты хоть помнишь, что вчера за столом уснула? Хорошо, Лизавета помогла, я б одна тебя не дотащила.

— А-а-а... спасибо. Извини, мам. — Девушка, сделав над собой усилие, села и шумно вздохнула. Нужно тащиться в колледж. Как же неохота!

Утреннюю гимнастику сократила до пяти наспех выполненных упражнений. Мама умчалась на работу, ей нужно было сегодня пораньше, тетя Лиза уехала к себе еще ночью. Юля бродила по квартире, не желая ее покидать. Может, забить на все? Ничего не случится, если она пропустит один денек. Тем более что — обожгла мысль — задания вчера так и не выполнила. Нет. Надо с Диной помириться. Нехорошо вчера поговорили. Пошла. Пришлось торопиться, до звонка может и не успеть. Сокращала путь через дворы — редко пользовалась этой тропой, обычно любила неспеша прогуляться по утреннему городу. На пешеходном переходе через проспект замигал «зеленый человечек», Юлька бросилась бежать. Успела, но врезалась в широкую спину идущего впереди парня, тот неожиданно затормозил на тротуаре, уткнувшись в айфон. Юля извинилась недовольным тоном, парень оглянулся:

— Это вы меня извините...

— Илюха?

Это был Элих собственной персоной, только модно пострижен, одет как яппи, и пахло от него не крапивой, а дорогим парфюмом с нотой сандалового дерева.

— Мы знакомы? — приподнял бровь молодой человек.

— Извините, — Юлька попятилась, — обозналась. Просто вы очень похожи...

Она уже собиралась рвануть прочь, но парень поравнялся с ней и пошагал в ногу:

— Нам по пути. Так понимаю, студентка? В колледж? — Ветрова кивнула, а новый знакомый весело продолжал: — Наша контора шествует над колледжем управления, поэтому я и догадался. Кажется, видел тебя на фотографиях. Ты там в первом ряду, а рядом красотка...

— Да. Оксана.

— А тебя как?

— Джулия, — сама не поняла, зачем представилась дружеским прозвищем.

Вообще-то, шефами колледжа был холдинг, которым руководил отец, но Юля никогда не посещала его, Илью, соответственно, не видела. Он этому не поверил и загадочно улыбался на заявления, что девушка случайно угадала его имя. Но не рассказывать же о параллельной реальности, где двойник здешнего помощника гендиректора трудится секретарем правительницы!

У решетчатого ограждения территории колледжа остановились. Поболтали. Илья не спешил, у него еще полчаса было в запасе, а Юлька все равно опоздала. Обменялись номерами, договорились созвониться и погулять как-нибудь вечером. Ветрова не была любительницей уличных знакомств, но здесь — особый случай. Во-первых, ей казалась, что этого человека она хорошо знает, даже лучше, чем он сам. Во-вторых, Илья работал с отцом, и хотя она умолчала об этом, всегда могла расспросить папу, что за фрукт его помощник.

По широкой асфальтовой дорожке вдоль перекопанных под зиму черных клумб шагала упруго, пружинисто. Знакомство с Ильей заметно взбодрило: жизнь такая прикольная штука! Подходя ко

входу в здание, заметила мелькнувшую в окне рядом с крыльцом тень, а поднимаясь по ступеням, вынужденно остановилась — навстречу, широко распахнув дверь, выскочил Солодовников. Он на ходу запахнул куртку и вцепился в Юлькин локоть:

— Пойдем на площадку, а то в окно увидят.

Что увидят? Кто увидит? Ветрова пробовала сопротивляться, но Серега с нечеловеческой силой тянул ее за угол. Там обычно покуривали нерадивые студенты, но сегодня изъеденное ветрами, изморозью и дождями бетонное крыльцо запасного выхода пустовало. Остановились у турника. Погода выдалась солнечная, трава газона вдоль площадки зеленела, стойко сопротивляясь ночным заморозкам. Освежающий ветерок охлаждал щеки. Юля уже смирилась с тем, что урок по культуре речи придется прогулять, и спокойно смотрела на одноклассника в ожидании объяснений. Тот не заставил мучиться в догадках:

— Послушай, Ветрова, у меня днюха намечается. Я тебя приглашаю.

— Когда?

— Девятнадцатого ноября. Будет круто. Батя арендовал посудину. Фуршет, дискотека, уютные каюты.

— Что-то ты задолго...

— Заранее заказывать дешевле. Но надо точно знать, сколько будет персон, поэтому и спрашиваю. Ты подумай, но обязательно соглашайся. Выходим в субботу после занятий, а вернемся в воскресенье вечером.

Идея Юльке понравилась, неплохо так потусить с ребятами и девчонками, не все ж по кафешкам торчать.

— А кто еще согласился? Много народу? — спросила она, не особенно интересуясь ответом, главное: будет Динка, остальные не волновали.

— Мои друзья, их девчонки. Ты никого не знаешь. Но не переживай, все отличные ребята.

Ветрова даже челюсть отвесила от удивления. Хотя, чему удивляться-то? В этом колледже Сергей только появился, не успел ни с кем подружиться. Она слушала, как Солодовников расписывает прелести речного путешествия, перечисляет блюда из меню корабельной кухни и встрепенулась только от последней фразы:

— Дине не говори. Хорошо?

— То есть как? Ты ее не приглашаешь?

— Ну... — замялся Сергей, — понимаю, она твоя подруга, но мне-то и здесь порядком надоела, а еще и в выходной на нее любоваться...

Ветрова отступила, отрицательно качая головой:

— Разве вы не пара? Я думала, что вы с Диной дружите.

— Это она тебе наплела? — сердито спросил Солодовников. — Так я и знал! Трепло. Села она со мной, вот и все. Что, надо было сразу послать девушку подальше?

Юля повернулась, чтобы уйти, но парень схватил ее за руку. Она, не глядя на него, процедила сквозь зубы:

— Отцепись. Еще с Диной я бы подумала, а без нее точно не поеду никуда.

— Джулия, стой! — удерживал ее Сергей, — Ты мне сразу понравилась, просто я...

— Не смей меня так называть! — Юля выдернула руку. — Джулия для друзей. Ты мне противен.

Она помчалась по дорожкам так быстро, словно зачет по физкультуре сдавала. Пролетела мимо крыльца, не задерживаясь, выскочила в калитку и, сбавив темп, потрусила к проспекту. Остановилась только на перекрестке, где познакомилась с Ильей. «Нигде покоя нет от этого Зергэ!» — пожаловалась в пространство и замерла в ожидании разрешающего сигнала светофора. Вокруг толпились прохожие с озабоченными лицами. Юльке стало легко от того, что не нужно идти на занятия, объясняться с Диной, оправдываться перед учителями. Она дала себе слово, что вернется домой и выполнит все вчерашние и новые задания, а завтра пойдет в колледж как добросовестная студентка, а не какая-то там двоечница. Однако домой она не спешила. Гуляла, рассматривала витрины и, дождавшись обеденного времени, позвонила отцу. Тот удивился вопросу о своем

помощнике, но отозвался о нем положительно. Юля попросила не рассказывать парню об их разговоре, папа обещал и в свою очередь спросил:

— Сережа Солодовников у тебя в группе?

— Да. А что? — удивилась девушка.

— Его отец — начальник охраны у нас. Приглашает меня с женой на день рождения к сыну, сказал: и ты собираешься. Было бы неплохо пообщаться. — Он помолчал, ожидая ответа, но Юля не могла и слова сказать, отец продолжил: — Маме необязательно сообщать. Мол, к однокласснику на день рождения идешь, и все. Она не отпустит тебя, если узнает, что мы с Элей там будем.

— Уже.

— Что?

— Уже не отпустила, — рассердилась Юлька. — Сережа этот... Он... — Она не могла сформулировать причину своего недовольства Солодовниковым. Все смешалось: отбор, где его двойник нечестно победит, подруга, влюбленная в него, рассказ тети Лизы...

— Не волнуйся, доча, — вкрадчиво попросил отец, — я, наверное, неправильно понял. Извини. Нет, так нет. Савелий Михайлович, когда приглашал, сказал, что его сын дружит с моей дочерью, вот я и...

— Ладно, пап, проехали. Мне надо идти. Пока.

Некуда ей было идти, но разговор с отцом получился слишком запутанный, чтобы его продолжать. Все! Забыть! Забыть и все!

Дома взялась за уроки на завтра. Перевела текст по «инглишу», подготовила пересказ, решила задачи по экономике и выполнила тест по философии. Устала. Взялась за гитару и до прихода мамы подбирала приснившуюся мелодию. Мысли вертелись вокруг Ильи и Элиха, никак не могла разобраться, какой же из этих парней нравится больше. Наверное, все-таки свой — в смысле: из родного Юльке мира. Надо получше узнать обоих, тогда и станет все понятно.

Словно прочитав ее мысли, Илья позвонил. Условились встретиться в парке — неподалеку от Юлькиного дома. Она отпросилась у мамы на пару часиков и убежала на свидание. Неужели у нее появился парень? Да еще какой!

Вечер прошел спокойно, если не сказать — мило. Илья веселил Юльку рассказами из студенческой жизни. Он учился в университете — последний год магистратуры, а работал с третьего курса. Ветрова молчала о родстве с гендиректором холдинга. Ей нравилось быть случайной знакомой и вовсе не хотелось превращаться в дочку босса. Посидели в уютном кафе, съели по две порции мороженого. Илья проводил Юлю и предложил утром зайти за ней. Им было по пути. Она согласилась. В десяти метрах от Юлькиного подъезда из-за криво припаркованного соседского джипа к парочке метнулась тень. Ветрова непроизвольно схватила Илью за руку, тот обнял девушку за плечи со словами:

— Не пугайся, я рядом.

Тенью оказалась Дина. Разглядев, кто идет с подружкой, она застыла на месте, словно по двору обычного панельного дома шагал сам Тэхен Ким.

— Приве-е-ет, — ошарашено протянула она.

— Ты чего здесь?

— Аида Петровна сказала, что у тебя свидание, — скороговоркой выпалила подруга, — я думала, что... Ой, я пойду.

— Стой, — строго сказала Ветрова и повернулась к Илье. — Извини, нам с Диной надо немного поболтать. Кстати, это моя лучшая подруга.

— Приятно, — Илья протянул руку и представился.

Дина пробормотала что-то невнятное и, когда парень ушел, расплакалась:

— Прости, Джулия. Я, наверное, дура...

После пятиминутных расспросов, подруга поделилась своими подозрениями. Оказалось, что Солодовников, после неудачного подката к Ветровой, сорвался на ее подругу, обвинив в том, что та мелет про него всякую чушь, и теперь девушка, которая ему нравится, отказалась с ним дружить.

Дина решила выяснить отношения, а Юлина мама, сказав про свидание, окончательно сбила ее с толку.

— Ты вообразила, что с ним гуляю? — смеялась Юлька. — Будто кроме твоего Сереги парней не существует на свете!

В целом день выдался удачный. Немного шевутной. Или все дело в усталости? Юля чувствовала, что эмоционально выгорает. Это все-таки слишком тяжело — жить сразу в двух мирах.

Утро во дворце походило на вчерашнее, как вишенки на одном торте. Ясную зарю с тем же рвением готовили к встрече с претендентами. Ее желание идти в джеггинсах осталось без внимания. Особых сил спорить у Юли не нашлось. Уступив служанкам право приводить ее в порядок, она размышляла о способах избавления от роли принцессы. По всему выходило, что помочь ей может только шаман. Осталось его найти. Твердо решила сразу после испытания этим заняться, ну а сейчас... Она, пожалуй, устроит сюрприз самодовольному Зергэ Аполу. Никаких поблажек не будет. Только честное соперничество!

Как и накануне, Юля заняла место рядом с фрейлинами, Райда сидела на возвышении в гордом одиночестве. Вместо кресел претендентам предоставили трибуны, хотя о том, какое именно задание придется выполнить парням, известно не было. По традиции его придумывали родители невесты.

После того, как гости расселись, а участники отбора заняли места, в центр зала вышел распорядитель, получивший конверт из рук правительницы. Заметно волнуясь, старший Каук распечатал конверт и пробежал глазами текст. Он не сумел скрыть разочарования, вздохнул и негромко прочистил горло. Несколько секунд потребовалось мужчине, чтобы собраться и провозгласить:

— В качестве второго испытания претендентам предложено сочинить хвалебную оду Ясной заре. Время на это ограничено. Об окончании подготовки объявит Лучистая радость, она же установит порядок выступлений. Присутствующие зашептались, но шум прекратился, как только из дальних рядов пробрался вперед архивариус. Он подмигнул Ясной заре, проходя мимо нее, и разложил по тумбам листы бумаги, протягивая каждому претенденту палочку, похожую на стилус. Зергэ, получив ее, сразу же принялся записывать что-то. Остальные размышляли с той или иной степенью озабоченности на лице.

Берт разглядывал сидящих в зале, словно ожидая подсказки. Жерло Ватс изучал росписи потолка. Уэлер Хорх облокотился на тумбу и уставился на лежащий перед ним лист. Арык Додж не сводил взгляда с Юльки. Она же смотрела то на попавших в глупую ситуацию парней, то на песочные часы в руках Райды. Песок в верхней колбе убывал стремительно.

— Не представляю, как можно сочинять стихи в такой нервной атмосфере, — шептала Ветти.

— Вот именно, — отозвалась Лита, — требуется вдохновение, а оно не бывает по заказу.

— Апол, однако, справляется, — заметила Шелда.

Ветрова «болела» за Уэлера. Но если другие претенденты хоть что-то записывали, он только шевелил губами, глядя в одну точку. «Сочинить хвалебную оду, — размышляла Юля, — к чему это умение правителю? Глупость какая!» Она подозревала, что Райда специально подобрала задание, удобное для ее фаворита. Судя по всему, Зергэ в отличие от остальных парней был знатным стихоплетом. Он успел исписать три листа, тогда как Арык и Жерло возились с четверостишьем. У Берта дело наладилось, он склонился над бумагой и активно водил по ней пишущей палочкой.

В зале установилась гнетущая тишина. Зрители, будто бы и сами ударились в сочинительство, такие у них были выражения лиц. Звон колокольчика заставил всех вздрогнуть, шаловливым ветерком пролетел по рядам общий выдох. Райда подняла часы, демонстрируя горку песка в нижней колбе:

— Время вышло. Хочу напомнить свидетелям отбора требования к заданию.

Ода должна содержать не менее шести строк. Строки необходимо рифмовать и выдерживать в едином ритме. — Она взглянула в сторону трибун: — Хвалу Ясной заре пойте так, чтобы слушатели почувствовали ваше искренне отношение к ней. — После выразительной паузы правительница обратилась к Юльке: — На решение не должны влиять симпатии или антипатии к автору. Важен только текст!

Она поманила распорядителя и негромко перечислила имена претендентов в нужном порядке. Каук поклонился и выступил вперед:

— Первым получил право выступить... Жерло Ватс!

Раздались нестройные аплодисменты. Взгляд, которым поисковик обвел присутствующих,

показался Юльке насмешливым. А вот стихи — вполне приличными для экспромта:

Имя твое — Юлла,
Мое имя — Жерло.
Нет, не обмануло
Сердце. Ты задела
Струны тонкой арфы,
Что звучит согласно.
Твое имя — Юлла.
Юлла, ты прекрасна!

Он поклонился и отложил лист в знак того, что декламация закончена. Теперь зрители хлопали активнее. Ветровой оставалось сожалеть только о том, что шести строф в сочинении Ватса не набралось, о чем и сообщила ей пунктуальная Шелда.

Аплодисменты стихли, распорядитель объявил следующее имя:

— Берт Каук!

Его сын схватился за свои записи. Лицо его побагровело, лоб блестел от пота, рыжие волосы на висках слиплись. Однако голос звучал бодро. Итог собственного творческого эксперимента Берту нравился:

Я готов гордиться вечно
Тем, что знал тебя всегда.
Были радостны, беспечны
Наши детские года.
Юлла, милая подруга,
Ты красива и умна.
Не страшны метель и вьюга,
Если на небе луна!
Ясною тебя зарею
Называют неспроста.
Вместе с Нимфой Грозовой
Славят все тебя уста.

— Шесть! — Лита выразительно посмотрела на Шелду, та кивнула.

Распорядитель с победным видом взглянул на Юльку и, обращаясь к залу, объявил:

— Арык Додж!

Болотный княжич зачем-то вышел из-за трибуны. Одет он был, как и вчера, в расклешенные брюки, просторную рубаху и долгополый с разрезами по бокам шазюбль. Изредка поглядывая в записи, обращался исключительно к Ясной заре:

Благоуханье болотной травы
И бархат глубокого ила,
Великолепная Юлла,
Превзошли в моем сердце Вы.
Увидеть стремился душою

Улыбку Ясной зари,

Умоляю: в глаза посмотри!

Моею ты станешь росой.

Я не усомнюсь ни на миг:

Ты полюбишь болот просторы,

Что ласкают спокойствием взоры

Тех, кто их глубину постиг.

Сумею и я полюбить

Росистых лугов безмятежность,

Подарить своей Утренней нежность,

И сына, и дочь подарить.

Арык вернулся за тумбу. В полной тишине прозвучал неожиданно звонкий голос Литы:

— Восхитительно!

Грянули аплодисменты. Юлька с благодарностью кивнула фрейлине. Ей понравились стихи княжича, хотя немного смутили.

Распорядитель поднял руку, привлекая внимание. Хлопки не сразу, но стихли.

— Приглашаю Уэлера Хорха!

Претендент, за которого больше других переживала Ветрова, отрицательно покрутил склоненной головой. Каук подбежал к его трибуне и попытался вытянуть из пальцев юноши бумагу:

— Ну вот же! Тут четыре строфы.

Уэлер дернул лист на себя и с оглушительным треском порвал. Распорядитель прислушался к сказанным шепотом словам и обернулся к правительнице:

— Хорх отказывается от участия в этом испытании.

— Его воля, — холодно ответила Райда. В ее тоне Юля услышала: нам же проще.

— Зергэ Апол! — не слишком громогласно объявил последнего участника Каук-старший.

Тот без паузы начал декламировать уверенно и с выражением, почти не заглядывая в записи:

Светла ты, как месяц небесный,

Звонка, словно юности глас.

Прославлю негромкою песней

Любимых сияние глаз.

Пусть трель соловья на рассвете

Не смеет тебя перебить.

Молю об одном лишь ответе:

Сумеешь меня полюбить?

О Ясной заре я мечтаю,

О ней лишь все мысли мои.

Как солнечным, ласковым маем

Щебечут в душе соловьи.

Найдется ли в трепетном сердце

Твоем для меня уголок?

Скажи мне:

— Мой преданный герцог,
приди!

И я тут же — у ног

У ног моей дивной любимой,

Рожденной в Росистых лугах.

Я грежу о чувствах взаимных.

Судьба моя в этих руках!

Читая оду, Зергэ вышел из-за тумбы и двигался к Юле. На последнем четверостишье опустился на одно колено и, говоря: «Судьба моя в этих руках», тронул ее, сплетенные в замок пальцы.

Зрители захлопали так дружно и громко, что Ветрова вздрогнула.

— Браво!

— Чудесно!

— Победа!

Кричали все. Юля не шевелилась, лишь одна мысль тревожила ее: никто и никогда в настоящей жизни не посвятит ей таких строк.

— Благодарю, Зергэ, — с приторной улыбкой сказала Райда и встала.

Все тут же повскакали со своих мест, Апол вернулся к трибуне. Распорядитель объявил:

— Ясная заря и Лучистая радость удаляются для совещания.

Мать неспешно направилась к двери за тронном, но Юля крикнула ей в спину:

— Мне совещаться незачем! Решение принято.

Сквозь взволнованный шепот, похожий на морской прибой, шевелящий мелкую гальку, пробился голос Каука:

— Но традиция требует согласовать...

— Мне известно мнение ее лучистости, — со вздохом сказала Ветрова. — Оно совпадает с моим. Победил Апол. Один балл Уэлери, два Берту, три — Ватсу, четыре — Арыку.

Выпавив длинную фразу на одном дыхании, Юля бросилась к выходу из зала. Успела услышать, как распорядитель зачитывает суммарный результат двух испытаний. Десять очков получил Зергэ, семь заработал поисковик, шесть у болотного княжича, четыре у Хорха Уэлера и три у Берта. Результат отбора предрешен. Райда не сомневалась, что победа в завтрашнем турнире достанется Аполу, а он и так ушел в отрыв. Фрейлины намекали, что «фруктовый мальчик» хорошо обучен, а стойкости ему не занимать, вряд ли он не воспользуется пыльцой цветка силы.

— Бежать! Валить! Улепетывать! — твердила в такт убыстряющимся шагам Ветрова.

Нужно было срочно разыскать шамана. Но где? Она не запомнила дороги, а спросить... у кого бы спросить? Архивариус. Он все знает. Юля огляделась, пытаясь разобраться в хитросплетениях коридоров и, немного поплутав, вышла в знакомое по росписям место. Лучезарные лучники осыпали солнечными стрелами бегущих болотных воинов. Точно! Здесь они с Элихом разговаривали после посещения архива. Забежала за поворот и чуть не столкнулась с Паулом Паулоном. Архивариус шел кратчайшим путем и удивился, обнаружив у своих дверей взволнованную Юллу.

— Дедушка Лу! — бросилась та к нему. — Мне срочно нужен шаман. Где его найти?

Улыбка слетела с губ старика. Он приложил палец к губам:

— Проходи!

Заперев дверь на ключ, архивариус взял девушку под локоток и провел ее между стеллажами в

альков, отгороженный тяжелой занавеской.

— Здесь нас никто не подслушает, — объяснил таинственность своего поведения Паулон.

Вместо кровати углубление в стене занимала грубо сколоченная лавка. На ней лежала стопка книг. Угловая полка служила чем-то вроде божницы. Там стояла писаная маслом икона с образом полупрозрачной женщины, перед ней теплилась лампада. Юля уселась на лавку и, сцепив пальцы, прижала руки к груди в умоляющем жесте:

— Пожалуйста, дедушка Лу, помогите мне найти шамана. Он один способен мне помочь.

— Какого шамана ты хочешь разыскать, деточка?

Имени Ветрова не помнила, поэтому принялась описывать старца, призвавшего ее в тело принцессы. Архивариус догадался, о ком идет речь и с каждым словом девушки хмурился все больше. Когда Юля замолчала, в глазах ее блеснули слезинки. Паулон недовольно покачал головой:

— Дюгора изгнал из Росистых лугов твой отец. Пользуясь долгим отсутствием правителя, шаман вернулся, но не практиковал, насколько мне известно. С чего ты взяла, что он поможет? И откуда вообще узнала о его существовании?

— После отравления мать повезла меня к нему.

— Вот оно что! — Архивариус присел рядом с Юлей и скрестил руки на груди, покачиваясь взад и вперед: — Ай-яй-яй, Райда. Ай-яй-яй. — Он повернулся к девушке, всматриваясь ей в лицо:

— Тебе стало хуже? Опять теряешь память? В чем ты ищешь помощи у Дюгора?

Рассказывать о переселенной из другого мира душе Юлька поостереглась, поэтому подтвердила опасения Паулона:

— Да. Мне очень плохо. Особенно после сегодняшнего испытания.

— Хм. А мне показалось, что тебе нравятся стихи.

— Стихи конечно. Да. Но я не хочу, чтобы победил Зергэ. А он оказался сильнее других. Почему нельзя отменить этот злосчастный отбор!

— Вот теперь узнаю Ясную зарю! — улыбнулся архивариус. — Детка, мы столько разговаривали о твоей судьбе. Удивительно, что ты не помнишь.

— Не помню, — буркнула Юля, — и не хочу ничего слышать. Трон! Страна! Почему меня это должно волновать. Где отец? Его дело править, а не разгуливать по миру, взвалив все проблемы на женщин.

— О-о-о-о, — отстранился Паулон, — как ты заговорила. — Тон у него был строгий. — Замуж идти надо. Ты единственная наследница. Капризничать бесполезно. Да ты уже и не ребенок, чтобы топтать ножкой.

— Но этот противный Зергэ!

— Он не показался мне противным, — рассмеялся архивариус. — Правда, я не знаком с этим молодым человеком. Младший Апол не так давно поселился во дворце и никогда не заходил сюда. Вчера впервые, но зато просидел весь вечер.

Эти слова так поразили Ветрову, что она схватила Паулона за рукав, спрашивая, какие книги читал накануне Зергэ, и несколько не удивилась тому, что интересовала парня теория стихосложения. Пролитав принесенную архивариусом книгу, она без труда наткнулась на примеры хвалебных од. Вот из чего скомпилировал «женишок» свою проникновенную песню!

— Теперь видите, дедушка Лу, как нечестно действует первый претендент.

Паулон сокрушенно покачал головой:

— А я и не предполагал, что парень использует чужие строки.

— Бессовестный плагиат! Надо вывести его на чистую воду!

— Не спеши, детка. Не стоит так опрометчиво портить отношения с будущим мужем.

— Но ведь он шельмовал! Узнал о задании заранее, подготовился!

— Так и есть. А теперь подумай, сам он мог это проверить?

— Правительница ему помогала! — прошептала Юля.

— Вот именно. С кем ты собираешься бороться? Райда убедит кого угодно. Это ее сильная сторона. А ты? Как будешь выглядеть перед женихом и его могущественной родней?

Ветрова много бы дала, чтобы доказать свою правоту архивариусу, правительнице и всем остальным, но видела, что Паулон реально за нее переживает, и успокоилась. Она не собирается оставаться здесь еще на год. День-два максимум. Значит, и спорить не из-за чего. Главное — найти шамана. К сожалению, помочь ей в этом дедушка Лу не смог. Они перерыли все записи, касавшиеся Дюгора, но сведения о его месте жительства кто-то старательно вымарал. Огорченная Ветрова покинула архив. Делать нечего, придется обращаться к Элиху. Секретарь сопровождал Райду к шаману, дорогу знает. Одно ее смущало: после знакомства в своем мире с Ильей, она подосознательно изменила отношение и к Элиху. Если раньше она готова была подшучивать над влюбленным в Юллу секретарем, теперь чувствовала в его обществе неловкость и старалась избегать.

Во время обеда Юля попросила Тутти пригласить Элиха для разговора, служанка упорхнула и уже через пять минут привела парня.

— Поешь со мной? — Ветрова старалась говорить непринужденно.

Элих сел за стол и стал отламывать дольки мандарина, раскладывая их по тарелке замысловатым узором. Юля отослала служанок и принялась расспрашивать о шамане.

— Ты не сможешь попасть туда, — качал головой парень. — Лучистая радость произносила тайные слова, я их не слышал.

— Скажи: куда. А там разберемся, — настаивала Ветрова.

— Завидная пустошь. Так называется это место. Но, приехав туда, ты ничего не увидишь. Не стоит и пробовать. — Он помолчал, угрюмо глядя в тарелку, и спросил: — Зачем тебе шаман? Он, скорее, навредит, чем поможет.

Юлька подумала, что Элих прав, Дюгор уже навредил ей. Она поставила локти на стол и закрыла лицо ладонями. Элих, заметно волнуясь, стал расспрашивать, что с ней.

— А ты не догадываешься? — с вызовом спросила девушка, убирая руки. — Думаешь, мне хочется идти за Апола? Он — лгун, притворщик и вообще! Я больше чем уверена, что отравленное яблоко Диин подбросила именно эта семейка!

— Я тоже об этом думал, — с горечью в голосе согласился Элих, — но Зергэ победит в отборе. Это не изменить. Тебе нужно примириться с этим как-то...

— Что? — вскочила Ветрова. — Ты такое говоришь девушке, которая тебе нравится? Предлагаешь примириться с женихом-подлецом?

Она могла бы наговорить еще кучу неприятных слов, но остановилась, заметив, как изменился Элих. Он растерянно хлопал глазами, тоже поднимаясь из-за стола:

— Ты знаешь?

— Я, по-твоему, слепая?

— Юлла, я даже сам себе не смею в этом признаться, — шептал парень, качая головой.

— Я бы за тебя пошла с удовольствием, — зло сообщила Юля, — а ты меня этому Зергэ уступаешь.

— Было бы счастьем назвать тебя невестой, — вздохнул Элих, — но ты — дочь правителя, а я не владею магией.

— Совсем?

Элих кивнул:

— Редко, но случается, что ребенок не унаследует, ни дар отца, ни дар матери. Особенно, если они слабы. Так случилось со мной.

— Какой магией владеют твои родители?

— Мать всегда чувствует ложь, — парень усмехнулся, — не слишком удобное для семейной жизни качество. Отец предвидит, что вскоре случится.

— Он ясновидящий? — удивилась Юля, но Элих покачал головой.

— Я же говорю, дар у него слабый. Мало проку в том, когда знаешь: будет вечером дождь или подморозит, привезут торговцы на ярмарку пиво или ограничатся вином. Но я не владею даже таким убогим умением. Поэтому служу во дворце. Наследство родителей получит младший брат. Парень приблизился к Юльке и посмотрел ей в глаза: — Никудышный я жених для Ясной зари.

Она тоже шагнула навстречу, обвила руками его талию и уткнулась в грудь. Плечи девушки задрожали, голос срывался на всхлипывания:

— Илюшечка! Сделай что-нибудь! Пожалуйста! Видеть не могу больше этого Апола!

Он тоже обнял ее, поцеловал в висок и прошептал на ухо:

— Ничего не получится. Покои Зергэ охраняют лучше, чем твои и правительницы. Он нигде не появляется без сопровождения.

Ветрова вздохнула, высвободилась и села за стол.

— Иди, Элих, я все поняла.

За секретарем Лучистой радости закрылась дверь, Ветрова схватила салфетницу и швырнула ему в след. Злость закипала в груди, вырвавшись наружу криком:

— Отпустите меня! Хочу домой! — Юля уронила голову на сложенные на столе руки и разрыдалась. Плечи сотрясались, волосы выпали из растрепавшейся прически беспорядочными локонами.

Никто не услышал, никто не пришел. После пяти минут безудержного плача девушка выпрямилась, осушила щеки выпавшей на стол салфеткой и поднялась с призывом к самой себе:

— Надо действовать!

На помощь обитателей дворца рассчитывать не приходилось, надо просить единственного, как она теперь поняла, друга — ее фитра. Сменила вычурное платье на кожаные штаны и длиннющий сюртук, поддев под него вязаный свитер, закрутила волосы в узел, закрепив найденными в прикроватной тумбочке шпильками, сунула в карман перчатки, обулась и пошла в «конюшню», как по привычке называли здесь постройку для фитров. В смежной комнате заметила Молли. Та испуганно метнулась за угол, вероятно надеясь, что госпожа ее не видит. Ветрова только усмехнулась: пусть думают, что хотят, ноги ее здесь больше не будет! Приближаясь к нужному стойлу, чувствовала, как приходит умиротворение. Эмоции улеглись, охватило ощущение счастья. Хотелось раскрыть объятья и заключить в них любого, кто окажется рядом. Она безошибочно нашла невидимое существо прикосновением:

— Ангел, — прошептала, — можно я буду называть тебя Ангелом?

Потрескивание, напоминавшее смех, заставило и ее улыбнуться.

— Люди не дают нам кличек, — ответил фитр. — Они не умеют нас различать, поэтому считают недостойными имен.

— Сами они недостойны, — печально отозвалась Юля. — Вы — самое прекрасное, что может существовать на земле, и достойны не только имен, но и свободы. — Благодарное прикосновение к щеке, похожее на поцелуй, было ответом на ее слова. Девушка обратилась к фитру: — Хочу отпустить тебя. Мне, конечно, грустно расставаться, но возвращаться в свой мир, зная, что ты томишься в неволе, еще горше.

— Собираешься домой навсегда?

Юля кивнула и спросила:

— Поможешь найти шамана? Он живет в Завидной пустоши.

— Не сомневайся, помогу тебе во всем, о чем попросишь.

— Правда, там нужно какое-то слово, его произносила Райда, но никто не слышал. Может быть, мы как-то без этого проскочим? Попытаемся проскочить.

— Зачем же? Если она произносила пароль вслух, мы его узнаем. Подожди.

Ветрова отстранилась, чувствуя, как фитр легким сквознячком проскользнул мимо. Скрипнула, распахиваясь, калитка и вскоре из соседнего стойла послышались шорохи и стрекот. Юля вышла, ожидая Ангела, Тот вскоре тронул ее руку прохладным прикосновением:

— Положи мне на спину что-нибудь и садись.

— Что положить? — удивилась девушка.

— Обычно используют коврик. Можно поставить паланкин или обычную скамейку.

— Или метлу, — засмеялась Юля.

— Людям страшновато сидеть без видимой опоры, — в голосе фитра угадывалась улыбка.

Ветрова не боялась таких пустяков. Она нащупала подставленную спину и забралась на нее. Сидеть было мягко, словно ее окутывала пушистая перина.

— Ничего они не понимают! — заявила девушка. — Так куда лучше, чем в паланкине.

Сначала мимо промелькнули ограждения отсеков с фитрами, раскрылись тяжелые ворота, пробежали мимо брусчатка двора, стены дворца, окна, крыша... И вот Юля парит несомая Ангелом высоко над землей. Грудь распирало от восторга. Ни с чем несравнимые ощущения! Девушка и небо.

Теперь она даже рада была тому, что осталась без помощников. Пусть закомплексованные парни страдают от своих несовершенств, пусть не верят в себя, она сумеет справиться одна. С помощью Ангела, конечно. Дорогу она и узнавала, и не узнавала. В поездке от шамана во дворец карета двигалась низко, в окно ослабевшая путница видела немного. Теперь же можно было полюбоваться просторами Росистых лугов в полной мере. Клонящееся к горизонту солнце освещало сжатые нивы, перелески с росчерками темных стволов и голых ветвей, спокойные воды озер и рек, мокрые дороги с увязающими в грязи крестьянскими подводами. Но вот, резко потеплело, и горизонт словно преломился, ухнув вниз, взору небесной всадницы открылась желтоватая потрескавшаяся земля.

— Говори пароль, Юлла. Скорее, иначе нас выбросит отсюда, — застрекотало в голове.

— Дюгор, к тебе гости! — крикнула девушка и, вспомнив, что надо сказать эти слова три раза, повторила: — Дюгор, к тебе гости... Дюгор, к тебе гости.

В то же мгновение горизонт выровнялся, а вместо сухой пустоши путникам открылась деревянная усадьба с удобной площадкой для парковки фитров.

Ангел бережно поставил всадницу на землю. Ветрова не сразу привыкла к твердой почве под ногами, ее покачивало, как после катания на карусели.

— Спасибо! — она погладила фитра, тот прошелестел:

— Иди, Юлла. Я подожду здесь.

— Не нужно. Лети в Грозовые утесы. Я не вернусь во дворец.

На крыльце девушка оглянулась и обратила внимание на то, как убывает вода из подставленной под водосток бочки. Бедного Ангела мучила жажда, а она даже не догадалась напоить его перед полетом. Впредь надо будет проявлять заботу, а не... она оборвала себя: когда еще? Это последний полет. Она потребует, чтобы шаман закрыл для нее путь в этот мир! Решительно толкнув дверь, Юля вошла в дом и стала подниматься по лестнице. В прошлый раз Элих нес ее здесь на руках. Вопреки разочарованию после разговора с ним Ветрова вспомнила о парне с теплотой: как же приятно было находиться в надежных руках. Жаль, что он готов носить принцессу только с позволения ее матери, а переубедить ее лучистость не получится, та слишком уж надеется на Аполов и не рискнет отказать Зергэ в пользу бесталанного секретаря.

Навстречу никто не вышел. Юля наступала на очередную ступеньку и каждый раз вздрагивала, если та скрипела. Запахи высохших трав, развешанных в темноте под потолком, дурманили голову. Скучный свет из крохотного немытого оконца над входом позволял видеть лишь общие очертания предметов, остальное дорисовывало воображение. Дойдя до площадки с дверью, девушка остановилась, чтобы перевести дух. Покашляла. Постучала. Не дождавшись ответа, крикнула срывающимся голосом:

— Дюгор, к вам гости!

Тишина. Толкнула дверь, та не поддавалась. Налегла всем весом на потемневшие изъеденные временем доски. Сначала появилась щель, сквозь которую на лестницу упал яркий розовый луч, образовав изломанную ступенями дорожку. Лениво, словно преодолевая сопротивление воды, а не воздуха, дверь поползла вперед, увлекая Юлю за собой. Ослепительно яркий свет заставил щуриться, но источника девушка не нашла. Оглядевшись, заметила сидящего в позе Лотоса колдуна. Он парил в полуметре над полом в дальнем углу помещения. Глаза старика были закрыты.

Что делать? Ждать? А если он месяц так будет висеть?

— Дюгор! — позвала она.

— Сядь, — раздался низкий голос, — я скоро вернусь.

Ветрова ошарашено уставилась на шамана. Говорил, без сомнения, он, но лицо оставалось неподвижным, губы не шевелились. Ну и дела!

Поискав глазами подходящее сидение, Юля разочарованно вздохнула. Комната не была приспособлена для приемов. Шаткая табуретка около замусоренного крошками стола не внушала доверия, девушка опустилась на край лежанки. Тут она впервые очнулась, тут и исчезнет из этого мира. За стеной тикали часы, из приоткрытого окна тянуло сыростью, но в комнате было тепло, будто розовый свет неизвестной природы, согревал воздух. Юля разглядывала бревенчатые стены, низкий потолок, свои руки. Время тянулось, как советская очередь за дефицитом. Наконец раздалось старческое покряхтывание. Юля оглянулась и увидела шамана, стоявшего посреди комнаты.

— Какое дело привело тебя сюда? — забасил он нараспев.

Юля поднялась и, путаясь от волнения, заговорила:

— Прошу вас, Дюгор, отправьте меня домой и сделайте так, чтобы я не возвращалась. — Видя, что старик покачивает головой, а брови его сошлись на переносице, постаралась говорить убедительнее: — Мы оба знаем, что я попала сюда случайно. Вы уговаривали Юллу вернуться, а я всего лишь ее тезка. Почти. Так пусть она займет свое место. Освободите меня, пожалуйста.

— Видишь ли, мне запрещено колдовать, особенно с применением магии призыва души.

— Но ведь вы нарушили запрет тогда!

Шаман улыбнулся:

— Отказывать Райде очень сложно. Тем более что сначала она обратилась ко мне как к лекарю. Она надеялась, что после удаления яда из организма Юлла сама вернется. Однако...

— Меня не волнует, — Юля начинала раздражаться, — что и как вы делали, что собирались делать и вообще! Жить в двух мирах мне не по силам, и я вовсе не обязана разбираться с проблемами Райды, ее мужа и дочери!

— Тихо, девочка, — примирительно басил колдун, — криком делу не поможешь.

— Чем поможешь? — спокойнее спросила Ветрова.

Шаман уселся на колченогую табуретку, Юля опустилась на край широкой лавки. В тишине снова стали слышны ходики, за окном, постукивая ставнями, баловался ветер. После продолжительных размышлений, Дюгор заговорил. Он не мог отпустить Юлю просто так, даже если бы хотел. Освобождение Призванной зависело от того, кто мог ее заменить. В этом случае от Юллы. Захочет ли принцесса вернуться? Сомнительно. У нее была такая возможность каждый раз, когда Юля просыпалась в собственном мире. Раз до сих пор этим беглянка не воспользовалась, значит — не желает. Вероятность поймать кого-то еще ничтожно мала, да и проводить запретный обряд во второй раз колдун не решался: слухи наверняка поползут, а там и до суда дело дойдет.

— Пожалуйста, хотя бы попробуйте. Обещаю, что никто-никто не узнает!

— Ложись, — велел старик, — закрой глаза, дыши глубоко и ровно.

Ветрова выполнила просьбу. Как была — в сюртуке, штанах и ботинках — растянулась на жестком тюфяке и постаралась расслабить мышцы. Спустя минуту ее ноздри уловили ароматы благовоний. Шаман постукивал в бубен и завывал.

Юлька села и огляделась: родная комната, темно. Сквозь шторы пробивается свет от фонаря во дворе. Дома! Ура! Получилось! Захотелось петь. Мыча беспорядочный мотивчик, девушка потянулась за мобильным, взглянула на время. Четыре сорок пять. Раненько, однако. Потянулась со сладкой улыбкой и снова опустила голову на подушку. Повозилась, устраиваясь. Как же хорошо дома-то!

Юлла

Они хотят, чтобы я вернулась. Снова поступать так, как нужно другим? Стать бессловесным воплощением чужих желаний? Но мне хорошо здесь. Интересно наблюдать за незнакомкой, поселившейся в моем теле. Она такая необычная, смелая и находчивая. Она умеет сопротивляться

магии матушки. Единственная из всех, кого я встречала. Лишь теперь я в полной мере поняла отца. Слишком тяжело жить с женщиной, готовой руководить каждым твоим шагом, особенно, когда она пользуется магией убеждения. Пусть твои поступки кажутся логичными и необходимыми, но они на поверку вовсе не твои, а ее. Для меня это оказалось утомительным, что же говорить о взрослом мужчине, правителе, владеющем фитами, того, от кого зависит благополучие целого государства. Жаль, что я не умею отлучаться от тела. Полететь бы к отцу, взглянуть, как он живет. Теперь, благодаря подаренному Ватсом зеркалу я могу быть уверена, что с отцом все хорошо. И все же я скучаю. Колдун кричит. Тогда он тоже звал меня, и сопротивляться зову было сложно. Ах, если бы он не вмешался! Если бы отпустили меня тогда! Я бы отдыхала в обителях Праматери, забыв о предавшей меня подруге, о навязанном женихе, о деспотичной матери. Нехорошо так говорить? Быть может, Призванная права: Диин случайно отравила меня? Быть может, Зергэ Апол не так плох, а матушка печется о моем благе? Опять! Опять я поддаюсь убеждению. Надо учиться у Призванной, она всегда находит силы для борьбы, даже если это борьба безнадежна, даже если все вокруг считают ее поступки лишёнными смысла. Она действует сама. Сама! Я тоже смогу. Молчи, Дюгор, ты не проведешь меня.

Юлька наслаждалась темнотой. Так же, как и раньше, ей ничего не снилась и, осознавая это, она радовалась избавлению от чужого мира. Будет ли она скучать? Не больше, чем по интересной книге, переворачивая последнюю страницу.

Спустя миг она опять услышала бормотание шамана и глухие удары в бубен.

— Бу-ум... Юлла... Бум-бу-у-ум... Юлла...

Нет! Нет! Не хочу! Сжимая до боли веки, Юля не шевелилась, забирая в грудь и медленно выпуская воздух. Ребра ходили как кузнечные меха. Пожалуйста! Нет!

После молчаливой паузы снова раздался бас Дюгора:

— Видно, не судьба.

— Юлла! — заорала Ветрова, вскакивая с постели и кружась по комнате. — Ты подлая! Подлая!

Она знала ругательства покрепче, но разочарование настолько ошеломило ее, что первое пришедшее на ум застряло надолго. Дюгор терпеливо переждал ураган. Выбившись из сил, Ветрова оперлась на стол и свесила голову.

— Что же мне теперь, так и жить две жизни? — спросила она.

— Потерпи, — хрипло проговорил колдун, — может она еще одумается.

— А если нет?

— Тогда... — Дюгор вытянул из-за пазухи склянку, привязанную за горлышко к кожаному шнуру, и поставил перед Юлей: — станет неумолимо, выпей перед сном.

— Отрава? — ужаснулась Девушка.

— Что ты! Я не убийца.

— Кто тебя знает... — Юля отряхнула прилипшие к ладоням крошки и спрятала пузырек в карман. — Что за средство?

— Путаница. Трава такая. Останешься в одном мире, в другой дороги не найдешь.

— Вот и славно. Как бы мне теперь во дворец добраться? Фитра-то я отпустила.

— Не могла ты его отпустить, голубушка.

— Могла. Пусть возвращается на родину. Я так решила.

— Решила она, — хмыкнул старик. — Фитры приказа нимфы не нарушат, не в твоём праве его отменить.

— Да-а-а? — разочарованно протянула девушка. — А мне говорили, что они сбегают на границе.

— Там — да. А в Росистых лугах связаны высочайшим повелением. Вот доберешься со своим фитром до границы, там и отпускаяй. Только лошадь с собой захватить не забудь, а то обратно придется пешком топтать.

— Не придется мне обратно топтать, — пробурчала Юлька, направляясь к двери, а на пороге сказала громче: — Прощай, Дюгор, надеюсь, больше не свидимся.

— Кто знает, — услышала она, спускаясь по лестнице.

Возвращались в темноте. Юля, задрав голову, рассматривала нарождающиеся в густо-синем небе звезды, внизу уже ничего видно не было, окна домов редких деревень светили тускло, не выхватывая из темноты лишнего метра. Вспомнился любимый папин романс, когда-то они с мамой пели его под гитару. Юлька затынула:

Ночь светла, над рекой тихо светит луна,

И блестит серебром голубая волна.

Темный лес... Там в тиши изумрудных ветвей

Звонких песен своих не поет соловей.

Ангел «подпевал», щелчками отбивая ритм.

Показался сияющий обычными и магическими огнями дворец. Снижаясь, Ветрова заметила невообразимую суету и во дворе, и за оградой.

— Наделали мы с тобой шуму, — усмехнулась всадница, фитр опустился у заднего крыльца, девушка слезла и обняла своего Ангела: — Спокойной ночи!

Не реагируя на вопросы встречных слуг и вельмож, бестолково бегавших по коридорам, Юля поспешила в свои покои. Едва успела переодеться в ночную рубашу, как заявила правительница. Вид у нее был непривычно взволнованным:

— Где ты пропадала?

— Каталась.

— У него была? Признайся! Мне доложили, что ты искала шамана.

Ветрова воззрилась на ее лучистость. Как никогда раньше она напоминала родную мать. Во время скандалов, устроенных из-за Юлькиных непредсказуемых поступков, та вела себя точно так же: металась по комнате, потрясала вздетыми руками. Даже любимая ее фразочка у Райды промелькнула: за что мне все это?

— Мам, — вырвалось у Юли, — ничего же не случилось!

— Зачем ты туда поехала? — не унималась Райда.

— Мы уговаривали Юллу вернуться.

Правительница застыла, замолчав на полуслове. Минуты две разглядывала Ветрову, потом подошла, обняла ее и спросила:

— Ты могла бы исчезнуть не попрощавшись?

Не найдя подходящих слов, Юлька призналась:

— Я очень устала.

— Понимаю, — Райда прижимала девушку к себе, согревая. — Потерпи, пожалуйста. Как только минует отбор, станет легче. Потом устроим праздник. Хочешь, расскажу, как я сама участвовала в отборе?

Они еще долго разговаривали. Правительница расспрашивала Юлю о том, как устроен ее родной мир, поведала и о своей жизни. После того, как ее лучистость ушла, Ветрова не могла уснуть. Думала о маме, об отце, о том, что никогда не беседовала с ними по душам так, как этим вечером с женщиной из чужого мира.

Сквозь сон Юля услышала посторонние, совсем не домашние звуки, уловила запах спирта и хлора. Глаз не открывала, прислушивалась, приняживалась. Голоса чужие — низкий женский и сиплый мужской. Щелкнула собачка замка, один из собеседников вышел, дыхание второго слышалось совсем рядом.

Она еще в какой-то мир перенеслась? В третью параллельную реальность? Это уж слишком!

— Ты проснулась? — заговорила с ней женщина. — Открой глаза, Юля. Я вижу, что ты проснулась.

Лучше б не открывала! Первое, что увидела: сидящую рядом с кроватью женщину в медицинской форме. Бейджик на кармашке гласил: Ветрова Элеонора Давыдовна.

— Я в психбольнице? — села и беспокойно огляделась Юля. — Как я тут очутилась?

Ответа не последовало. Врачиха уткнулась в планшет, заполняя таблицу цифрами и сокращенными словами. Девушка не сомневалась, что папина жена только изображает занятость, а сама исподволь наблюдает. Она имела приятную наружность: не толстая, но и не худая. Волосы черные, наверняка крашенные. Цвет глаз Юлька не распознала из-за нависающих век, разрез был слишком узким.

— Не думала, что отцу нравятся брюнетки, — пошла в атаку девушка. Кивнув на стойку с аппаратурой, поинтересовалась: — Опыты на мне ставите?

Элеонора Давыдовна, положила планшет на тумбочку и, обхватив запястье одной руки пальцами другой, подалась вперед:

— Здесь исследовательский центр. Я руковожу лабораторией проблем мозга. По просьбе твоей мамы мы проведем некоторые измерения.

— У меня проблемы с мозгом?

Женщина медленно покачала головой, словно размышляя, стоит ли посвящать пациентку в подробности, и сказала следующее:

— Проблем нет. Но спишь ты не так, как все люди.

— Разве люди спят одинаково? — попыталась поддеть самоуверенную врачиху Юля.

— Есть быстрые и глубокие фазы, сменяющиеся в среднем за полтора часа. У тебя лишь глубокая... я бы сказала глубочайшая фаза. Ты не спишь, а словно впадаешь в анабиоз. Не в полной мере, конечно. Но состояние пограничное. Твоя мама совершенно правильно беспокоится.

— Надолго я здесь? Мне вообще-то на занятия! — привела девушка решающий аргумент.

Элеонора Давыдовна поднялась и, прихватив, планшет, направилась к двери:

— В колледж ты безнадежно опоздала. Мама не смогла тебя поднять. Полагаю, придется взять академический отпуск. — Выходя, она оглянулась: — попрошу папу навестить тебя в обеденный перерыв.

— Скажите ему... — крикнула Юля, — скажите, пусть Илью пришлет.

— Кто это?

— Его помощник.

Дверь со щелчком закрылась, и Юля осталась одна. Глянцевый потолок, белые стены, покрытый золотистым лаком светлый ламинат на полу. Скуотища!

Хотя скучать особенно не пришлось. Сначала ее навестил Илья. Они больше часа гуляли по внутреннему парку. Парень рассказывал о походах в горы так увлекательно, что Юля дала слово летом обязательно поехать с ним. На вершины она вряд ли полезет, но перевал вполне способна преодолеть, главное: не терять форму. В центре, как она успела узнать, имелся бассейн и тренажерный зал — это плюс. После занятий забежали Дина и Вета. Хором завидовали Юльке: вот уж устроилась, так устроилась. Не каждому повезет попасть в объекты исследований. Ветрова спорить не стала, хотя имела на этот счет совсем другое мнение. После работы приехала мама. Хотела остаться на ночь, но Юля ее выпроводила:

— Отдыхай, за мной тут присмотрят.

Засыпала с мыслью, что тянуть больше не будет, сразу после третьего испытания примет капли Дюгора: надо покончить с этими перескоками. Она не сомневалась: как только обычный сон наладится, из больницы ее выпишут.

Глава 7 Когда все это кончится!

Во дворце, как служанки доложили едва проснувшейся Юльке, готовились к турниру претендентов. Этот этап отбора проходил на площадке для тренировочных боев. Располагалась она под окнами покоев правителя. Там имелся балкон, близнец выходящего на главную площадь, откуда Ветрова, впервые появившись в параллельной реальности «приветствовала» подданных. На балконе поставили двойной трон, Юлю убедили сесть рядом с правительницей. Она согласилась, ведь кресла для фрейлин притулились сбоку, наблюдать за поединками оттуда неудобно. Балкон не вмещал всех желающих засвидетельствовать победу Зергэ Апола, значительная часть зрителей стояла плотным кольцом вдоль ограждения. Разношерстная толпа бурлила. Вид ее напомнил Юле фанатов поп-звезды, ожидающих появления кумира. До старта еще оставалось время, и Юля попросила распорядителя растолковать ей правила. Тот, нисколько не удивляясь ее невежеству, пустился в объяснения:

— Победитель предыдущих этапов выбирает двух противников. После их проигрыша те бьются между собой.

— Погодите, — удивилась девушка. — Разве о проигрыше двух противников известно заранее?

— Простите, Ясная заря. Неточно выразился. Проигравшие в первых поединках бьются между собой, — поправился Каук.

— Ясно. Что дальше?

— Тот, кто победил хотя бы один раз, выбирает следующего соперника.

— То есть, Апол будет сражаться со всеми?

— Слабейшего, возможно, выбьет кто-то другой. — Распорядитель нахмурился. Юля догадалась, что под слабейшим он подразумевает своего сына.

Она благодарно кивнула, переключив внимание на подошедшего Элиха. Секретарь выглядел хмурым и бледным. Трудно было узнать в нем цветущего богатыря. Ветрова смотрела сердито, словно спрашивая: ну? выполнил мою просьбу?

Ничего он не выполнил. Нетрудно было догадаться: Элих отвел взгляд и уселся у самых перил так, чтобы Юля не видела его лица. Впрочем, хватало из затылка. Шея и плечи парня были так напряжены, что можно было всерьез опасаться за ворот рубахи, торчащий из-под утепленной накидки.

Погода поначалу стояла пасмурная, но непосредственно перед турниром тучи развеялись.

Участок для схватки огородили светящимся магическим барьером, заступать за него поединщикам не разрешалось. Для победы достаточно было вытеснить соперника за пределы площадки более чем на пять секунд или выбить из его рук оружие. Четыре претендента стояли по сторонам огороженного квадрата. Ветрова искала пятого. Зергэ не заставил себя ждать слишком долго. Его приближение можно было заметить по расступающейся толпе. Парень вышел в центр площадки, легким поклоном поприветствовал правительницу и Ясную зарю. Юлька заметила, как его полные губы тронула довольная улыбка. Еще бы! Сегодня будущая невеста не пряталась за подругами, а заняла полагающееся ей место. Сбросив подбитый беличьим мехом плащ на руки оруженосца, Апол принял у него короткий сверкающий на солнце меч. На взволнованный вопрос Юли, Райда ответила, что оружие затуплено, смертельной раны им не нанести, хотя покалечить вполне можно. Кровь у одного из поединщиков послужит поводом прекращения схватки с присуждением победы тому, кто нанес рану. Зрители замерли в ожидании выбора соперников. Зергэ, не поворачиваясь к рефери, негромко произнес имена. Поданный знак был принят Кауком, и с балкона раздался усиленный заклинанием голос распорядителя:

— Первым выпала честь драться Арыку Доджу, вторым будет Жерло Ватс.

— Достоинно, — прошептала Райда, — Зергэ уверен в себе, раз выбрал сильнейших соперников.

— Еще бы, — буркнула Ветрова, — наверняка удесятерил силы своим легендарным цветочком.

— Почему бы и нет, — не устаивая девушку взглядом, прошептала правительница.

Болотный княжич тоже освободился от верхней одежды и предстал перед Аполлом в узких светлых штанах и белой просторной рубахе. Хотя он был выше одетого в синее Зергэ, но тот умудрялся смотреть на противника сверху вниз. По знаку рефери, парни поприветствовали друг друга, и битва началась. Звон металла, боевой клич, вздохи толпы, изредка женский визг... Ветрова не смотрела на площадку. Она не могла отвести взгляда от Элиха. Тот навалился грудью на перила, схватившись за

край и разведя локти. Поза его напоминала готового ринуться на добычу орла.

«Поздно, Илюша, — думала Юля, — раньше надо было устранять Зерге. Взглядом его точно не прикончить». Девушке не хотелось наблюдать за тем, как Апол раскатает симпатичного ей княжича, но она вынуждена была обернуться, когда Райда больно схватила ее за руку:

— Что это? Не может быть!

Арык наступал. Он наносил удар за ударом, а Зергэ едва успевал ставить блок. Лицо главного претендента исказила страдальческая гримаса. Движения его были неловкими, неуверенными, парню явно что-то мешало. Что-то от чего он страстно желал, но не мог, избавиться. Княжич бился изящно, легко, словно плыл в густом прозрачном воздухе. Очередным приемом он вывел Зерге из равновесия, и тот вывалился за пределы площадки. Вместо того чтобы впрыгнуть обратно и отстаивать право продолжить бой, он упал на землю и стал кататься по мокрому песку с воплями и стонами. На помощь к поверженному участнику бросились три лекаря. Ратники, следящие за порядком, окружили Зергэ кольцом, не подпуская любопытных. Зрители на балконе повскакали, пытаясь рассмотреть происходящее внизу. Лишь правительница и Ясная заря продолжали сидеть. Одна — с изумленным выражением, а другая — с довольным. Перед тронем неожиданно, как короткое замыкание, возник Тиннет Апол:

— Требую остановить поединки! — крикнул он в лицо правительнице. — На моего сына навели порчу!

Райда скомкала меховую оторочку своего наряда и сидела, не разжимая кулаков. Пауза затягивалась. Едва мужчина набрал воздуха, чтобы высказать следующее требование, его оттер Каук:

— Позвольте напомнить, господин Апол, всех допущенных к отбору свидетелей тщательно проверяли на способности подобного рода. Здесь нет опасных для участников людей.

— А сами? Сами участники? Они вполне могут таким образом устранять главного конкурента! Требую проверить магический фон участников отбора! Кто-то из них потратился. Или... — он вперил взгляд в Ясную зарю, — Юлла негативно настроена, могла и она поколдовать. Ее фон тоже следует измерить.

— Вы забываетесь, Тиннет, — сквозь зубы процедила Райда. — Моя дочь владеет единственной магией. Вам прекрасно известно, что дар подчинения фитров не совестим ни с каким другим.

— Что если Юлла кого-то попросила! — Апол оглянулся, зацепившись взглядом за спину Элиха.

Парня слегка потряхивало. Ветрова решила отвлечь внимание дотошного папаши:

— Не продолжить ли нам состязания? — поднялась она. — Напрасно вы, господин Тиннет, заранее сдаетесь. Ваш сын имеет достаточное преимущество по результатам предыдущих этапов. Он проиграл один раз и не выбыл из борьбы. Пусть соберется с силами, пока остальные сражаются. — Наклонившись к Аполу, она подмигнула: — Ведь имеется чудо-цветок.

Зло сверкнув глазами, Тиннет подался в сторону и скоро смешался с толпой.

— Умница, — шепнула усевшейся на трон Юльке Лучистая радость. — А я растерялась. Если бы твой магический фон стали измерять... Ужас.

Ну конечно! Правительница так испугалась разоблачения поддельной дочери, что забыла своего любимчика. Зергэ унесли. Объявили поединок между Уэлером Хорхом и Жерло Ватсом. В связи с тем, что заведенный порядок был нарушен, соперников выбирали жеребьевкой. Спроси кто мнение Ветровой об исходе этого сражения, она бы поставила на поисковика. Он выглядел собранным, шустрым, и Райда назвала его сильнейшим. Однако бой складывался не в его пользу. По всей видимости, Жерло недооценил соперника. Уэлер, хоть и не мог похвастать скоростью и ловкостью, но ухитился от прямых атак, утомляя противника, вынужденного вертеться мельничным жерновом. В течение боя Хорх ничуть не сбавил размеренного, экономного темпа, а Ватс заметно утомился. Осознав, что еще немного и его возьмут измором, Жерло бросился в атаку с такой страстью и азартом, что Уэлер вынужденно принял его темп. В результате оба выскочили за ограничительную линию. Увлеченные тем, чтобы не дать сопернику вернуться на площадку, и Хорх, и Ватс по истечении пяти секунд оказались за чертой. Объявили ничью, что приравнивалось скорее к победе, чем к поражению.

Затем Уэлер шутя победил Берта. Толстяк проявил выдержку, ведь ему приходилось не только отражать удары соперника, но и терпеть насмешки толпы. Но стойкость и упорство были вознаграждены, спустя время, зрители стали его поддерживать, приветствуя удачно проведенные удары. Берт немного расслабился, и Уэлер умудрился выбить меч из его руки.

Интересно было наблюдать за дуэлью княжича и поисковика. Оба успели отдохнуть и рассчитывали на победу. Жерло учел печальный опыт, действовал осмотрительнее. Арык Додж танцевал на льду, иначе не скажешь. Ветрова любовалась княжичем и даже представляла себя вместо Жерло рядом с ним на площадке. В этом случае мечи будут лишними.

Ватса подвела неловкость — поскользнулся на невесть откуда взявшейся подмерзшей лужице. Смешно замахав свободной рукой, он свалился на спину, а подняться ему не дало острое меча Арыка, направленное прямо в грудь.

Уэлер отказался биться с болотным — не видел смысла. Понятно, низкие баллы за предыдущие испытания не давали надежд на победу в отборе, а не слишком завышенные амбиции парень удовлетворил уже тем, что не выбыл из-за двух поражений.

Ждали Зергэ Апола. Зрители гадали, кого он выберет для борьбы. Одни утверждали, что уже объявленного поисковика. Тогда приболевшему Зергэ придется попотеть. Другие полагали, что претендент проявит гибкость и начнет с Берта, на счету которого имелось одно поражение. Потом возьмется за Хорха и, если одолеет, выйдет на Ватса. Однако победители в этих спорах так и не определились. Зерге не появился на площадке. Главный дворцовый лекарь, пробравшись на балкон, доложил правительнице, что претендент внезапно заболел каким-то неизвестным видом крапивницы. По всей коже пошли ярко-малиновые прыщи. Эта сыпь так чешется, что несчастному пришлось привязать руки к спинке кровати.

— Скорее всего, — ядовито заметила Ветрова, — аллергия на цветок силы. Парень ошибся с дозой.

Мать проигнорировала ее выпад и спокойно произнесла:

— Так или иначе, надо объявить Зергэ победителем отбора.

Юля кивнула, поднялась и шагнула ближе к перилам балкона. Распорядитель поспешно повесил прямо в воздухе магическую линзу, усиливающую звук.

— Уважаемые свидетели отбора, — церемонно начала девушка, — на сегодняшний день один участник набрал десять баллов. Это Зергэ Апол. Третье испытание он, к сожалению, не прошел. Два участника набрали по одиннадцать баллов. Арык Додж и Жерло Ватс. У остальных меньше.

По рядам зрителей прокатился шум. Лучистая радость зло зашептала в спину Юльке:

— Что ты задумала?

— Посему, — продолжала девушка, — явного победителя мы определить не смогли.

— Выбирай сама... Назови любого... — кричали снизу.

— Апол! — грозно шипела правительница.

— Итак, мое решение! — установилась тишина. Юля повторила: — Мое решение. Назначаю дополнительное испытание. Тот, кто разыщет моего отца, истинного правителя Росистых лугов, тот и станет моим женихом. — Чуть подумав, добавила: — А потом и мужем.

Парни — участники отбора — во время Юлькиной речи выстроились посреди турнирной площадки рядом, словно пионеры на школьной линейке. Выслушав объявление, они стали переглядываться, пытаются понять, кто из них принял вызов, и кто станет главным соперником. Их взгляды скрестились на Жерло Ватсе. Тот пожал плечами. Поисковик потратил много усилий, пытается найти отца Юллы, но так и не определил, где тот скрывается. А подаренным Ясной заре изобретением теперь мог воспользоваться любой, кому она позволит.

Зрители, сгрудившиеся у ограждения, взволнованно обсуждали итоги отбора, тогда как сидящие на балконе вельможи застыли, словно Арктическое дыхание превратило их в ледяные скульптуры. Ветрова, не взглянув на Райду, пробралась к выходу. Следом за ней, отмерев, выбежали фрейлины.

Юля шагала по коридорам, не реагируя на болтовню подруг, те же бурно обсуждали ее вердикт. Мнения разделились. Шелда отнеслась к решению Ясной зари скептически: все равно, мол, победит Зерге, обнадеживать остальных нечестно. Ветти, напротив, одобряла действия Юллы. Всем известно, как она скучает. Почему бы не воспользоваться рвением претендентов и вместо глупых заданий не поручить им стоящее дело. Лита соглашалась то с одной, то с другой спорщицей и в результате заявила, что не ожидала такого захватывающего развития отбора.

У входа в свои покои Ветрова сказала, что хочет побыть одна. Девушки дружно изобразили реверансы, побежали в цветник. Они несколько не огорчились. Даже рады были кулуарно обсудить странности поведения Ясной зари.

Одной Юльке остаться не довелось. Сначала служанки принесли обед, а как только Ветрова, наскоро поев, выпроводила их из буфетной, пожаловал Элих. Он успел сменить парадный костюм на дорожный и выглядел удрученным.

— Далеко собрался? — поинтересовалась Ветрова.

— Полагаю, меня уволят, — со вздохом сказал парень. — Зашел попрощаться.

— С какого перепугу?

—???

— М-м-м... За какие прегрешения тебя вдруг уволят?

Элих приблизился и опустился на одно колено перед Юлей:

— Позволь признаться... — Ветрова кашлянула, изображая внимание, парень продолжил: — Раньше я сочувствовал тебе. Жалел... Ты всегда была печальной, не замечала никого вокруг. Теперь стала другой. Возможно, сказала близость смерти, ты больше ценишь жизнь, стремишься изменить ее. Видя, как ты сильна, как борешься, как... Я восхищен тобой, Юлла.

— Восхищен? — переспросила девушка. Глаза Элиха говорили не о восторгах: о влюбленности, о притяжении... Она и сама пока не могла определиться. Но даже это куцее признание свидетельствовало о том, что заинтересовала Элиха вовсе не настоящая принцесса, а сама Юлька — взбалмошная непокорная девчонка из чужого мира. Задумавшись, она машинально сказала: — Не думаю, что за это изгоняют из дворца.

— Прости, я сорвал отбор.

Он глядел на рисунок красного ковра, а Юлька с трудом подавляла желание прикоснуться к его казавшимся такими мягкими волосам. Она присела, всматриваясь в лицо парня:

— И каким же это образом?

— Не знаю, — покачал он головой, — я страстно желал Зергэ зла! Мой долг рассказать об этом Лучистой радости.

— Я тоже мечтала, чтобы Зергэ свалила какая-нибудь чума. Предлагаешь и мне идти с повинной? — Ветрова выпрямилась и посмотрела на Элиха сверху.

Он встал и взял руки девушки в свои большие ладони.

— Ты не поняла. Мое желание исполнилось. Я почувствовал, как энергия призрачным шлейфом тянется к Аполлу и заключает его в кокон. Потом Зергэ обессилел и, как говорят, покрылся сыпью. Нестерпимый зуд помешал ему продолжить поединки.

— Энергия? Ты ее видел? Я ничего такого не заметила.

Элих опять вздохнул:

— Меня колотило от истощения, и если бы Тиннет настоял на анализе магического фона...

— Погоди! Ты же клялся, что не владеешь магией. Лапшу вешал? Лишь бы не участвовать в отборе?

— Что ты! Юлла! Для меня самого это большая неожиданность.

— Так-так-так... Значит, ты вполне...

— Нет, — Элих отпустил Юлькины руки и отступил на шаг. Я не владею... то есть, я не умею пользоваться этим даром. Обычно ребенок наследует магию одного из родителей и учится обращаться с ней в семье. Я же... не представляю, кого выбрать учителем.

— Дюгора, кого еще.

— Дюгора? — испугался Элих. — Он изгой.

— Зато дока в болячках. К нему повезли спасать Ясную зарю, а не к кому-то еще.

— Ты полагаешь, я — целитель?

— Не сомневаюсь. Все имеет обратную сторону. Тот, кто излечивает, может и заразить. Ты начал со второго. — Ветрова улыбнулась: — Кстати, спасибо! И не спеши отдаваться в руки правосудия. Видели мы его плоды: едва успели спасти Диин.

— Как мне жить с этим? Я виновен...

— Ты молодец! — Ветрова шагнула ближе, привстала на цыпочки и чмокнула парня в щеку. Он замер, прижав к щеке ладонь и, широко раскрыв глаза, смотрел на Юлю. Девушка смутилась: — Просто благодарность. Не парься... А как жить? — она покачала головой из стороны в сторону, как бы взвешивая варианты: — опереди других. Найди правителя первым.

— Но я не участвую в отборе, — огорченно протянул Элих.

— Я сказала: кто найдет отца, тот станет женихом, — она засмеялась, прикладывая палец к его губам: — Только т-с-с-с! А то еще помчатся все, кому не лень!

Кажется, ей удалось отговорить парня от глупого шага. Во всяком случае, покидая покои Ясной зари, секретарь правительницы выглядел окрыленным и обещал никому пока не рассказывать о внезапно открывшемся даре.

Мысль о том, что следует найти правителя самой, прочно засела в Юлькиной голове. Так она освободится от данного слова. Заодно Юллу освободит от необходимости идти замуж за нелюбимого. Она взялась за подшивку отчетов об уже проведенных поисках. Листала и «разговаривала» с принцессой:

— Видишь, как все устроивается! Зря упрямышься. Неужели тебе нравится витать бестелесным духом? Давай-ка, пока я добрая, возвращайся, занимай законное место в своем теле. Я его тебе подкачала. Авторитет опять же заработала приличный. Пользуйся!

Она обернулась на звук открываемой двери. Пришла Райда. Юля оставила бумаги и поднялась навстречу правительнице, та подошла ближе и положила руку ей на плечо:

— Умница, — сказала она. — Ты приняла мудрое решение.

— Вот как? — удивилась Ветрова. Она не сомневалась, что за выходку на балконе ее пропесочат по первое число. — Неожиданно.

Лучистая радость уселась в кресло и указала глазами на лежащие на столе отчеты. Юльке пришлось объяснять свой интерес к поискам правителя. Райда выслушала и покачала головой:

— Никто не найдет твоего отца раньше Апола.

— Это почему же?

— У Тиннета много родни. В каждом уголке мира выращивают фрукты и овощи. Аполы богаты и влиятельны, где бы ни находились. Стоит Зергэ кинуть клич...

— Хотите сказать, ему даже ехать никуда не придется? — разочарованно протянула девушка.

— Не придется.

Теперь стало понятно, почему Райда назвала Юлькино задание мудрым. Ей же самой оно больше не казалось таковым.

— Странно, что Тиннет до сих пор не разыскал правителя. Вы разве не обращались к нему за помощью?

Лучистая радость, сохраняя постное выражение, перевела разговор:

— Зная твой непоседливый характер, я приняла некоторые меры...

— В смысле? — насторожилась Юля.

— Тебе запрещено покидать пределы дворца. — Она поднялась и направилась к выходу, сказав по дороге: — Не пытайся во избежание неприятных ситуаций.

Она арестована? Это называется «умница». Похвалы здешней мамыши будут похуже скандалов с настоящей.

Чем больше размышляла Юля над словами правительницы, тем отчетливее осознавала: надо самой искать отца Юллы. Лишь опередив Апола она сумеет избавиться от неудобного кавалера. Вернее, избавить от него принцессу. Ведь девчонка вряд ли захочет вернуться к жизни во дворце, имея такую перспективу замужества. Не обязательно пускаться в путешествие. Достаточно определить, где находится убежище беглого папаши, и отправить за ним Элиха. Ветрова не сомневалась, что парень согласится.

Проштудировав записи прежних экспедиций, девушка огорчилась: сведения были путанными и походили на нетрезвые байки любителей поморочить людям головы. Оставался еще подарок Ватса. Да! Нужно как следует расспросить архивариуса. Возможно, секрет исчезновения правителя кроется в прошлом семьи. Крикнув Молли, Ветрова велела ей прикатить поисковое зеркальце в архив и отправилась к бабушке Лу.

Она оказалась не первой, кто выбрал этот способ поисков. За столами в большом зале архива, сгорбившись над кипами карт, сидели Арык и Уэлер. Оба они, заслышав шаги, обернулись и поднялись.

— Привет участникам соревнований! — смеясь, помахала им Юлька.

Парни, как по команде, улыбнулись. Ей было приятно, что соперники Зергэ не сдаются, а борются за нее. Точнее, за трон Росистых лугов — одернула она себя. Пусть так. Зачем углубляться в политические тонкости? В любой сказке приз — царская дочь, а королевство — в придачу.

Чудо антенну, доставленную запыхавшимися служанками, Додж и Хорх встретили радостными возгласами.

— Позвольте нам посмотреть? — Арык заговорил, наконец, на здешнем языке. Легкий акцент придавал фразе очарование, отказаться было бы невозможно. Юлька кивнула:

— Конечно. Буда рада, если вам это поможет.

Уэлер разглядывал прибор с жадным любопытством. Его, совершенно очевидно, увлекла сложная задача, он азартно потирал руки, приговаривая:

— Теперь-то точно мы его поймаем.

Ветрова засмеялась, парни подхватили ее смех. Спешащий из лабиринтов архивариус, широко улыбаясь, поинтересовался:

— Что за веселье?

— Вообще-то надо Ватса позвать, это все-таки его изобретение, — заметила Юля. Она подсознательно стремилась помочь кому угодно, лишь бы помешать победе Зергэ. — И еще Берта!

Паулон — Ветрова для удобства мысленно величала его Пал Палычем, — пододвигая для Юли стул, сообщил:

— Берт отказался участвовать, а Жерло успел уехать.

— Вот ка-а-ак? — разочарованно протянула девушка.

— Не огорчайтесь, Ясная заря, — заверил ее Додж, — мы отыщем вашего папу.

Надо же, сказал «мы», будто Уэлер ему не соперник, а товарищ.

Хотя по тому, как общались парни, как строили версии, наблюдая за происходящим на экране, стало ясно, что они успели сдружиться и действуют заодно. Это, по мнению Ветровой, выгодно их отличало от остальных претендентов. Княжич имел больше шансов на победу и по знатности происхождения, и по результатам предыдущих испытаний, но нисколько не кичился этим. А Уэлер вообще выглядел заинтересованным исследователем, а не участником отбора. Юльке даже было досадно от того, как быстро парень отступился, ведь нравился он ей больше остальных. Успокаивала она себя тем, что Хорох не стремится к власти. Будь Юлла не принцессой, а фрейлиной, он бы приударил за ней с большим энтузиазмом.

На сей раз поисковый прибор показывал проулку. Мужчина, похожий на Юлькиного отца, неторопливо шагал по утоптанной сухой тропе и наслаждался скрытыми от наблюдателей видами.

— Чуть бы пошире картинку! — сетовала девушка. Ее так и подмывало дотронуться до экрана и раздвинуть изображение пальцами. Зеркальце, к сожалению, на это не реагировало.

— Море рядом, — предположил Арык.

— Точно, — согласился Уэлер. — облака плотные и светлые. Для таких нужна обширная водная поверхность. Горы неподалеку, видите, какая каменистая почва?

Мужчина на экране потянулся в сторону, сорвал с невидимого растения лист и поднес к глазам.

— Виноград! — воскликнули хором парни.

— Думаю, на сегодня достаточно, — заметил Паул Паулон. — Предпочтительнее собирать разнообразный материал.

— Хорошо. — Юлька отключила устройство. — Завтра утром глянем. — Она обернулась к архивариусу: — Дедушка Лу, если ребята придут без меня, пусть пользуются.

«Ребята» согласно закивали. Паулон, пряча в усах улыбку, сказал:

— Все верно. Чем чаще будем смотреть, тем точнее сможем определиться. А теперь по кроваткам! Поздно.

Кавалеры встали, слаженно поклонились Юле и архивариусу и ушли. Ветрова задержалась.

— Дедушка Лу, — спрашивала она старика, закатывающего поисковый прибор в анклав: — где находятся Грозовые утесы?

— Граничат с нами на юго-востоке, — ответил тот, задерживая занавеску. — Зачем тебе?

— Интересно там побывать.

— С этой стороны скалы неприступны, а кружным путем придется три соседних страны проехать.

— А разве фитр не долетит? Что ему скалы! — воскликнула девушка и призналась: — Я хочу освободить своего Ангела.

— Чего выдумала! — недовольно пробурчал старик. Вглядевшись в печальное Юлькино лицо, примирительно сказал: — Нимфа запретила фитрам уходить из Росистых лугов. Так что этим путем твой подопечный не сможет вернуться домой. Забудь эти выдумки и отправляйся-ка спать, внученька.

Что ж, тут он был прав. Пора возвращаться к себе. Захватив «Хроники» и пообещав — честно-пречестно — бережно с ними обращаться, Ветрова отправилась к себе. Полистала в кровати не больше получаса, нестерпимо потянуло в сон.

Очнувшись в больничной палате, Юлька застонала:

— У-у-у-у!

Она успела забыть, куда ее упекли!

— Что такое? — внимательное лицо Элеоноры Давыдовны нависло над Юлей.

Захотелось зажмуриться:

— Домой хочу! Когда меня выпустят?

Как только мы пойдем, что с тобой происходит, и поможем, — отстранилась женщина, возвращаясь к своему планшету. Она опять заполняла таблицы. Ну и работка!

— Мне ваша помощь не требуется, — буркнула девушка, спуская ноги с постели.

Она прошла в санузел, расположенный у выхода из палаты, и нарочно долго возилась там: и причесалась, и зубы почистила, и даже собралась принять душ. Но докторша оказалась стойким солдатом. В покое не оставила. Стоя под дверью, уговаривала:

— Ты настроена негативно, это не удивительно. Но пора бы принять ситуацию. Ты, в конце концов, не ребенок и даже не тинэйджер, а вполне взрослый человек. В жизни всякое случается. Ты в данном случае не виновата, но изменить ничего не можешь.

— О чем это вы? — спросила Юля, выходя.

— Неважно. — Элеонора, оставаясь на том же месте, наблюдала за пациенткой, приступившей к гимнастическим упражнениям. — Если будешь настаивать, тебе назначат другого ведущего, но папа просил меня...

— Ладно. Проехали. Изучайте, что с вами делать! — Юлька начала приседать.

Докторша, задавая вопросы, то вырастала, то укорачивалась в ритме Юлиных движений. Один из вопросов крепко задел:

— Папа говорит, раньше ты спала нормально.

«Папа говорит... — сердилась Юля, — оставил жену с пятилетней дочкой. Откуда ему знать, как она

спала!»

— Я... и сейчас... нормально... сплю! — старалась не сбить дыхание девушка.

— Это не так, — со знанием дела завершила ее докторша. — Что-то снится?

— А как же!

— Не обманывай, пожалуйста.

Юля прекратила приседать, приступила к растяжке.

— Классные сны мне сняться, уж поверьте.

— Вот эти? — Элеонора подошла ближе и тронула тетрадь, привезенную мамой по Юлькиной просьбе и беспечно оставленную на тумбочке.

— Чужие дневники читаете? — Девушка резко выхватила тетрадь из-под цепких пальцев, сунула в ящик и с шумом его задвинула.

— Мы должны разобраться... — примирительно начала женщина, однако Юля демонстративно заткнула уши. Элеонора кивнула и пошла к двери. Перед тем как ее закрыть, сказала: — После завтрака обход. Надеюсь, ты будешь расположена к беседе.

Пережить обход оказалось проще простого. Юля запустила на айпаде первую попавшуюся игру — Stranger Things — и не особенно вслушивалась в пространные рассуждения собравшихся. Все, что ей удалось понять, слушая в пол-уха и отвечая на немногочисленные вопросы: случай уникальный, институту здорово подфартило с таким объектом для наблюдений. Короче: отпускать ее в ближайшее время не собирались. Днем она мало кого интересовала. В первой половине дня поплавала, протестировала тренажеры. После обеда начались посещения. Сначала объявились подружки: Оксана и Рита. Пашка и Валерка увязались с ними, но так много народу сразу не пропускают. Юля выглянула в окно и помахала ребятам. Те, улыбаясь во весь рот, помахали в ответ.

Новостей было немного. Англичанка зверствует: поставила семь двоек за урок. Народу списывать не у кого — Джулия в ауте. Солодовников оказался жлобом. Сам пятерочку получил да еще посмеивался.

— Даже Динке не дал списать! Представляешь? — возмущалась Рита.

— Они помирились?

— Еще как помирились, — язвительно заметила Оксана. — Пашка говорит, Серый разнюхал, что у нее отец в администрации работает. Так что теперь: мир, дружба, жвачка, как выражается мой дед.

Ветрова не нашла слов для комментария, слишком переживала за подругу. Девочки надолго не задержались — ведь их ждут.

— Ты заметила, что Прохоров тебе симпатизирует? — перед уходом спросила Оксана.

Юля кивнула, а Ритка завопила, чуть ли не на весь этаж:

— Ты что! Знаешь, у нее парень какой крутой! Из-за которого она Солодовникова отшила!

— Ладно, иди уже! — засмеялась Ветрова. — Будешь еще сплетни распускать, Сорока.

Крутой парень тоже забежал после работы. Притаранил электронную книгу с целой закаченной библиотекой и слил на Юлькин айпад музыку и фильмы.

— Я так и домой не захочу возвращаться! — шутила девушка.

Однако домой очень хотелось. Оставшись, наконец, одна, Юля лежала в кровати и размышляла об отце. Как он мог променять маму на эту гримзу? Элеонора, конечно, внешне вполне себе смотрелась. Но мама намного интереснее. Возраст у них приблизительно одинаковый. Непонятно. Загипнотизировала она его что ли?

Заглянула дежурная медсестра. Наладила аппаратуру, выключила свет. Уходя, сказала:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — на автомате ответила Юля и вздохнула: чего-чего, а спокойных ночей у нее давно не было.

Жизнь во дворце обещала превратиться в скучнейшую череду дней: утренние хлопоты с одеванием

и причесыванием, завтрак, моцион, болтовня с фрейлинами, обед — либо в одиночестве, либо с мамашей, долгие часы в библиотеке.

Как могло случиться такое совпадение? В обоих мирах — одно и то же!

Юля сидела, печально уставившись в одну точку. Служанки хлопотали вокруг нее и пересказывали новости: Зергэ все еще не выходит из покоев. Сыпь, как говорят его слуги, почти сошла, но лицо и руки покрыто пигментными пятнами, что делает парня похожим на далматинца. Отец Зергэ помчался в поместье деда. Нетрудно догадаться, что Аполы развели активную деятельность, выполняя задание Ясной зари. Жерло Ватс уехал еще накануне, надеясь выиграть время. Два других присоединившихся к поискам кавалера отправятся в путь сегодня. Они обещали перед отъездом зайти, попрощаться.

— Оба? — слабоотреагировала Ветрова.

— Говорил Арык, но Уэлер, кажется, тоже придет, — с улыбкой обнадежила ее Тутти.

Юльке все сильнее хотелось воспользоваться каплями шамана и покончить с неприятностями. Здесь она больше не появится, пусть без нее решают свои проблемы, а дома, как только сон придет в норму, ее выпишут из клиники. Единственное, что надо сделать самой — отпустить на волю фитра. Об этом девушка и думала все утро.

Вместо того, чтобы отправиться на прогулку в розарий сразу после визита Арыка и Уэлера, Юля вырядилась в джеггинсы, кроссовки и свитер. Она собралась идти к фитру. Слянку с каплями захватила с собой. План был не сложен: долететь до границы, распрощаться с Ангелом и уснуть в ближайшем трактире. Их, по словам путешественников, найти не составит труда. Трудностей с оплатой комнаты тоже не возникнет. Порывшись в вещах принцессы, Ветрова обнаружила кошель, туго набитый серебряными и золотыми монетами. На блестящих кругляшках красовался профиль отца.

— Ну и коллекция! — восхищенно воскликнула девушка. — Жаль, с собой нехватишь. Папа страшно удивился бы такому подарку.

Перед уходом побеседовала с Юллой. Ну как побеседовала? Выдала монолог на тему: я сделала все, что могла, теперь твоя очередь. Взвесив в руке кошель, привязала его к поясу со словами:

— Это я захвачу на всякий случай. Если захочешь вернуть во дворец свое богатство, ты знаешь, что делать. — Огляделась, ожидая реакции: не швырнет ли чего принцесса. Нет. Вещи не шелохнулись и даже занавеска, до этого колыхаемая сквозняком, застыла как на картинке. — Ну и ладно! Спасибо этому дому, полетим к другому.

Девушка вышла из покоев, миновала просторный холл и уверенно свернула в коридор, ведущий к выходу на задний двор. Шла, не оглядываясь, но вскоре услышала шаги за спиной. Преследующий ее человек не приближался, но и не сворачивал в сторону, он явно следил за Ясной зарей. Хотя, правильнее было бы сказать: следовал за ней. Не прятался, не старался двигаться бесшумно — разве это слежка? Выходит, Райда угрожала всерьез. Ну ничего! Пусть ворота закрыты для Юллы, улететь на фитре никто не помешает. Тем более что кареты и паланкины ей не требуются. Привычно добыла из стенного шкафа меховую накидку, закуталась и побежала к конюшне. Мягкие подошвы кроссовок делали шаги легкими, почти бесшумными, а за спиной цокали по булыжникам металлические набойки на подошвах сапог преследователя. Надо действовать быстро! Пусть этот «тетеря» ее проворонит!

Однако Ветрову ожидал неприятный сюрприз: конюшня была заперта. Крепкие двери из серых, потемневших от повышенной влажности досок, перечеркивал свежеструганный брусок с большим амбарным замком в массивных проушинах. Девушка принялась трясти двери. Долбить по доскам кулаками и закричала:

— Ангел! Ангел, ты слышишь меня?

На шум прибежал скучавший за углом охранник. Он вытаращился на Ветрову и неловко поклонился:

— Ясная заря! Что вам угодно?

— Мне нужен мой фитр, — девушка постаралась придать голосу надменность, чтобы не выглядеть просительницей: — Пожалуйста, отопри.

Парень, все еще робея, повертел головой:

— Приказ Лучистой радости: никого не впускать и не выпускать без ее личного указания.

— Я всего лишь... — Юля чуть не сказала: поговорю, но вовремя спохватилась: — Я лишь проведаю его. Что в этом особенного?

— Простите! — отступил охранник, — не могу. У меня и ключа нет.

Ветрова оценила протянутые к ней раскрытые ладони, хмыкнула и оглянулась. Преследователь торчал шагах в десяти. Не приближался, но и не уходил. Ясно. Придется действовать иначе. Милостивым жестом отпустив охранника, Юлька двинулась вокруг конюшни. В боковой стене были решетчатые окошки. Располагались они высоко, но если что-то подставить... Оглядевшись, девушка заметила под водостоком дубовую бочку. К счастью, воды в ней почти не было — вычерпали, чтобы наполнить емкости в стойлах. И все-таки бочка оказалась тяжелой. Опрокинуть и подкатить ее к нужному окошку стоило больших усилий. В очередной раз Ветрова посетовала на немощь принцессы: «Надо было тренироваться, лентяйка!» Поставила бочку вверх дном, влезла. Проем оказался на уровне плеч.

— Ангел! — позвала она, — Ангел, ты здесь?

Прислушалась. Сначала раздалось шуршание, потом скрипучий шелест:

— Твой фитр в другом отсеке.

Обсчиталась! Взглянув вниз и представив, как придется снова опрокидывать и катить бочку, взмолилась:

— Позови его, пожалуйста.

Внизу снова повозились. Спустя минуту Юля услышала:

— Ладно. Жди. Позову.

Говоривший это фитр показался Ветровой глубоким стариком. Интересно, как долго они живут?

— Здравствуй! — Знакомые щелчки.

— Ангел, — торопливо начала Юлька, — ты сможешь пролезть сквозь решетку?

Смех, не одного фитра, а нескольких — вероятно у беседы появились зрители — свидетельствовал об абсурдности предположения.

— Нет, — в голосе Ангела угадывалась улыбка. — Мы хоть и невидимы, но вполне объемны.

— Что же делать! — Юля чуть не призналась, что намеревается отпустить фитра на волю, но удержалась, сказав: — Я так хотела полетать, а тут такая незадача.

— Нас заперли, ничего не объясняя, — сказал фитр.

— Это из-за меня. Райда вздумала устроить дочке оседлую жизнь.

— Тогда, — задумчиво стрекотал Ангел, — думаю, я смогу незаметно выбраться, как только кого-то другого будут выводить.

— Здорово! Где мы встретимся?

— Давай на площадке, откуда отправлялись на прогулку с фрейлинами.

— Ага! Ой, — Юля оглянулась на вышагивающего в сторонке соглядатая. Это был бородатый дядька в кожаных доспехах, выглядевший весьма брутально. Такого не проведешь, — за мной следят. Боюсь, заподозрив неладное, шпион сумеет меня остановить. А уж тогда точно запрут в покоях.

— Выберись за ограду. Встретимся на дороге, ведущей в деревню.

— Как же я миную ворота или калитку? Там наверняка охрана предупреждена, — чуть не плакала Юлька.

— Воспользуйся тайным ходом.

— Есть тайный ход?! Где? — С ответом фитр не торопился, девушка даже испугалась, не ушел ли? Переспросила: — Как найти его?

— Мне это неизвестно, — огорченно щелкал Ангел. — Лет десять назад правитель водил там Юллу и распорядителя. Кажется, с ними был и сын Каука.

— Берт? — Это уже лучше. Распорядителя не спросишь, а вот из Берта вполне можно вытрясти

инфу. Только бы он помнил! Увидев, что бородач, уставший мяться в отдалении, двинулся к ней, Юлька быстро зашептала: — Хорошо. Договорились. Как только смогу, выберусь из дворца и пойду в деревню. До встречи!

— Я тебя найду, — обнадежил ее фитр.

Спрыгивая с бочки, Ветрова чуть не навернулась, но успевший подскочить мужчина, подхватил ее:

— С вами все в порядке, Ясная заря?

— Норм, — ответила Юля, — спасибо, вы свободны.

Задрав нос и преодолевая боль в щиколотке, она прошествовала мимо удивленного шпика.

Хотела было отправиться на поиски толстяка, но раздумала. Во-первых, не представляла, где обитает семейство распорядителя — в главном здании дворца или в одном из флигелей. Во-вторых, сомневалась, что им дадут спокойно побеседовать. Помешать может и отец парня, и бородач, неотступно преследующий принцессу. Лучше будет пригласить Берта в гости. Едва отворив дверь в покои, натолкнулась на Молли.

— Сходи-ка, за Кауком, милая, — постаралась она сказать как можно беззаботнее.

— Младшим? Зачем это? — довольно дерзко спросила служанка.

Эта девица нравилась Ветровой все меньше и меньше. Наверняка, это она «доносит» Лучистой радости о секретных поступках взбалмошной дочки. Юля уперла руки в боки и, шурясь, взглянула на Молли:

— Хочу поблагодарить за участие в отборе. Что здесь такого? Арык и Уэлер побывали у меня. Ватса я пригласить не успела. Остался Берт.

— Еще Зергэ, — потупясь напомнила служанка.

— У этого уважительная причина, — хмыкнула Ветрова, — личико пятнами пошло. Поправится — поблагодарю от всей души. Поторопись, а то уволю за медлительность! — пригрозила она.

Служанка бросилась прочь.

Ждать долго не пришлось. Едва Тутти по просьбе Ясной зари успела организовать чаепитие, как приковылял младший Каук. Он демонстративно приволакивал ногу, и не успела девушка спросить, что с ним, жалостливо сообщил:

— Простите, Ясная заря, никак не могу отправиться на поиски правителя, упал вчера с фитра и...

— Сочувствую, — перебила его Юля. — Расслабься. Никто тебя и не заставляет пускаться в безнадежное предприятие. Без тебя разыщут. Пей чай!

Она выразительно взглянула на служанку. Тутти присела в реверансе:

— Больше ничего не нужно?

— Свободна. — Оставшись с парнем наедине, Юля попросила заговорщически: — Если будут интересоваться, я тебя поблагодарила за отбор. Ты — молотчага! Бился, невзирая на трудности.

— Спасибо... — пролепетал Берт, не веря собственным ушам.

— Реально! — заверила его Юля, видя растерянность на лице парня.

— Отец недоволен, — покачал головой тот.

— Сам бы он смог противостоять этим монстрам? — засмеялась девушка.

Берт тоже улыбнулся. Но похвала не сбила его с толку, толстяк оказался достаточно умен:

— Это, если спросят. А на самом деле зачем ты меня пригласила?

— Как-то правитель водил нас наружу тайным ходом, не напомнишь, где это?

Берт вытаращил глаза:

— Ты сама разве не...

— Это был вопрос, и я жду ответ, — сердито заметила Ветрова.

— Так... там, — толстяк ткнул в стену, за которой располагалась библиотека.

— Подробнее, пожалуйста. Как туда опасть?

— Зачем тебе? — все еще тарачился парень.

— Занадом. Говори! А то пирожных не получишь! — Юля взялась за край подноса и потянула к себе.

Берт проследил за удаляющимися песочными корзиночками с фруктами и взбитыми сливками, облизнул губы кончиком розового языка и пожал плечами:

— Ты же не хуже меня знаешь! Отстранишь зеркало, там клавиша. Давишь на нее — отодвигается шкаф. Все.

— Все?

— Ну... магическое освещение еще надо зажечь. Но заклинание я не помню. Могу у папы спросить.

— Вот этого не надо! — воскликнула девушка. — Никому ни слова! Жуй!

Поднос вернулся на место, и толстяк с плотоядной улыбкой переложил три корзиночки на свое блюдце. Теперь, помня услышанные где-то шпионские правила, Ветрова завела разговор об остальных участниках отбора, интересуясь мнением Каука: кто из них имеет больше шансов на победу. Проводив парня, Ветрова поручила Тутти понаблюдать за конюшней, и сообщить, когда кто-нибудь откроет двери. Служанка вернулась почти сразу и, хвастая сообразительностью, сообщила:

— К обеду ждут возвращения Лучистой радости. Тогда и отворят, чтобы ее фитров запустить. — Ожидая похвалы, она добавила: — Мой кузен стоит на часах.

— Надеюсь, ты не сказала, кто тебя послал?

— Не-е-ет! — Тутти комично пожалала плечами: — Удивилась, что закрыто, он сам проболтался.

— Отлично! Молли тоже не говори.

— Неужели я не понимаю! — закатила глаза девушка.

Юля не стала уточнять, что такого Тутти понимает, лишь попросила сегодня не беспокоить, мол, обедать собирается у матери, а потом погуляет с Элихом. Надеялась, что в ближайшие часа три ее не хватятся. Перед отлетом все еще раз проверила. Одежда удобная. Правда, вместо оставленной в прихожей накидки, напялила громоздкий сюртук, ведь стартовать придется прямо отсюда. Кошель приторочен надежно. Амулет, подаренный болотным княжичем, и капли шамана спрятаны на груди. Порядок!

Прошла в библиотеку. Не удержалась, заглянула в зеркало. Мастера все-таки эти Хорхи! Такое отличное стекло, стоять бы и любоваться на себя. Однако надо спешить. Скоро должен выбраться из конюшни фитр, и ей следует отойти как можно дальше от дворца, чтобы кто-нибудь случайно не засек их встречу.

Отвела зеркало в сторону, тронула выпуклость в стене. Клацнул невидимый замок, раздался скрип и скрежет скрытого механизма. Левый шкаф начал разворачиваться вокруг оси, открывая черный тоннель. Балда! Нужно освещение. Ветрова поспешно огляделась. На письменном столе заметила шар в подставке. Такие используют для яиц, сваренных всмятку. Подскочила, дотронулась. Шар отозвался тусклым светом. Потерла — засиял ярче. Сгодится.

Углубившись в тоннель, услышала, как скрипит за спиной задвигаемый шкаф. Стало немного не по себе. Коридор выглядел вполне уютным, если не считать свисающей с потолка паутины, но глубокая тишина, наступившая, как только шкаф успокоился, навалилась, не оставляя надежд на счастливое избавление. Найдут ли тело здесь, в случае чего? Вот не выберется она по какой-то причине на свет, примет капли, чтобы вернуться домой, уснет прямо на пыльном полу... А Юлла не захочет вернуться.

— Юлла, — позвала она, приподняв светящийся шар выше, — ты здесь бывала? Выберешься, если я не смогу?

Ответа, разумеется, не последовало. Вот ведь бестолочь — ругала себя Ветрова. Ничего толком не выяснила, а полезла. Что если Берт обманул, и это не ход, а ловушка? Чуть успокоившись, вспомнила, что как-то ее навещал колдун, а скрылся как раз через библиотеку. Тогда она не придала этому значения, принимала происходящее за сон. Дюгор воспользовался секретным путем из дворца, значит, и она сможет выйти.

Изредка чихая и напевая под нос песенку из старинного фильма — «Нормальные герои всегда идут

в обход...» — Ветрова пробиралась по коридору довольно долго. Сначала пришлось спуститься по винтовой лестнице до подвала — так казалось по ощущениям. Хотя здесь было сухо, Юльке слышался звук падающих на камень капель. Иногда тишину прорезал тоненький писк и цокот коготков. Но, возможно, это разыгралось Юлькино воображение. Наконец она добрела еще до одной лестницы, на сей раз — наверх. Стены расступились, образуя каменный бункер с бойницами в стенах и запертой неширокой дверью.

Подергав ручку, убедилась, что выйти она не сможет. Так и знала, что этим кончится! Опустилась на землю, привалившись спиной к доскам двери, отложила ненужный светильник и схватилась за голову, покачиваясь из стороны в сторону.

— Вот непруха! — простонала она. — Что же это мы с тобой такие невезучие, Зорька?

За дверью послышался шорох тяжелых, приминающих жухлую траву шагов.

— Юлла! Ты здесь?

— Берт! — узнала она, — как ты меня нашел?

Ах да! Он же бывал здесь. На звук поворота ключа в замке сердце отреагировало участившимся пульсом. Юлька бросилась на шею парню, так удачно выручившему ее из безвыходной ситуации. Каук встретил ее порыв широкой улыбкой:

— Ключ у отца стащил. Снял со связки, пока лекарь его осматривал.

— Супер! — оценила старания парня Ветрова и, проявив сочувствие, поинтересовалась: — Что с папой?

— Вес, — Берт похлопал себя по бокам, — это у нас семейное.

— Меньше жрать, больше двигаться, — на автомате сказала Ветрова и перевела тему: — Валить надо, как бы меня не хватились.

Толстяк кивнул, метнулся к ближайшему дереву и поднял стоящий там баул. Ни слова не говоря, потопал по тропе сквозь заросли, Юлька, недоумевая, пробиралась за ним. Вырядился Берт в широкие полотняные штаны, высокие с отворотами сапоги, длинную перехваченную там, где должна быть талия, кожаным ремнем куртку. Голову его украшала широкополая шляпа. Такую рисовали мушкетерам, только пера не хватало.

Минуты через три они выбрались на дорогу. Ветрова осмотрелась. Поодаль над верхушками деревьев маячили башенки дворца. За дорогой, на которую они вышли, виднелась речушка со спокойным течением, а за ней поле.

— Вот, — Каук говорил виноватым тоном. — У меня только один фитр, надеюсь, ты не против лететь вместе?

Из-за ближайших кустов выплыл висящий в воздухе паланкин. Юля представила себя сидящей там вместе с толстяком и засмеялась:

— Тесновато будет. А как ты умудрился моего фитра вывести?

— Это мой, — обиженно сообщил Берт. — Он в нашем личном хозяйстве.

— Извини, — примирительно сказала Юлька. — Но и мой где-то должен быть. — Она тут же почувствовала прохладное прикосновение и воскликнула: — Ангел! Ты здесь!

— Вот и хорошо! — Берт суетливо запихивал баул в паланкин. — А то я думал, вещи на крышу придется приторачивать.

— Какие еще вещи? — удивилась Ветрова.

— Припасы!

— А далеко это, интересно знать, ты собрался?

— С тобой! — обернулся парень. — Правителя искать.

— Ты же отказался.

Берт приосанился:

— Не мог же я тебя одну отпустить!

Вот это новости! Юлька раздумывала, как же ей поступить. Отправить парня восвояси или принять в компанию? Пожалуй, второе. Она опасалась, что Берт, вернувшись во дворец, как-нибудь ее выдаст. Погоня на фитрах в планы не вписывалась.

— Лады, — сказала девушка, — мы с Ангелом впереди, ты с припасами замыкающим.

Летели низко над землей. Так, чтобы их не заметили издалека. Мчались. Деревья и кусты обочин стремительно мелькали. Юлька задрала голову, смотрела на величественно плывущие облака — было не так страшно. Фитр беспокоился:

— Сбавить?

— Надо пересечь границу сегодня.

Ангел ускорялся. Хорошо, что здесь нет ограничений: дорожных знаков, камер, штрафов, постов ДПС. К вечеру пришлось подняться выше. По единственной ведущей в страну под названием Темные чащобы дороге ползли обозы. Мчать мимо них на бешеной скорости было бы безумием, пришлось занять верхний эшелон. Сосновые леса сливались в бесконечную зеленую заставку с рябью полянок, прудиков и заплатами озер. Дождило. Юля подняла ворот сюртука и стягивала его, чтобы капли не затекали за шиворот. Ангел, опасаясь, что всадница не удержится, снизил скорость. Их нагнал паланкин:

— Давай поменяемся! — крикнул Берт. — Промокнешь. — Ветрова отрицательно покрутила головой, не хотела терять драгоценное время. Парень не унимался: — тогда возьми шляпу!

Девушка перехватила протянутую ей шляпу, надвинула и завязала шнурок под подбородком, чтобы не потерять. Широкие поля работали не хуже зонтика.

— Спасибо!

— Вот еще, — наполовину высунувшись из окна, Берт протягивал ей пирог, — подкрепись.

Не мешало бы. Юля схватила пирог, благодарно кивнула. Начинка оказалась сложной: вареное яйцо, зеленый лук, кусочки куриного филе и незнакомые приправы. Вкусно! Особенно с голодухи. После пирога спутник предложил флягу, оказавшуюся термосом. Внутри был еще горячий кофе со сливками. Блаженство. Ветрова выпила почти половину и вернула флягу со словами:

— Каук, ты меня впечатлил!

Друг детства Юллы оказался заботливым и предусмотрительным. Настроение, игнорируя мерзкую погоду, поднялось. Юлька прикрикнула:

— Ангел! Мчи дальше!

Снова били в лицо холодные капли, снова под ногами мелькали зеленые массивы и бурые проплешины. Небо плотно закуталось в черные тучи, вот уже ничего ни разглядишь внизу. У Юльки возникло чувство, что она висит в аэродинамической трубе и с замиранием сердца ждет, когда выключат воздушный поток.

Внизу показались тусклые огни. Фитр начал снижаться. Он кружил, постепенно замедляясь.

Просторный двор, огороженный частоколом и заставленный телегами, коновязь с разномастными похрапывающими лошадами, фонарь над входом в трехэтажный бревенчатый дом. Ангел замер посреди свободной площадки.

Ступив на землю, Ветрова покачнулась и повела рукой в поисках опоры. Нашупав влажную прохладную кожу фитра, обхватила его за шею.

— Спасибо! Теперь ты свободен.

— Но я не хочу расставаться, полетели в Грозовые утесы, — ласково потрескивал Ангел. — Навестишь нимфу, она величайшая волшебница.

— Мне это не к чему. Прощай!

Берт, нетвердо ступая, подошел к Ветровой и спросил:

— С кем разговариваешь? — Паланкин с грохотом рухнул на землю. Парень в ужасе обернулся: — Что это? Мой фитр! Прикажи ему вернуться!

Юля, даже если бы захотела, не могла этого сделать. Однако на объяснения у нее точно сил не осталось. Она направилась к ступеням крыльца, отмахнувшись от роя вопросов.

Общий зал трактира встретил их теплом, светом тусклых чадающих ламп, запахом копоти и пережаренной еды. В центре за сдвинутыми столами расположилась шумная компания. Сидящие спиной к двери обернулись, заслышав скрип старых петель:

— О! Парни! Присоединяйтесь! Здесь отличное пиво! — загорланил раскрасневшийся от выпитого весельчак.

— Простите, мы устали с дороги, — пробормотал Каук, протискиваясь между прилавком и неудобно расположенным столом.

Ветрова надвинула шляпу глубже и, пряча лицо, проскользнула следом. Связываться с гомонящей толпой не хотелось. Девушка не предполагала застать в пограничном трактире других путников и теперь судорожно соображала: смогут ли они с Бертом отбиться, если те вздумают познакомиться поближе.

— Куда? — грянул бас, и чей-то тяжелый кулак ударил по столу. — Толстый! Вы с другом брезгуете нашим обществом?

— Нет! Что вы! — Берт посторонился, пропуская Юлю, встал, загораживая ее широкой спиной, и бормотал: — Мы обязательно присоединимся. Просто надо сменить мокрые тряпки на что-то сухое. Мой брат болезненный и может захворать от переохлаждения...

Ветрова, добравшись до хозяина, стоявшего за стойкой и с любопытством наблюдавшего за перепалкой:

— Пожалуйста, две комнаты, — зашептала она, вытягивая из кошелька первую попавшуюся монету.

— И одной нет, — усмехнулся похожий на медведя мужчина. — Три обоза ночуют. Езжайте в следующий трактир.

Но она уже отпустила фитра!

— Может быть, у вас найдется лошадь? — Юля положила монету на стол.

Увидев золотой, Медведь задвигал бровями. Упускать богатеньких путешественников было не разумно. В зале разгорался скандал, двое выпивох вырывали баул у Берта: есть ли там сухая одежда, как он утверждает.

— Дай-ка, паря! Там что-то твердое!

Каук вцепился в припасы так, словно у него пытались отнять саму жизнь.

— Ша! — крикнул хозяин, выпрямляясь во весь гренадерский рост и поглядывая поверх голов вновь прибывших гостей. — Кто-то сейчас вылетит во двор охолонуться!

Недовольно бурча, мужчины вернулись к своим кружкам. Медведь облокотился на стойку и придвинулся к Юле:

— Девушка?

Она нервно кивнула.

— Мы ненадолго.

— Здесь все проездом, — покачал головой хозяин. — Дочка моя гостит у родни, ее светелка свободна. Пущу.

— Спасибо.

— Кавалеру твоему чуланчик под лестницей выделю, — Медведь усмехнулся, — Ежели он туда поместится.

— Хорошо.

— Добавь серебряную денежку, будет вам ужин с доставкой.

Юля порылась в кошельке, выбирая монету. Аппетит у нее пропал напрочь, но перечить хозяину она не решилась.

Каук проводил Юлю до двери и страшно обрадовался обещанному ужину:

— У тебя же баул забит едой, — посмеивалась девушка. — Зачем тебе еще?

— Это матушкины харчи, — обнимал мешок Берт, — они в дальней дороге пригодятся.

— Ну... — Юля повернула ключ, — не приглашаю. Ужин себе забирай.

— Как же? — изумился парень. — С дороги-то?

— На ночь не ем, — отрезала Ветрова. — Спокойной ночи. И... спасибо за компанию.

Оставив у входа шляпу, сюртук и кроссовки, девушка прошла по длинношерстому ковру с растительным орнаментом. Комната оказалась уютной, чистой, по-настоящему девичьей. Здесь Юльке нравилось больше, чем в покоях Юллы. На туалетном столике с трельяжем как на парад выстроились пузатые и плоские пузырьки. В воздухе витал аромат духов с ноткой лилии. Мягкий свет магической настольной лампы дарил тепло и настрой на лучшее. Ветрова огляделась в поисках чего-нибудь пишущего. Давать указания Берту на словах она не решилась, а вот записку придется оставить. Парень ей здорово помог, нельзя бросить его на произвол судьбы без фитра и без денег на обратную дорогу. Бумага нашлась в комод. Живущая здесь девушка оказалась любительницей эпистолярного жанра. В перевязанных разноцветными лентами стопках лежали полученные письма, рядом хранились чистые конверты, тисненая бумага и пишущие палочки, наподобие тех, что Юля видела у Паулона.

«Дорогой, Берт, — начала Ветрова и на секунду задумалась, — прости, что не предупредила сразу, но обстоятельства сложились не в мою пользу. Пожалуйста, не переживай и не кори себя. Ты ни в чем не виноват. Напротив, я благодарна за поддержку, оказанную мне в последние минуты жизни здесь».

Она опять призадумалась. Все верно. Если Юлла не захочет вернуться в оставленное Призванной тело, парню грозит шок. Она продолжила:

«Деньги возьми в кармане сюртука. Купи лошадь или присоединись к обозу. Заплати хозяину трактира за доставку тела во дворец. Сам не сопровождай, а то не сможешь оправдаться перед ее лучистостью. Советую сказать, что хотел искать правителя по заданию Ясной зари, поэтому и отлучился. Потом передумал и вернулся. Не признавайся, что был со мной».

— Как-то так, — сказала Юля, запечатывая и подписывая конверт.

Оставила его на видном месте, подошла к постели. Расшитые цветами подушечки, окаймленная кружевами простынь, украшенное аппликацией одеяло вызвали улыбку. Наверное, хозяйской дочери будет неприятно узнать, что в ее кровати умерла принцесса. Надежда на то, что Юлла одумается и все же вернется в тело, была невелика. Ветрова отвязала от пояса кошель, сунула в карман сюртука. Расстелила на полу плед. Легла на него как была: в джеггинсах и свитере. Достала из-за пазухи пузырек шамана и вытрясла содержимое в рот. Закрыла глаза. Ковер оказался довольно мягким. Юлю тянуло в сон. Сказывалась усталость от долгого полета, позднее время и нервное напряжение от встречи в трактире. Спать...

— Юлла, Зоренька, — едва шевеля губами, говорила она, — вернись. Я так классно все устроила. Женихов выпроводила, мать выдрессировала, друзей тебе нашла... Я, хоть и не знакома с тобой, а как будто стала твоей подружкой. Не подведи. Прощай. Я уйду навсегда.

Юлла

Призванная собирается покинуть мое тело. Уговаривает вернуться к жизни, хотя прекрасно понимает, как мне тяжело снова стать собой. Она смогла добиться уважения и любви многих. Думает, что я сумею этим воспользоваться. Нет, дорогая подружка, мы слишком разные. Там, где ты — лед, я — пар. Возвращайся в свой мир! Будь счастлива. Уверена, ты достойна счастья. Пусть Заря угаснет, а бедный Берт найдет остывшее тело. Быть может, отец узнает, как бесславно окончились мои дни, и вернется. Будет поздно. Что ж? Я, наконец, освобожусь.

Глава 8 Поиски

Снился снег. Юлька брела по бескрайнему полю, проваливаясь по колено в рыхлую холодную крошку. Ноги жутко мерзли, но спине было тепло, словно ее закутали в пуховую бабушкину шаль.

Пошевелила пальцами ног, чтобы согреть. Проснулась. Ощупала колючий ковер вокруг себя, непросохшие штанины. Вот в чем дело! Реагируя на движение в комнате, стала разгораться магическая лампа. Юля поднялась с пола, стянула джеггинсы, повесила их на спинку стула, уселась на кровать, пряча застывшие ноги под одеяло. Вынырнула из свитера, бросила его на ноги поверх одеяла. Упала на подушку и отключилась.

На сей раз снился парадный зал дворца. Невысокий балкон в углу занимал оркестр. У самых перилл боком к музыкантам, то и дело поглядывая вниз, стоял седовласый дирижер. Он размахивал смычком, держа в другой руке скрипку. Инструмент казался Ветровой чудным: шире привычного и более плоским. Среди музыкантов Ветрова заметила старичка за миниатюрными клавирами, несколько духовиков с причудливо изогнутыми трубами и арфистов. Хотя это были скорее увеличенные и поставленные вертикально гусли, чем полноценные арфы. Звучал менуэт. Такой наверняка понравился бы Юлиной бабушке, она любила барокко.

В освещенном тысячами магических фонариков зале вдоль стен толпились придворные. Юля стояла у колонны, рядом — Диин и Ветти. Центр, сверкая навощенным паркетом, пустовал. Вот, пересекая свободное пространство, к Ветровой направился Зергэ. К своему удивлению она не чувствовала неприязни. Напротив, ей стало тепло от его улыбки. Диин глубоко задышала и принялась обмахиваться крошечным веером так интенсивно, что до Юли долетал поток воздуха.

— Остынь, он идет не к тебе, — зашептала Ветти. — Это Апол, будущий жених Ясной зари.

Юля шагнула навстречу юноше, опустила и подняла глаза.

— Счастлив познакомиться с вами, Юлла, — произнес тот спокойно и с достоинством.

— Как добрались? — зачем-то спросила Ветрова.

— Чудесно, благодаря присланным Лучистой радостью фитрам.

Юля вложила пальцы в протянутую ладонь. Юноша спрятал свободную руку за спину и повел партнершу в центр зала. Там уже выстроились другие танцоры.

Совершая проходы и повороты, Юля изумлялась своему умению и знанию положенных па. Она ни разу не ошиблась, хотя в жизни не занималась не то что старинными, даже современными танцами. В какой-то момент она неприятно удивилась, увидев свою тонкую, почти прозрачную руку. Где мышцы, которые она так настойчиво тренировала? Захотелось напрячь их, проверить, но Зерге перехватил ее кисть и закружил партнершу вокруг оси. Танец продолжался.

— Невероятно польщен приглашением принять участие в отборе.

В очередной раз полные губы юноши сложились в приятную улыбку. Ветрова хотела напомнить, что отбор миновал, и парню нужно приступать к выполнению ее задания, но вместо этого кивнула и прошептала:

— За это следует благодарить матушку.

Они снова двинулись по залу в длинной череде пар: три шага вперед, удар ногой в пол, три шага назад... Но вот музыка стихла, и раздался громкий крик петуха. Еще... еще... Что за неугомонная птица! Откуда она здесь?

Горластый крикун продолжал надрывать и после того, как Юля открыла глаза. Издалека отзывались другие. Девушка схватила подушку и накрыла голову, спасаясь от шума, но уже через мгновение резко села в кровати. Почему она все еще в трактире?! Настольная лампа поприветствовала постоялицу мягким светом. Сквозь занавески пробивались розовые солнечные лучи. Вскочив с постели, Ветрова пересекла комнату, раздвинула шторы. Что за проклятье? Этого просто не должно быть!

— Юлла! — послышался из-за двери голос Берта. — Открой, пожалуйста. У меня руки заняты.

— Погоди! — отозвалась она, хватая со стула штаны. — Я не одета.

Спешно натянув джеггинсы, схватила вчерашнее письмо, скомкала и сунула в карман сюртука. Распахнула дверь. В полумраке коридора обнаружился Каук с подносом в руках.

— Завтрак! — объявил он, с горделивой улыбкой шествуя к столу.

— Приве-е-ет, — запоздало поздоровалась девушка и спешно сдвинула в сторону оставленные с вечера бумаги. — Сколько надо заплатить?

— Это подарок, — улыбался Берт. — Хозяин так проникся твоей историей, что расщедрился. Садись. Поешь.

— Какой еще историей? — уточнила Ветрова, отправляя в рот ложку золотистой пшенной каши, щедро приправленной сливочным маслом.

— Я рассказал, что ты ищешь отца. Громила прослезился от умиления. — Парень попятился к двери: — Завтракай, а я пойду вниз. Надо договориться с обозом, чтобы нас захватили в столицу.

— Это еще зачем? — Юлька поперхнулась.

Постепенно осознавая весь ужас случившегося этой ночью, она интуитивно чувствовала, что помочь ей теперь не сможет никто кроме шамана. Раз не получилось порвать с этим миром с помощью капель, пусть он исправляет ошибку.

— Фитров у нас нет, — пожал плечами Каук, — Лошадей здесь не достанешь. В Темных чащобах города — редкость. Только в столице можно разжиться чем-нибудь путным. Потом... у меня там тетушка живет.

Ветрова уплетала кашу, запивая молоком из глиняной кружки, и выразительно двигала бровями:

— У-у, мне нужно обратно.

— Как? — Взвзвываясь было за ручку двери парень, вернулся в комнату: — Мы же собирались правителя искать! За этим сбежали!

— Я фитра освободить хотела всего лишь. Теперь к Дюгору в гости напрямиком.

— К Дюгору? — Берт опустил на свободный стул. — Так нет его в Росистых лугах.

— Есть! — Юля отложила ложку и промокнула губы салфеткой. — Я у него бывала.

— Хм... — парень поскреб ногтями затылок. — Видно, после этого Лучистая радость и приказала его выдворить из страны.

— Когда? — подскочила Ветрова, готовая наброситься с кулаками на оторопевшего Берта.

— Так... это... Позавчера, кажется. Я их разговор подслушал.

— Чей?

— Отца моего и правительницы.

Обессиленная девушка нащупала край кровати. Села. Руки ее повисли, а голова свесилась. Поза выражала крайнюю степень безнадёги.

— Раз нужен Дюгор, — Берт подскочил как на пружине. — Едем в столицу. Он тоже не на фитрах скачет. Наверняка с предыдущим обозом ушел. Догоним!

Он унесся, громко топая сапожищами и крича на бегу, чтобы Юлла одевалась и выходила в общий зал.

Вчерашние знакомцы, протрезвев, оказались вполне приличными людьми. Каук проявил чудеса дипломатии, договорился с главным — тем, что накануне чуть столешницу кулаком не проломил — доехать обозом в столицу всего лишь за две серебряные монеты.

— Чего уж, — негромко ворчал он, — место есть. Потап, опять же, просил.

Потапом звали хозяина трактира.

Ветрова предусмотрительно спрятала волосы под шляпу, презентованную Бертом, и помалкивала. Ее принимали за парнишку. Недалекого. Брата толстяка. Это было удобно. Юльке было тошно и без разговоров.

Первую половину дня Юлины попутчики молчали. Лошади тянули тяжелые повозки, люди ехали, свесив ноги. Хмурились. Дремали. Еще бы! Вчера слишком рьяно праздновали встречу с Темными чащобами. Юля вздыхала каждые две-три минуты, не замечая этого за собой. Как она могла обмануться! Коварный колдун! Обещал, что Призванная забудет дорогу в иной мир, утаив от нее, какой из двух станет теперь единственным. «Должно быть противоядие, — утешала она себя, — он

дал мне экстракт Путаницы, надо найти Распутницу» Усмехнулась: забавное получилось название.

Часа через два после полудня устроили привал. Берт суетился у костра, помогал и с дровами, и с водой, и с помешиванием варева. Обозники оживились, работали слаженно, новенького хвалили.

— Брательник-то твой, что ж сычом сидит? Убогий? — подмигивал Берту румяный весельчак.

— Горе у него, не трогайте, — объяснял Каук.

Юлька была ему благодарна. «Милый-милый Берт, если бы только знал, как ты прав».

Пообедали оперативно. Отправились дальше, надеясь до полуночи прибыть в сельцо с придорожной гостиницей. Выглянуло солнце, и хотя высокие сосны затеняли дорогу, развидневшееся небо поднимало настроение. Юлька привалилась спиной к сидящему рядом с возницей Кауку, провожая взглядом уплывающие назад обочины. Растительность здесь была буйной. Высохшие стебли чертополоха возвышались в человеческий рост. Понадобится сбегать в кустики, так не продерешься. Ветрова успела пожалеть, что ввязалась в путешествие. С другой стороны: а что было делать? Она с тоской вспоминала маму: каково ей теперь? Что происходит там? Страшно даже предполагать. Может, Юлла чудесным образом переселилась в тот мир? Вряд ли. Хотя, родители, конечно, обрадовалась бы такой покладистой дочери.

Завязались беседы. Кто-то затянул заунывную песню. Пригорюнившаяся путница слушала разговор Берта с Курчавым. Так звали могучего, совершенно лысого человека, пустившего «братьев» в свою повозку. Курчавый расспрашивал о новостях из Вудгорода — столицы Темных чащоб, где он не был уже давно и куда теперь направлялся обоз. Каук оказался сведущим собеседником. Его тетя регулярно присылала довольно объемные письма. Юля вспоминала, как накануне мчала по небу, а темные линии обозов не дороге, казались неподвижными.

Сумеет ли она разыскать Дюгора? Захочет ли тот помочь? В его ли это силах? — сотни вопросов вспыхивали в мозгу. Ответов не было. Возможно, прав Ангел: надо было лететь в Грозовые утесы к могущественной нимфе. Но кто знал, что капли подействуют совсем не так, как она ожидала? Юля надеялась проснуться в собственном мире, оставляя здесь истинную Юллу. Та могла продолжить путь с Бертом, разыскивая отца, либо вернуться домой и, обладая магией подчинения, не отпустила бы фитра.

В результате, избавив от рабства Ангела, Ветрова сама стала пленницей.

Тащились по проселочной, не слишком широкой дороге так, что казалось — пешком будет скорее. Но с обозом все-таки безопаснее. Во главе и в хвосте ехали верховые, как Юля поняла из объяснений Кучерявого — маги-воины. Не слишком могущественные, однако, со зверьем и лихими людьми вполне справятся. Сам он тоже похвастал оружием. Это была трубка с поршнем и обоймой зажигательных зарядов. Каук из вежливости, или искренне — трудно было понять — восхищался. Ветрова встречала описание огнеметов в «Хрониках» и не особенно впечатлилась — ничуть не лучше рогатки.

Двигались на юг. Стемнело резко, словно кто-то могущественный задул небесную лампу. Луна, хоть и вышла, но стыдливо пряталась между сосновых макушек. Обозники то и дело устраивали переключку, чтобы не потеряться в темноте. Но вот послышался собачий лай. Неподалеку было жилье. Юлька соскочила с телеги и пошла, держась за оглоблю. Требовалось размять затекшие ноги.

Гостиница стояла на краю села. Просторный двор от подступающих деревьев защищала трехметровая ограда, больше похожая на оборонительные укрепления, чем на привычный деревенский или дачный забор.

— Здесь опасно? — словно прочитав Юлькины мысли, спросил Кучерявого Берт.

— Людей не тронут. Конокрады орудуют. Куда нам без лошадок? — ответил тот. — Это вас фитры разбаловали, а нам таких послушных и преданных помощников не видать!

Юля пересекла двор, но не торопилась подниматься по ступеням крыльца. Стояла в сторонке, наблюдая, как распрягают и чистят лошадей, как распределяют ночные дежурства и подначивают друг друга уставшие, но не теряющие присутствия духа мужчины.

Куак отлучился, но скоро прибежал с перепуганным лицом.

— Что случилось? — равнодушно спросила Ветрова.

— Комнаты общие! — выпучив глаза, зашептал Берт. Спать придется на полу, человек по десять!

— Я не хочу спать, — успокоила его Юля, — здесь посижу. Иди, отдыхай.

— Не-е-ет! — замотал головой парень.

Он схватил ее за руку и потащил в гостиницу. Миновали трапезную, где и столы, и стены пропитались запахом жареной рыбы, поднялись по узкой лестнице на второй этаж. Если бы не поддержка парня, Юлька бы точно кубарем скатилась по ступеням, уж очень они были неудобные.

— Куда ты меня тянешь? — спросила на выходе в темный коридор.

— Хозяин сказал, что здесь спальня для двоих. Но ее занял проезжий целитель.

— Не заморачивайся, Борь! — отмахнулась Ветрова. — В общую комнату я, конечно, не могу идти — не лягу же в шляпе спать, но и человека беспокоить не хочется. Реально, посижу где-нибудь в уголке, а завтра в телеге отосплюсь.

Каук оказался настолько же упрямым, насколько толстым. Шагнул к ближайшей двери и постучал. Ответа не последовало, однако парень не сдавался, долбил с диким грохотом и орал:

— Господин, уступите комнату на одну ночь! Плачу тройную цену!

— Убирайся к темным духам! Чтоб тебя покорезило, — услышала Юля знакомый бас.

— Откройте, господин, мой брат болен, — не унимался Берт.

В ответ раздалось новые ругательства. Ветрова подошла ближе и оттерла толстяка от двери.

— Дюгор, это Юлла. Надо поговорить.

С минуту было тихо, потом щелкнул замок, заскрипели несмазанные петли. В освещенном магической лампой проеме возникла знакомая фигура.

— Которая из двух? — Цепляясь за косяк, колдун наклонился, вглядываясь в лицо девушки. Та отпрянула и замахала рукой, разгоняя запах перегара. Дюгор вздохнул: — Вижу. Не наша. Заходи.

Юля попросила Берта спуститься вниз. Не реагируя на его взволнованные замечания, зашла вслед за покачивающимся стариком и прикрыла дверь.

Комната была тесной. У стен — две кровати, между ними ширма. В одном углу дверца в смежное помещение, в другом — стол и табурет. На столе бутылка с мутной жидкостью на дне, кружка, ломоть хлеба, луковица. Резкий запах и ряд опустошенных бутылок в углу свидетельствовали о том, что пьянствовал колдун не первый день.

Дюгор опустился на колени перед кроватью и вытянул из-под нее плоский короб. Пока Юлька разбиралась с устройством форточки, колдун порылся в вещах и добыл кисет.

— Сейчас-сейчас. Все будет в порядке.

Вместе со свежим ветерком в комнату влетела надежда. Юлька сияла: Дюгор согласился помочь! Разочарование не заставило себя ждать. Кисет содержал «Протрезвитель». Старик втягивал порошок то одной, то второй ноздрей, оглушительно чихал и повторял каждый раз:

— Порядок... порядок. — Проведя процедуру, он оправился и спросил абсолютно трезвым голосом: — Ужин заказать тебе?

Девушка замотала головой и, пересиливая рыдания, заговорила:

— Как вы можете ... спокойно... Не совестно? Лжец! Зачем вы оставили меня здесь? Хоть понимаете, что мои родные теперь...

Она не договорила. Села на табурет и закрыла лицо ладонями, не в силах больше сдерживаться. Плакала она долго. Колдун успел сходить за кувшином.

Вода оказалась необычайно вкусной. Ветрова выпила две кружки, успокоилась, лишь голос немного подрагивал.

— Не пойму, зачем вы так поступили, — говорила она. — Вот и правительница вас турнула. Это ее благодарность? Уж лучше бы все по-честному сделать. Не хочет Юлла возвращаться, отпустите. Куда она там намылилась. Мне домой надо.

Дюгор уселся на кровать и стал вдумчиво массировать колени.

— В обитель Праматери надеется попасть. Справедливо. Она — невинно погубленная.

— За Ясную зарю можно не волноваться. — Юля сцепила руки и хрустнула суставами пальцев. — Со

мной как быть?

— Не знаю, девочка. Прости меня. Я не со зла.

— Что значит, не со зла? — взвилась Ветрова. — Давайте противоядие. Срочно!

Полный боли взгляд старика заставил ее замолчать и снова опуститься на табурет.

Экстракт Путаницы, как искренне считал Дюгор, давая Юльке капли, был единственным известным ему способом закрыть душе дорогу в другой мир. То, что она не нашла пути туда, куда стремилась — не его вина. Теперь колдун не представлял, как помочь Призванной.

Куда теперь ехать? Зачем? У кого искать помощи? В столице Темных чащоб теперь нечего делать. Они с Кауком собирались разыскать там колдуна. Вот он тут. К Нимфе Грозových утесов без фитра не добраться, да и поможет ли она — не известно.

— Вот что, девочка, — старался утешить приунывшую Призванную шаман, — давай вместе вернемся в Росистые луга. Мне двух лошадок обещали завтра пригнать.

— Двух?

— Я хотел попутчика найти, одному все ж несподручно по лесам, вот и заказал две. Жду.

— Не могу. Со мной парень. Берт.

— Зачем он тебе? Пусть с обозом едет.

Юля покачала головой — так не годится.

— Ну, как знаешь, — согласился старик и указал на дверь в углу: — Умойся перед сном, а я в трапезную спущусь.

Девушка сбросила, наконец, надоевший сюртук, повесила на крючок. Шляпу устроила на полке и прошла в умывальню. Там нашлись вполне сносные удобства. Намывшись и почистившись, вернулась в комнату. Дюгора не было. На столе ждала кружка молока. В молоко добавили мед. Юле недолюбливала этот вкус, но выпила, все-таки старик проявил заботу. Заснула, едва приняла горизонтальное положение. Как вернулся сосед, не услышала.

Как и в прежние времена Юльке ничего не снилось. Элеонора поправила бы: не запомнила. Зато выспалась как летом на даче. Не слышала ни говора отъезжающих людей, ни ржания лошадей, ни скрипа колес. Открыв глаза, увидела освещенный утренним солнцем потолок с потемневшей, местами осыпавшейся штукатуркой. Спальню готовили для важных персон, но такие сюда не заглядывали, вот она и пришла в запустение. Приподнявшись на локте, девушка уткнулась взглядом в ширму, отгородившую ее половину от остальной комнаты. Не помнила, чтобы устанавливала — упала вчера словно сбитая шаром кегля. Тихо. Где, интересно, все?

Возвращая бодрость, покачала пресс — без фанатизма, это тело еще не привыкло к нужным нагрузкам, сползла с кровати, раза три отжалась от пола. Для начала достаточно. Влезла в джегинсы и ненавистный свитер. Зашнуровала кроссовки. Все. Готова. Заглянуть в укромный уголок и можно в путь. Куда только? Это вопрос. Сдвинула ширму и едва не напоролась на висящего в полуметре над полом шамана.

— Дюгор, — позвала, — доброе утро.

Никакой реакции. Веки сомкнуты, морщины разгладились, кожа посвежела, утратив вчерашний серый оттенок. Пусть зависает, — махнула рукой Ветрова. — Надо разыскать Каука.

В трапезной нашлось лишь два человека: мужчина с костылем, привязанным к культе правой ноги и сметающая крошки со столов женщина в длинной юбке, почти полностью спрятанной под фартук, фривольной кофточке и чепце поверх вьющихся светлых волос.

Инвалид шел вдоль длинного прилавка, собирая беспорядочно расставленные немые кружки. Запах жареной рыбы чувствовался меньше, но к нему примешался резкий чесночный. Юля поздоровалась и спросила, где обозники, неужели еще спят. Женщина обернулась, приоткрыв рот от удивления:

— Тебя забыли?

— В смысле?

— На рассвете еще уехали.

— Погодите... — пыталась вникнуть Юля, — парень с ними был, толстый. Он-то здесь?

— Убыл, — подал голос одноногий, привалившись к прилавку. С дюжину кружек он умудрялся держать нанизанными за ручки на узловатые пальцы.

Девушка затрясла головой. Этого не может быть!

— Так целитель-то, — визгливо сообщила женщина, — его чуть не пинками гнал! — Она бы засмеялась, вспоминая устроенное в трапезной представление, но ошарашенный Юлькин вид ее удержал. С нотками сочувствия в голосе спросила: — Брат? Да? А этот господин кем приходится?

— Чего лезешь! — одернул ее инвалид, показывая, что хозяин здесь все-таки он. — Покорми девчонку. Глянь, кожа да кости. Голодом ее морят, не иначе.

Вскоре перед гостьей стояла миска дымящейся запеченной картошки сдобренной сметаной и посыпанной рубленым укропом. Ветрова жевала, уперев взгляд в источенный временем сучок на доске столешницы.

От денег хозяин отказался. Дюгор заплатил вперед и за ночлег, и за стол.

— Ясно, — усмехнулась Юля, — все включено.

Побродив по опустевшим комнатам — нужно убедиться, что Каук слинял — вышла на крыльцо.

Солнце уже поднялось выше сосен. На ярко синее небо было больно смотреть. Или глаза щипало от спрятанных слез? На опустевшем, изрытом следами копыт и колес дворе хозяйничали куры. Пеструшки детально изучали комья земли, тыкались в них клювами, деловито кудахтали. В воздухе витал запах свежего навоза. Ветерок время от времени приносил хвойный аромат. Было бы хорошо, если б не было так безнадежно.

— Не простынь! — забеспокоилась кухарка и набросила на плечи девушке коричневую шаль крупной вязки.

Юля поблагодарила и уселась на перила. Здесь и нашел ее колдун, заботливо прихватив забытый в комнате сюртук. Щурясь посмотрел на солнце и сообщил:

— Скоро должны лошадей привести. Поедем домой.

Это «домой» резануло в самое сердце. Юля не хотела возвращаться в Росистые луга. Она все больше утверждалась в мысли, что старик ее использует. Понятно, что Дюгора тянет к своему удобному житью. Ясная заря — выигрышный билет. Правительница не сможет прогнать человека, доставившего сбежавшую дочь. Но самой Ветровой зачем это нужно? Даже если с помощью Пал Палыча она сумеет перерыть весь архив и найти нужное средство, опять придется сбежать из дворца. Ее Лучистость на сей раз будет тысячекратно внимательнее. Запрут, чего доброго там, откуда нет возможности попасть не только за пределы дворца, но и в библиотеку с тайным ходом. Дюгор возражений не слушал, твердил одно: надо смириться и жить.

Перспективка, ничего не скажешь! Со дня на день случится триумфальное возвращение Зергэ. Что если он разыщет правителя? Колдун, как и Лучистая радость, в этом не сомневался. С обручением тянуть не будут, это точно. А там и за свадебку. Вряд ли, раскусив Юлькин характер, правительница согласится ждать целый год, как обещала дочери.

Не так Ветрова представляла себе замужество. Поговорка из темных веков «стерпится — слюбится» всегда ее нервировала. Она вовсе не уверена, что человек, который ее не полюбил, сможет вытерпеть. Отец, к примеру, любил маму, но ее эмоциональность не смог выносить больше пяти лет. А если б не любил? Зергэ и придушит, как нечего делать, — вспомнилось отравленное яблоко — или отравит.

Старик ушел за вещами. Юлька продолжала изматывать себя рассуждениями. Изменит ли ее положение правитель, вернись он в Росистые луга? Уж от него бы Юлька не стала скрывать правду. Его лучистость приложит все возможные усилия, чтобы получить настоящую дочь и отправить самозванку восвояси. Ему никто не посмеет мешать! Однако были сомнения, что беглец поддастся на уговоры Зергэ, Арыка или Ватса. Особенно окрепли они после того, как Ветрова припомнила собственный опыт. Любимый папочка только казался заинтересованным в ее судьбе. Но стоит взглянуть критически, становится понятно: подарки и «эсэмэски» — лишь отступные. Он много лет прикрывал равнодушие мамиными запретами. Но к кому мама обратилась за помощью, испугавшись за дочь? К нему. А папуля передал заботу о ней «своей Эле». Даже не появился в клинике!

— Ну, теперь-то они завертелись, — процедила Ветрова сквозь зубы.

Стало неприятно от злорадства, тлеющего где-то между ключицами. В кого она превращается? Чтобы как-то отвлечься, спрыгнула на землю и, выбирая чистые участки, пробежалась. Она чередовала подскоки, бег спиной, боком. За этим занятием и застал ее Берт.

— Юлла!

Увидев толстяка, ведущего под уздцы двух лошадок, она завизжала и бросилась ему на шею:

— Борька! Мне сказали, ты с обозом ушел!

— Тихо. Давай скорее. Помогу.

Ветрова, не успев сообразить, что от нее требуется, почувствовала, как взлетает: Каук со сверхъестественной силой приподнял ее за талию. Через секунду Юлька лежала животом на отполированной коже седла. Поелозив, она умудрилась перекинуть ногу и усесться. Берт тоже не без труда взгромоздился на лошадь.

— Куда? — загремел раскатистый бас. — Чтоб тебя покорежило, толстяк! Это мои лошади!

Ветрова оглянулась на высунувшегося из окна разъяренного шамана.

— Скорее, Юлла! — Каук правил к выходу. Юлькина лошадка послушно шагала за ним.

Сама девушка совершенно не представляла, как обращаться с животным. Сзади послышался звон разбитого стекла. Лошади ускорились. Ветрова сжимала коленями бока и вцепилась в гриву, не решаясь перехватить повисшие поводья. Ее здорово подбрасывало. Еще пять минут, и вместо мягкого места у нее будет здоровенный синяк. Безжалостный Берт словно не слышал ее криков. Только миновав село и свернув с главной дороги на едва приметную тропу, остановился на круглой затененной поляне.

— Что ты задумал? — Юля сползла с лошади и повалилась на землю. — К чему этот цирк с конями?

— Поднимайся, — строго сказал парень. — Тут недалеко, пройдемся.

— Объясни толком! Зачем ты украл лошадей у Дюгора? — спросила Ветрова вставая.

Ответа она не услышала, а увидела лишь хвост идущей за Кауком лошади. Выбор невелик: довериться толстяку, дожидаясь объяснений, или вернуться к шаману. Предпочтительным казался первый вариант. «Ставим галочку в этой клетке», — пробормотала Юля и повела лошадь за Бертом. Приходилось продирается сквозь кусты. Наконец, ветви расступились, открывая вид на ручей с илистым дном и песчаными берегами. Стоило перейти по связанным в примитивный мостик бревнам, как путники оказались у низкого строения, напоминавшего те, что рисовали в учебниках, изображая тяжкую долю крепостного крестьянства.

— Предлагаешь жить в шалаше? — ехидничала Ветрова.

Берт, привязывая лошадей, отрицательно покачал головой:

— Подождем проводника. Он к полудню обещался.

Невзрачная снаружи избушка, внутри оказалась вполне уютной. Потолок — низковат. Юлька едва не касалась его макушкой, а Берту приходилось пригибать голову. Сели на лавку у длинного, во всю комнату, стола. Разговаривали. Вернее, говорил Берт, Юльке оставалось только вздыхать.

Накануне вечером парень стремился во что бы то ни стало увидеть Юллу. Он дождался, когда колдун спустится в трапезную и постучал. Ответа не было. Рискнул зайти. Ветрова плескалась в умывальне. Берт уже собрался уходить, как заметил торчавший из кармана ее сюртука конверт.

— По карманам шарил? — вспыхнула Юлька.

— Разобрал свое имя, — криво улыбнулся толстяк. — Ты бы не прочла адресованное тебе письмо?

Понял он мало что, но встревожился не на шутку. И уж чего-чего, а делать вид, что он ни при чем, не собирался. Решив, что опасность исходит от колдуна, вздумал спасти девушку от Дюгора.

— Поэтому ты украл его лошадей? — засмеялась Ветрова.

— Не крал. Я их купил, — нахмурился Каук. — Он договорился, что лошадок приведут во двор, денег не отдавал. Я лишь перехватил конокрадов на подходе и предложил выгодную цену.

— Молодец, — Юля с улыбкой погладила парня по плечу. — Все правильно сделал. Я не хотела возвращаться во дворец.

— Он в Росистые луга собирался тебя везти? — удивился толстяк.

— А ты думал: зажарит и съест? — хихикнула девушка. — Сам-то куда меня поведешь?

Каук самодовольно улыбнулся:

— Я знаю, где искать правителя!

— Как это ты определил? — не поверила Юля.

Толстяк взглянул, как ей показалось, снисходительно:

— Пока ты расслаблялась, я дело двигал.

Ветрова только хмыкнула: ну-ну... дело он двигал... деловой. Рассказ Берта заставил снизить градус скептицизма.

Накануне, прочитав письмо, написанное Юлькой перед тем как она приняла капли, Берт испытал стресс и по обыкновению отправился его «заедать». Не успев получить заказанное блюдо, парень оказался свидетелем спора, разгоревшегося в трапезной. Чуть не дошло до драки. Хозяин вынужден был применять силу, умиряя гостей. Когда разгоряченных парней разняли, Каук подсел к тому из них, кто говорил о фитрах.

— Ты видел летающих людей?

Чтобы никто другой не услышал, Берт наклонился к самому уху Сайта — так звали парня, обвиненного во лжи. Щуплый обозник выглядел моложе самого Берта, но успел побывать во всех соседних странах. Он недоверчиво покосился на любопытного толстяка и буркнул:

— Тебе-то что?

— Расскажи. Мы с братом ищем того, кто владеет магией подчинения фитров. — Каук придвинул к парню блюдо с зажаренной на огне бараньей ногой, к которой не успел притронуться.

Тощий поблагодарил кивком и стал есть, отрезая и отправляя в рот куски мяса. Говорил Сайт негромко, невнятно, прерываясь на глоток рома из глиняной кружки. Берт внимал, боясь упустить хоть слово, и неотрывно смотрел на блестящие от жира губы, на стекающий по подбородку сок, вдыхал дразнящий резковатый аромат баранины. Он не прогадал, отказавшись от ужина. Мужчина, передвигающийся в летающем кресле, по описанию рассказчика был похож на правителя. У него был спутник, тот самый парень — из подсмотренного с помощью прибора Жерло Ватса эпизода. Сайт видел этих людей неоднократно и клялся, что живут они в замке Виноградной лозы на северо-западе Серебряной лагуны.

— Далеко это? — спросила Ветрова.

— Традиционной дорогой очень далеко. Нужно добраться до Вудгорода, оттуда по тракту на границу и там еще не меньше суток. Здесь же, — Берт указал в окно, — через трое суток будем на месте.

Юля хотела спросить, почему в таком случае, никто не пользуется кратчайшей дорогой, но не успела. Открылась дверь, и в проеме, согнувшись чуть не вдвое, возник незнакомец. Пахло табаком и застарелым мужицким потом.

— Ты в горы? — раздался сиплый голос.

Наверняка у мужчины проблемы со связками: либо спазм, либо узлы от перенесенной инфекции. Хотя такой если запоет шансон, наверняка соберет толпу поклонников. Пока Юлька таранилась на нового знакомого, — тот представился Волком — Каук вел переговоры.

— Она знает по-нашему? — кивнул на девушку Волк.

— Нет, — ответил Берт. — Лужанка.

Юля прекрасно понимала речь, но не выдала себя.

— А ты откуда? — продолжал расспросы проводник.

— Тоже из Росистых лугов, но у меня тетка из Вудгорода. Я бывал Темных чащобах.

— Уговор такой, — проводник, так и не перешагнув порог, вытащил из кармана флягу. — Выпьете, когда придем к тоннелю.

— Зачем? — удивился Каук, но поднялся и взял флягу.

— Это, чтобы вы дорогу не запомнили. Нам тут путешественники ни к чему.

— Мы и так никому не расскажем, — парень попытался вернуть флягу, но Волк довольно резко оттолкнул его руку. — Клянись, что выпьешь и дашь подружке! Или разбежимся. Я и так против своих пошел. Многие недовольны тем, что я собираюсь сделать.

— Ладно-ладно, клянусь, — пообещал Берт, — выпью из твоей фляги и Юллу напою. Это нам не навредит?

— Проснетесь наутро и удивитесь, как сюда попали. Дороги назад не найдете, но вам и не нужно ведь? — Когда заказчик кивнул и спрятал флягу в свой баул, Волк напомнил: — деньги вперед.

Рука Ветровой невольно потянулась к привязанному к поясу кошельку, но заметив удивленно приподнятую бровь Волка, девушка сделала вид, что хочет завязать пояс потуже. Расплачивался Каук. Тут же отправились в путь. Проводник ехал первым, безошибочно находя едва приметную тропу, следом трусил лошадка Юли, замыкал цепочку Берт.

Итак, главное теперь, чтобы проводник не догадался о лингвистических талантах клиентки и не заподозрил, что она задумала заменить зелье обычной водой. Задача оказалась не из легких. Волчара был начеку. Даже задремав, он чувствовал малейшее движение, слышал и треск сломанной под тяжестью Берта ветки, и шлепок убивающей комара Юльки. Что касается обычных звуков леса: проводник, будто не замечал их. Путешественникам непривычная среда представлялась опасной, Волк в отличие от них видел угрозу только от людей.

Ночевали на краю леса. Именно так, как поется в песне из мультфильма о Бременских музыкантах: стены — сосны великаны, крыша — звездное небо.

Остальной путь придется преодолевать по предгорьям. Юлька радовалась сухой погоде и страстно надеялась, что они доберутся до жилья, не попав под осенний дождь.

Спала тревожно. Хотя гора лапника поверх плотного ковра из рыжей хвои оказалась вполне удобной постелью, а плед из тончайшей шерсти дарил тепло, Юля долго возилась. Наблюдала за проводником. Тот сидел, привалившись к стволу сосны. Баул Каука стоял около его колена. О том, чтобы незаметно вытянуть флягу и пробежаться по лесу в поисках ручья, не стоило и думать. Надо подгадать момент так, чтобы ручей оказался рядом, и Волк отвлекся.

Проснулась она рано. Неохотно разлепила веки, мотнула головой. Села. Потянулась, изогнувшись и разведя руки: «М-м-м-м...» Было свежо, Юля с благодарностью вспомнила кухарку, чью шаль она ненароком увезла. Днем девушка заматывала поясицу, а ночью шаль пригодилась по прямому назначению: спасала голову от тянущей от земли сырости.

Деревья на краю леса уже купались в потоке солнечного света, но поляна не освободилась от матовой искристой дымки, нежной и свежей как поцелуй ребенка. Пахло землей, прелой листвой. В кустах неподалеку что-то ворочалось или шуршало. Медведь ли это присматривал зимнюю квартиру, кабан ли рыл почву в поисках сладких кореньев. Лес казался опасным и привлекательным одновременно.

Проводник исчез. Берт спал. Его дыхание было таким невесомым, что Ветрова присматривалась: дышит или нет. Причмокнувшие губы парня развеяли опасения. Этому обжоре наверняка снилось что-то съедобное. Довольная улыбка подтвердила Юлину догадку. Скорее всего, служанка поставила перед Бертом гору пирожных.

Надо пользоваться моментом — одернула себя девушка. Пока Волк гуляет, осмотреться, вдруг поблизости найдется родник. Удаляться больше чем на двадцать шагов побоялась. Бродила между похожих на карандаши стволов, сшибая поганки и мухоморы. Обнаружила-таки ручеек. А вот вылить зелье из прихваченной фляги не успела. Волк подкрался неслышно, схватил за руку. В глазах его ничего хорошего девушка не увидела.

— Пусти! — на родном языке Юллы, дублируя жестами, сказала Ветрова. — Я хочу пить.

Проводник покачал головой, отобрал флягу и указал на ручей. Юля пожала плечами, опустилась на корточки. Умылась, прополоскала рот. От студеной воды заломило зубы.

«Пусть он что хочет делает, — сердито думала она, — травиться этой дрянью не стану. Клятв не давала!» Впереди оставалось два дня пути. Может еще получится повернуть дельце. Хотя в лесу это было сделать проще, чем среди камней.

Расчет, увы, не оправдался, они достигли точки расставания быстрее, чем надеялась Ветрова. Целый день бешеной скачки, и вот они преодолевают подъем по узкой лощине между скал. Лошадь проводника справляется, а двум другим, как впрочем, и всадникам, непривычным к каменистым тропам, приходится туго. Юля кусала губы, цеплялась за поводья так сильно, что разжать ее кулаки

не сумели бы и самые сильные люди планеты. Шорох осыпаемой из-под копыт мелочи и удары падающих камней действовали на нервы не хуже жужжания бормашины в кабинете стоматолога. Хотелось слезть и топтать пешком — было бы не так страшно.

Этот момент настал. Тропа уперлась в стену. Крошечная площадка, не имеющая других выходов, выглядела обжитой. Имелось костыше с камнями-сиденьями вокруг, навес, где можно было укрыться от дождя, поленица в неглубокой пещере.

Спешились.

— Здесь переночуем? — спросил Берт.

Проводник покачал головой. Он достал из вещевого мешка веревку, примотал к ней увесистый камень.

— Подниму вас туда. Пойдете в тоннель, там удобнее спать. А я должен возвращаться.

Как? Вот он час «Ч»! Стоит подняться наверх, как Волк прикажет пить зелье! Что бы придумать? Юля наматывала круги по площадке, пока проводник готовился к подъему. Вот! Она заметила рядом с пещеркой выдолбленное в камне углубление. Там скопилась дождевая вода.

Проводник успел соорудить подъемник. Это переброшенная через закрепленное наверху бревно веревка. Он зовет Юлю. Ей подниматься первой. Нет! Она не может. Вода здесь и фляжка с зельем... Как быть? Мысли проносятся со скоростью экспресса, пропускающего станцию. Девушка демонстративно взмахивает руками, будто теряя равновесие, падает. Теперь она сидит, потирая лодыжку, и гримасничает. Исподволь наблюдает за Волком. Тот недоволен.

— Бо-о-орь, — жалобно тянет Юля, — давай сначала ты!

Ее друг подходит к проводнику, обвязывается веревкой. Ему приходится лезть по вертикальной стене, цепляясь за микроскопические уступы и опираясь носками ботинок на едва заметные ступеньки. Ветровой предстоит проделать то же самое, но она не думает об этом. Пока Волк занят — тянет веревку, помогая толстяку — она должна освободить флягу и набрать туда воды.

Кинулась к баулу. Вот она! Бегом к пещере... Какая лодыжка, о чем вы?

По пути вытаскивает зубами пробку и вытряхивает жидкость на камни. Пахнет пионом и еще чем-то — не угадать — водорослями... кувшинками...

Фляга пуста. Девушка опускает горлышко в воду, оставляя щель для выхода воздуха. Емкость захлебывается пузырями. Юля смотрит назад. Медленно Берт приближается к краю стены. Проводник, широко расставив ноги, тянет веревку. Ему тяжело. Вот когда девушка порадовалась, что ее товарищ не успел сбросить лишний вес в дороге.

— Торопиться не надо, — шепчет она. — Боря, отдохни, повиси немного, мне еще половина!

Словно услышав ее мольбы, парень замер в двух метрах от цели. Ругательства, изрыгаемые проводником, не очень-то его подстегивали.

Все. Готово. Ветрова, вытерла флягу рукавом и спрятала в баул. Берт продолжил карабкаться.

— Юлла! — сипловатый оклик.

Волк махнул головой, подзывая девушку. Только теперь она осознала, во что ввязалась. Лезть по вертикальной скале? Довериться этому неприветливому дядьке?

Берт уже забрался и лежал, едва заметный за краем. Ветрова попятилась, отрицательно качая головой. Проводник насмешливо подмигнул.

Положение безвыходное: возвращаться той же дорогой он ей не позволит. Спутник уже наверху. Юлька сжала кулаки и зубы. Решительно подошла к Волку. Тот обвязал ее так, чтобы можно было сидеть, а не висеть как елочной игрушке. Ничего, она справится! Мужик в крайнем случае затащит, вон какой накаченный — толстого и то вытянул.

Присмотрела щель в камне, засунула в нее пальцы правой руки. Для левой выбрала выпирающий зацеп. Ногу поставила на отполированную тысячами подошв ступеньку.

Илья объяснял, рассказывая о скалолазании: нужны три точки опоры. А у нее еще страховка!

Волк не тянул, лишь придерживал, выбирая веревку. Ветрова лезла сама: встать, найти место для следующего шага, перенести вес. Выбрать новую выемку для руки, подтянуться, нашарить следующую ступеньку, перенести вес...

Старалась не думать о высоте, хотя грохнуться с десяти метров — удовольствие ниже среднего. Подъем казался бесконечным. Сердце колотилось где-то в горле. Ветерок лохматил давно нечесанные волосы, донося запах грибов и хвои. Удивительно! Они так далеко уехали от леса, а вот, пожалуйста нюхать.

Сюрприз... Ладонь нащупала край стены. Над ним маячило обеспокоенное лицо Каука. Парень подхватил Юльку подмышки и помог выбраться. Победа!

Ветрова на четвереньках, раня об острые края камней ладони, подползла к новой преграде. Эта стена уходила за облака, облепившие скалу подобно мыльной пене.

— Куда дальше? — сдавленно спросила девушка. В горле пересохло.

— Не представляю, — голос Берта звучал тревожно, — тут сплошная скала.

Верова ободряюще улыбнулась. Зачем бы проводнику брать с них клятвы, если он задумал бросить их без еды и питья на голых камнях?

Уверенность ее вскоре получила подтверждение. Подтянувшись на закрепленном в расщелине бревне, на него вполз проводник. В два рывка мужчина достиг площадки, где его поджидали напуганные подопечные. Хмыкнул довольно громко и стал вытягивать веревку. Значит, они пойдут дальше!

К веревке были привязаны баул Каука и переметная сума Волка. Он опустился на корточки и сосредоточенно перекадывал вещи в изрядно полегчавший в пути баул парня. Прежде чем спрятать, демонстрировал. Пледы, магический фонарь, кинжал. Опустошив, небрежно швырнул сумку вниз. Поднявшись протянул Берту флягу. Ветрова внутренне напряглась: он ничего не заподозрил?

— Пора? — спросил Каук.

Мужчина кивнул. Толстяк вытянул пробку и недоверчиво покосился на Волка.

— Не тушуйся, — криво улыбнулся тот. — Заснешь не сразу, я успею показать тоннель.

— Но если мы все забудем, как найдем нужный путь?

— Путь будет один. Пей, толстый! Мне надо поскорее убраться отсюда.

Берт сделал один глоток, другой... Брови его удивленно поползли вверх. Как бы он не выдал!

— Похоже на обычную...

— А наши лошади! — закричала Ветрова по-лугански. Она надеялась отвлечь Волка и не дать Кауку договорить.

Проводник вопросительно посмотрел на девушку. Берт перевел ее вопрос. Издевательский смех неприятно царапнул ухо.

— Обещаю присмотреть за ними, красотка.

Вот жулик! Плату получил сполна, да еще двух коняшек в придачу.

— Мы замок пешими будем искать? — Каук отвлекся от фляги, Ветрова пользуясь моментом забрала ее и опустошила жадными глотками.

— Не дрейфь, жирдяй, — Волк взял у девушки сосуд и приторочил к поясу. — Как только выйдете из тоннеля, сразу увидите замок Виноградной лозы. Рукой подать.

Он прошелся по бревну, свесился, обхватил веревку ногами и стремительно заскользил вниз. Юля и Берт следили за удаляющимся Волком, раскрыв рты.

— Постой, — заорал парень, — обещал показать тоннель!

Снизу раздался злорадный смех и приказ:

— Протри глаза, Кусок сала!

Юля крадучись подошла к пропасти и взглянула туда. Лошадки методично качали головами, словно прощались. Волк нашарил в расщелине рычаг и потянул на себя. Отзываясь на его движение, камень примерно в половину человеческого роста, вмурованный в стену неподалеку от ребят, со скрежетом двинулся в сторону. За камнем темнел провал.

— Нам туда? — робко спросила Юля.

— Нам туда? — крикнул Берт на местном наречии.

— Шевели окороками! — рявкнул Волк.

Куак, прихватив баул, метнулся к проему, Ветрова поспешила за ним.

Едва ребята залезли в пещеру, камень заскрежетал и стал загораживать выход. Похоронит он нас — мелькнула в Юлиной голове отчаянная мысль.

— Не должен, — ответил Берт, словно услышал. — Не должен обмануть. Мне его верный человек порекомендовал.

«Интересно, где это парень успел познакомиться с верным человеком?» — усомнилась Ветрова.

Включив магический фонарь, Каук обвел лучом пещеру. Она оказалась весьма просторной. Ребята с удовольствием распрямились. Свет полз по стенам, неровности отбрасывали пугающие тени. Тишина давила на уши. Было сухо, но камень словно вытягивал тепло из тела.

— Колени дрожат, — поделилась Юля.

— Давай отдохнем, — предложил Берт, — утром пойдем дальше. Тут, по словам проводника, четыре часа ходу.

Фонарь нашел арку в противоположной стене пещеры. Это несколько успокаивало. Путь наружу, по всей видимости, имеется.

Закутались в пледы, нашли более-менее удобные выемки в камнях. Устроились. Воздух был несвежим — тянуло гнилью, но Юля так устала, что могла отключиться хоть в помойной яме.

— Ясная заря, — окликнул ее Берт. Фонарь он погасил, и теперь угадать, где он сидит, можно было только голосу. — Мне надо сказать тебе что-то важное, пока мы не забыли себя.

— Так он обещал, что мы забудем только дорогу, — возразила девушка.

— Ты знала? — поразился открытию Каук.

— Догадывалась, — отвлеченно ответила Юля.

— И все-таки... — Берт повозился, устраиваясь удобнее. — Потом я вряд ли решусь.

— Валяй. — Ветрова закрыла глаза и приготовилась засыпать под говор друга.

Друг детства просил прощения у Юллы за то, что напугал ее тогда, и благодарил за то, что она больше не сердится. Это уже интересно.

— Не надейся, — хмыкнула Ветрова. — Просто я забыла. Но если вспомню... Чем ты меня напугал?

Ясной заре было тринадцать, ее приятелю — шестнадцать. Они гуляли в цветнике, играли в прятки. Как дети, честное слово! Юлла забралась в укромный уголок и не дышала, чтобы не выдать себя. Берт наткнулся на нее случайно и от неожиданности обнял. Это он сейчас говорит, что обнял. Наверняка целоваться полез! Принцесса, несмотря на хрупкое телосложение, оттолкнула его так, что парень упал в куст шиповника. Потом к лекарю пришлось обращаться с многочисленными ранками по всему телу.

— Не сумел я с собой совладать, — оправдывался Берт, — ты была такая нежная, такая привлекательная...

С той поры товарищ по прогулкам получил отставку и страшно обрадовался, когда Юлька позвала его, чтобы расспросить о тайном ходе.

Ветрова лежала и размышляла: как бы она сама повела себя в тринадцать лет, попытайся кто-то из ребят зажать ее? Никто бы и не посмел. А посмел бы, царапинами не отделался.

— Ты простишь меня?

Отвечать за Юллу Ветрова не могла.

— Давай так: ты сказал, я услышала. Сейчас будем спать.

Больше чем когда бы то ни было хотелось проснуться дома. Увы.

— Поешь, — предложил Берг, протягивая пирог, едва Юлька завозилась усаживаясь. Устроенный на камне фонарь освещал скудный завтрак, большая часть которого предназначалась девушке. Она понюхала пирог, откусила, опять понюхала.

— Надо же! Как свежий, — удивлялась она, — или я не чувствую?

— Почему это? — обиженно откликнулся приятель. — Матушкина магия по сохранению продуктов действует.

— Классная магия, — оценила девушка, откусывая очередной кусок.

— Угу, — кивнул Берг, — обозники такую очень ценят. Звали меня. Да я не унаследовал. По отцу пошел. Жаль, конечно.

— Ну-у-у... — протянула Ветрова, — это спорно. Во дворце-то все лучше, чем в обозе.

— Тоже так раньше думал. Пока с тобой путешествовать не отправился.

— А чего ты, кстати, отказывался правителя искать? — полюбопытствовала девушка.

— Так... — Куак смущенно потупился. — Я ж в отборе только для массовости. Знаю, что неприятен тебе.

Они помолчали. Юля доела, вытерла губы ладонью. Умыться бы! Но это не раньше, чем выползут отсюда. Берг откашлялся и заговорил снова:

— Я тебе так и не сказал вечером...

— Чего еще?

— Если мы найдем правителя, ты не обязана... выходить за меня. — Ветрова ошарашено молчала, пытаясь осмыслить услышанное, парень пояснил: — Ты не любишь меня. Кому-то это не важно, а я не хочу быть... как бы... не хочу воспользоваться. Скажем, что отца ты нашла сама. А я только сопровождал.

— Но это не так, — возмутилась Юля. Она вовсе не была уверена, что поиски дадут результат, но позиция Берга ее поразила.

Он встал. Сложил вещи в баул, поднял фонарь, указывая лучом дорогу, и на ходу спросил:

— Как думаешь, почему Волчье зелье не подействовало?

— Ума не приложу, — соврала Ветрова. Она не хотела давать щепетильному парню повод для расстройства, решит еще, что не сдержал обещания.

Берг с баулом шагал впереди, освещая дорогу. Тоннель, напомиавший шахту метро, был удобен для передвижения: расчищенная от камней дорога, испещренные следами от заступа стены, высокий свод. Было бы неудивительно встретить здесь телегу на конной тяге. Время от времени мимо проносились летучие мыши, заставляя Юлю вскрикивать и защищаться от столкновения выставленными руками. Она содрогалась от мысли, что зверьки могут принадлежать к отряду вампиров. Такие питаются кровью, в том числе и человеческой. Водятся они в субтропиках, но это в ее родном мире, кто знает, как устроено тут!

— Пойдем быстрее, пожалуйста, Боря! — взмолилась девушка.

— Это подковонос, — успокоил ее Куак, — они питаются бабочками и жуками. Нам вреда не причинят.

— Какие еще жуки? — Ветрова не хотела показаться слабачкой. — На воздух хочется поскорее, а ты тащишься как замороженный.

Спутник послушно прибавил шаг.

Они изрядно вымотались, но устраивать привал не хотели. Там, вне этих стен, посидят, любуясь видом на чудесный замок. О его красоте ходили легенды. Юля встречала рисунки и описания в книгах.

Начался спуск. Пологий, но очень утомительный. Тоннель плавно менял направление, уходя то вправо, то влево. Ориентацию Ветрова потеряла совершенно. Икры гудели от непривычного напряжения. Когда это закончится!

Совершенно неожиданно после очередного поворота стены расступились, открывая вид на залив. На другом берегу высились стены замка, а над ними башни и крыши дворца.

Ей показалось, или Берт ругнулся?

Не подавая вида, что расслышала тихо произнесенные, не предназначенные для ушей принцессы проклятья, Юля всматривалась в укутанный маревом силуэт величественного строения. Вот где папаша Юллы устроился. Море, горы. Упоительный воздух, впечатляющий пейзаж. Ничего странного нет в том, что правитель тут на годы застрял. Ветрова стояла, опираясь на камень загораживающий пещеру от случайных взоров. Природа постаралась: обнаружить лаз можно было, только подойдя вплотную. Площадка — не больше двух метров шириной — тянулась вдоль скалы и омывалась водой.

— Я осел, Юлла. Беспросветный тупица. Так обмануться! — простонал Каук.

Юля отвлеклась от созерцания, взглянув на раскрасневшееся лицо приятеля. Тот сжал виски, словно хотел открутить себе голову и гундосил, объясняя непонимающей девушке обнаруженную проблему:

— Беспощадная река! И предположить не мог, что тоннель выведет нас на этот берег, а ведь надо было всего лишь представить карту Серебряной лагуны!

Ветрова читала о Беспощадной реке, та славилась омутами и подводными течениями, утягивающими пловцов на дно. Впрочем, в ее водах давно никто не купался. Даже на лодке доплыть от одного берега до другого решался далеко не всякий.

— Разве это не залив? — спросила Юля.

— Я погубил Ясную зарю, — стонал Берт.

Юле стало жарко. Она бросила на землю сюртук и шаль, уселась на них, обхватив колени. Не верилось, что вот так бесславно закончился путь. Столько всего преодолеть, почти добраться до цели и застрять в прямой видимости!

— Далеко тут до замка, как думаешь? — спросила.

Берт прекратил причитать, сел рядом:

— Ширина лагуны три с половиной километра. Там еще подъем с километр — до стены.

— Не докричишься. Придется фонарем светить ночью.

— Зачем?

— Увидят, заинтересуются, на фитре прилетят посмотреть.

Берт покосился на Юлю так, будто она объявила, что стала нобелевским лауреатом по физике.

— Да, — согласился он, — стоит попробовать. Ждать лодку бесполезно. Местные сейчас не рыбачат, уж точно. А с контрабандистами, даже если они приплывут, нам лучше не встречаться.

— Это понятно, — согласилась Юля, — они будут не в восторге оттого, что их секрет раскрыт.

— Вряд ли дозорные осматривают скалы. Могут и не заметить свет фонаря. А без еды и воды мы и недели не продержимся.

— Будем на летучих мышей охотиться, — пошутила Юля, — или вон: гуси.

Стая гусей плыла на расстоянии пяти шагов от путников.

— Здесь глубоко очень, — Берт принял всерьез Юлькины слова. — Не умею плавать.

Девушка не ответила. Она-то умела плавать, но в холодной воде три с лишним километра точно не выдержит. Оставалось надеяться, что ночью с крепостной стены заметят сигналы, а контрабандисты не приплывут к заветному местечку. Юлька наблюдала за птицами, напомиравшими флотилию галер. Берт занялся ремнем: острием кинжала ковырял новую дырку.

Солнце поднялось высоко и нещадно припекало. Серебряная лагуна была значительно южнее Росистых лугов, от холодных ветров ее надежно защищали горы. Холмы на другом берегу зеленели. Девушка различала пастбища с многоточием овец и виноградники, разлинованные едва заметными тропками. Тянуло туда: побродить по склонам, полюбоваться морским простором. Отсюда большой воды не было видно, мешал утес, горбатым носом выставленный вперед. Ветрова присмотрелась: не

получится ли вскарабкаться на эту горбинку? В тени их точно никто не разглядит, а стоит выбраться на освещенную скалу и помахать, с башни могут заметить. Так себе идея.

Юля встала, шагнула к воде:

— А не построить ли нам плот из гусей?

Птицы синхронно распахнули крылья и побежали по воде — оценили юмор. Берт поднялся, затянул ремень, собрав складками ставшие слишком просторными штаны, подошел к спутнице:

— Эх, была бы у меня магия болотных! Вот когда пожалеешь, что не родился в топях.

Ветрова подпрыгнула и бросилась обниматься:

— Борька! Ты — гений! Амулет Арыка! Я совсем про него забыла.

Она оттянула ворот рубахи, полезла за пазуху. Каук смущенно отвел глаза и вздохнул:

— Надеюсь, княжич не обманул.

Растянув узелок, девушка заглянула в мешочек.

— Все использовать, как думаешь?

— Арык не так скуп, чтобы вручать будущей невесте разовый подарок, — уверенно сказал Берт. — Достаточно щепоти. Не забудь произнести заклинание.

— Какое еще заклинание? — удивилась Юля, бережно высыпая на ладонь горстку порошка.

— Пусть омуты потеряют силу, и река позволит тебе переплыть на другой берег.

— А ты? — распахнула изумленные глаза девушка.

— Не думаю, что магия болотных способна научить плавать мешок с булыжниками.

Самокритично — Ветрова не смогла сдержать смешок. Повторять за другом она не стала, прекрасно помнила, что в описании Печальных времен говорилось о набегах на Росистые луга: болотные пересекали трясины верхом, как посуху. Чем они с Кауком хуже всадников?

Припомнив, как на картинах изображали сеятелей, девушка повела рукой слева направо, раскрыла ладонь и отпустила на волю мельчайшие частицы волшебного порошка.

— Река! Позволь нам пройти!

В тот же миг волнение прекратилось, на поверхности возникла поблескивающая миллиардом искорок пленка — прозрачная и тонкая, как первый ледок. Ступить на нее было страшно.

Берт опустился на колени, тронул магическую переправу, потом с усилием надавил:

— На стекло похоже. Неужели выдержит?

Гуси потолкались у невесты откуда появившегося препятствия и с гоготом стали выбираться на него. Мост держал их прекрасно. Юля шагнула вперед, но Каук схватил ее за локоть.

— Перейду и позову кого-нибудь на помощь. Ты оставайся здесь.

— Что за бред? Это мне подарили... — Она попыталась вырваться, но Берт держал крепко.

— Не надо рисковать. Проломится подо мной — не велика беда. А ты...

Парень посмотрел на Юльку с таким обожанием, что она не посмела перечить. Он же, опасаясь, что Ясная заря передумает, соскочил на воду и побежал. Гуси растопырив крылья смешно переваливались перед ним, несколько птиц съехали с мостика и поплыли. Некоторые взлетели. Ветрова не отводила взгляда от парня и крепко сжимала кулаки. Она переживала за друга сильнее, чем когда он лез по скале. Тогда была страховка, а сейчас... не умеющий плавать толстяк, соскользнув с затвердевшей поверхности, сразу же пойдет на дно. Хорошо, что гуси продолжали бежать, они показывали дорогу.

— Ну уж нет, — Юля не могла бездействовать. — Не буду я тупо ждать помощи!

Она опасно наступила на затейливо переливающуюся пленку одной ногой, приставила вторую. Держит. Поверхность слегка прогибалась, словно это действительно был едва схвативший воду лед, но Каук все еще бежал, значит, и она не провалится. Пахло водорослями, намокшей травой, в

ушах слышался шорох камышей — привет от болотного княжича.

— Спасибо, Арык, — прошептала Юля и кинулась догонять Берта.

Блестящая дорожка была не шире полутора метров, девушке помогало то, что спина Берта маячила впереди. Бегунья не преодолела и десятой части пути, как начала задыхаться. Каук замедлился, а потом и вовсе перешел на шаг. Юлька еще держалась, но поравняться с парнем так и не сумела, топала с небольшим отрывом, держась за правый бок и хватая ртом воздух. Подумать! Каких-то несчастных три километра! Юлла, что ж ты за немощь! Берт отдохнув снова ускорился, Ветрова последовала его примеру. Так они и продолжали путь, то легкой трусцой, то шагом. Поверхность воды вокруг, казавшаяся бесконечной, шла рябью, беспокоилась, иногда перехлестывала через край. Девушка сжимала в кулаке амулет. Она все-таки не слишком доверяла волшебному мостику. Что если он рассыплется под ногами? Случись такая неприятность, Ветрова будет готова: тут же развеет порошок вокруг себя и друга. «Не подведи, Арык», — твердила она словно мантру.

Берег медленно приближался. Юля разглядела там людей. В основном это были детишки. Женщины стояли на пригорке. Они показывали на бредущих по воде, крича что-то неразборчивое. Мужчины столпились около лодки, не решаясь столкнуть ее в воду. Когда Берту оставалось бежать не больше десяти метров, зрители пустились наутек. Женщины тащили за руки любопытных ребятишек, мужчины пятились, продолжая наблюдать за необычным явлением. Некоторые кричали. Юля разобрала отдельные слова: «Водяной! Русалка! Они заманивают!»

— Никто вас не заманивает! — сердилась Юля. Уж на кого-кого, но на русалку она совершенно не была похожа.

У самого берега Каук обернулся, чтобы оценить пройденный путь, и тут же ухнул в воду. Хорошо, что там было неглубоко. Юлька подросла и помогла парню выбраться. Все бы ничего, но мокрый до пояса Берт стал стучать зубами так, что русалки наверняка слышали эту дробь. Вот когда пришлось пожалеть о брошенных на том берегу пледях.

— Идем скорее! — торопила друга Ветрова.

— М-мне н-не не-х-холодно, — успокаивал парень. — З-зачем ты шла, я бы прислал л-лодку.

— Идем уже! — тянула его девушка.

В движении Каук согрелся и прекратил трястись. После кросса по водам лагуны лезть в гору тоже было не сахар, но путники не останавливались. Им не терпелось поскорее попасть в замок.

Обернувшись, Ветрова увидела, как стремительно тает их мост. Гуси свободно плавали там, где совсем недавно она пробежала как посуху. Просьба, обращенная к магии болотных, исполнилась буквально. Оставалось лишь мысленно поблагодарить Арыка Доджа за отличный подарок. Сидеть бы им на голых камнях долго и упорно, если бы не амулет княжича. Отбор, как оказалось, полезная штука. Особенно первое испытание.

Взобравшись на холм, пошли по кривой улочке. Разглядеть стоящие в глубине дворов дома не получалось, вдоль заборов росли высоченные раскидистые деревья. Ветви их были усыпаны грецкими орехами. Проголодавшаяся Юлька поглядывала на них, но сорвать так и не решилась. Зато, когда путники дошли до круглой площади с колодцем в центре, они смогли вдоволь напиться. Людей заметно не было. Вероятно, все попрятались от незнакомцев, опасаясь их чар. Шутка ли, русалка и водяной выбрались из Беспощадной реки!

Улица вывела на укатанную дорогу. По ней друзья направились к замку. Отсюда он смотрелся не таким изящным, как с противоположного берега, но более грандиозным. На перекинутом через осыпавшийся и поэтому неглубокий ров мосту остановились — услышали крики и задрожав головы заметили, как дозорные на крепостной стене указывают вдаль. По дороге во весь опор мчались всадники. Поднятая пыль мешала их разглядеть. Юля и ее спутник остановились у перилл и смотрели на стремительно приближавшихся людей. Случилось что-то важное, иначе зачем так торопиться.

— Мне кажется, там Арык, — напряженно вглядывался в силуэт лидера Каук.

— Похоже, — согласилась Юля, приподнимаясь на цыпочки и выглядывая из-за плеча друга. — Кто его настигает? Ватс?

— Точно! — засмеялся Берт. — Скачут наперегонки, вот потеха!

— А третий, — встревожилась девушка, — Зергэ?

— Не-ет. Уэлэр собственной персоной.

Княжич обернулся, это лишило его преимущества. Жерло нагонял. А перед самым мостом ускорился и третий соперник. По доскам одновременно застучали копыта трех лошадей. Ветрова прижалась к перекладине так, что дерево врезалось ей в спину. Берт загоразивал девушку, но лошади остановились, так и не достигнув напуганных зрителей. Юля поморщилась от запаха лошадиного пота. Бедные животные! Сколько их гнали? Спешившиеся «женишки» слаженно поклонились. Заговорил, как старший, Жерло Ватс:

— Ясная заря, позвольте приветствовать вас и вашего спутника. Простите за неподобающий вид. Скакали больше часа.

Ветрова выглядела не лучше, ей тоже не мешало бы почиститься и хотя бы расчесаться, но она, сохраняя лицо, кивнула и ответила:

— Здравствуйте, Жерло, здравствуйте, Арык, здравствуй Уэлер. Вы так спешили! Продолжайте путь, мы сможем пообщаться позже.

Парни переглянулись, заговорил снова поисковик:

— Наша гонка бессмысленна. Теперь, когда мы увидели, что соперник уже здесь, пришла пора отправиться по домам.

Ветрова недоуменно хлопала глазами. Паузу прервал Каук:

— Вы обо мне? Не понял.

— Это была идея Уэлера, скакать наперегонки до моста. Но четвертый претендент нас опередил, мы потеряли преимущество.

Ветрова все еще молчала. Подал голос Хорх:

— Прошлой ночью мы с Арыком достигли трактира на этой дороге, решили переночевать. Одновременно с нами там объявился Жерло. Чтобы решить, кто первым нашел правителя, эти двое хотели сражаться. Я предложил решить дело скачками.

— Спасибо, Уэлер, — оценила его сообразительность Юля, — для сражений существуют турниры, не надо устраивать бандитские разборки.

Додж и Ватс поклонились и попятились с явным намерением отчалить.

— Куда же вы? — удивилась Юля. — Даже не убедитесь, что правитель здесь?

— Но раз вы тут, Ясная заря, надо полагать... — начал Арык, но девушка жестом оборвала его речь:

— Мы только что подошли. Предлагаю встретиться с его лучистостью, если он в замке, дать отдых лошадям и самим отдохнуть перед обратной дорогой. И потом... — она одарила каждого обнадеживающей улыбкой, — раз все мы одновременно оказались здесь, решение все еще не принято. Ясная заря должна подумать и только после этого отдать предпочтение одному из претендентов.

Парни переглянулись и дружно кивнули. Юля пошла к воротам первой, за ней следовал Берт, сзади слышался стук подков, молодые люди вели лошадей в поводу. Ветрова побаивалась встречи с отцом Юллы, не представляя, что у них были за отношения. В компании четырех молодых людей она сможет понаблюдать за папашей и сумеет скорректировать поведение. Сразу ли огоршить правителя известием о смерти настоящей дочери, или стоит повременить? В том, что ей нужна помощь этого человека в возвращении домой, она не сомневалась.

За воротами царил суев. Сновали служанки с корзинами снеди, трудяги катили груженные тачки, позванивая о брусчатку металлом набоек, прохаживались стражники. Неподалеку от входа плотники возводили помост, пахло свежей стружкой, стучали топоры.

Юля, растерянно озираясь, замерла в центре площади. Она не ожидала увидеть такого столпотворения. Вот когда с теплотой вспомнился дворец Лучистой радости — укромная гавань в сравнении с кишашим торговыми и военными судами портом.

Кавалеры, надо отдать должное, сориентировались мгновенно: расспросили, объяснили, поручили. Уже через пять минут лошадей увели в конюшню, а путников проводили в гостевые покои, где можно привести себя в подобающий вид для встречи с хозяевами замка. «Хорошая у меня команда», — с удовольствием заключила Ветрова, топая по длинному коридору в сопровождении четырех симпатичных парней.

Местным наречием владели Хорх и Ватс. Поисковик был полиглотом по роду деятельности, но с произношением у него не ладилось, все с кем Жерло пытался заговорить, невольно начинали

улыбаться. Уэлер, напротив, имел способности к звукоизображению, но словарный запас его был бедноват. Действуя в тандеме, гости сумели сообщить о прибытии Ясной зари и участников отбора, договориться о размещении во дворце и вскоре получили приглашение на торжественный ужин в их честь.

Юля понимала, но говорить пока не могла. Ее не удивило то, что правителя Росистых лугов упоминают здесь, как хозяина. Что-то такое девушка подозревала, учитывая опыт взаимоотношений с собственным отцом. Оказавшись в гостевых покоях, она немного нервничала. Слишком уж привыкла к обществу Берта, с ним было так спокойно. Однако парней определили в другое помещение, что вполне соответствовало нормам приличия.

Ветрова не сумела бы привести себя в порядок за короткий срок. Помощь четырех служанок пришлось кстати. Две занимались одеждой, еще две приготовили ванну, где отмывали и причесывали гостью. Поскольку девушки не догадывались о ее лингвистических способностях, без стеснения обсуждали всех и вся. Юля узнала, что платье ей уступила хозяйка, причем совершенно новое, его пришлось наспех ушивать. Ясная зари оказалась сплетницам не такой симпатичной, какой ее представляли по словам хозяина, особенно если сравнивать с Саншем. Зато приехавшие кавалеры удостоились похвал.

Кто такой Санш, Юля сообразила, но вот почему их сравнивали? Глупые девчонки! Вообще-то Ветрова, хоть и не мнила себя красавицей, но и уродиной не была, а Юллу считала даже более привлекательной. Хотя, быть может, тут сказался волшебный эффект зеркала, в которое доводилось смотреть. Еле дождалась, когда образ ее будет завершен и подошла к местному трельяжу. Повертелась. Отлично! В дороге она немного загорела, кожа выглядела превосходно. Персик, а не щеки! Платье сидело мешковато, но влезать в замызганные джеггинсы и рубаху, было бы вызовом. Ладно. Пусть так. Женишки вряд ли разочаруются, им не обертка нужна, а сама конфетка. На местных Ветрова не планировала впечатление производить. Лишь бы отец оказался адекватным человеком.

Его лучистость объявился, едва Юля о нем подумала. Вошел в комнату, раскрыв руки. Служанки ретировались.

— Юлла! Как я рад!

Аккуратная бородка, усы и длинные волнистые волосы очень ему шли. Юлька успела подумать, что если б отцу довелось играть роль короля в молодежном голливудском сериале, он стал бы звездой.

Объятыя были бережными, теплыми. Ветрова уткнулась носом в плечо и на миг почувствовала себя в безопасности. Вот бы это на самом деле был ее папа!

— Ну что ты, звездочка моя ясная? — он угадал Юлькино настроение. Отпустил, заглянул в глаза:
— Кто тебя обидел?

— Никто. — Девушка отступила, пытаясь привести растрепанные чувства в порядок. Пока она подбирала слова, его лучистость заговорил сам:

— Затейница! Что за испытание ты придумала? К чему меня было искать? Вы с мамой вполне могли определиться сами.

— Не важно, — пожала плечами Ветрова, — испытание провалилось. Четыре жениха пришли сюда одновременно.

— А ты не знаешь? — отец указал Ясной зари на кресло, предлагая сесть, и жестом фокусника выхватил из-за пазухи конверт. Положил на стол перед Юлей.

Хорошо, что она сидела. На конверте стояло имя Зергэ Апола.

— Что это?

— Письмо доставили вчера. Зергэ рассказал о твоём задании, просил приехать в Росистые луга и объявить его твоим женихом.

— Погоди-погоди, пап. Как это объявить его?

— Но он нашел меня раньше, — улыбался правитель.

— Нет-нет-нет-нет-нет, — Юля помахала перед его носом указательным пальцем. — Кто привез письмо? Это гонец прибыл раньше нас. А не Апол!

— Но... — его лучистость удивленно поднял брови, — Зергэ разузнал, где я...

— Все разузнали. Но отличие в том, что остальные сделали это сами и отправились в путь. А Зергэ

сидел в Росистых лугах, работу за него выполнили могущественные родичи!

— Хм... Это так, — кивнул отец, — но ведь ты не можешь объявить женихами четырех претендентов. А если выбирать одного, удобнее будет...

— Папа, — перебила его Юля, — почему ты не возвращаешься домой?

Его лучистость молчал довольно долго. Он прошелся по комнате, остановился около окна, стал смотреть на горы, вырастающие из вод лагуны. Солнечный диск касался краем вершин, словно золотое колесо катилось по гряде.

— Я пытался, — наконец, заговорил правитель, — знал, что Росистые луга ждут меня, что дочь моя... ждет. Но не смог себя заставить.

— Почему?

— Полюбил. Здесь Элоия — моя любимая.

— Эля, — усмехнулась Юлька.

Отец резко обернулся:

— Ты знала? Мать знает?

— Тебя это волнует?

Его лучистость вернулся за стол, сел напротив дочери, взял ее руки в свои:

— Райда — сильная, умная женщина. Она хорошо управляет страной. Ей помогает магия... Ты должна понять, звездочка, я не смогу уехать из Серебряной лагуны.

Кто бы сомневался. Ветрова не отнимала рук. Она лихорадочно соображала, как бы подвести разговор к тому, что здесь вовсе не Юлла. У нее крепились сомнения: станет ли человек бросивший страну и семью, помогать постороннему, призванному из чужого мира человеку? Придумать она ничего не успела. Правитель поднялся и сказал, что пора идти в зал приемов. Девушка помотала головой, никуда она не пойдет. Вряд ли еще выдастся такой удачный момент для разговора наедине. Ляпнула прямо:

— Ваша лучистость, Юлла умерла.

— Что ты! — правитель обнял ее за плечи, помогая встать. — Не нужно так реагировать. Ты же взрослый человек, звездочка... Должна понимать, что любовь такая сила, с которой бороться невозможно...

— Нет, — вскрикнула девушка. — Не фигурально! Реально умерла. Ее отравили!

— Вечер добрый, Ясная заря, — раздался знакомый голос, — вы позволите засвидетельствовать почтение?

У входа стоял...

— Саша? — Ветрова, хоть и была морально готова к такому повороту, но все-таки удивилась, увидев в пяти шагах от себя красивого, статного юношу, удивительно похожего на пасынка ее родного отца.

— Ты знакома с Саншем? — хрипло спросил правитель.

— Ну как же, — усмехнулась девушка, — он мой сводный брат.

Парень подошел ближе, положил ей руки на плечи, немного стиснув их крепкими пальцами, и сказал:

— Здравствуй, сестра.

— Почему сводный? — поправил дочь правитель. — Единокровный. Санш сын мне.

От волнения, или от голода, в животе у Юльки громко заурчало. Санш спрятал смешок и сказал вполне серьезно:

— У нас еще будет время побеседовать. Пойдемте к столу.

Юлла

Она разыскала отца! Я скоро увижу его. Вот оно — счастье. Как мало схожих впечатлений довелось испытать, пока я жила, только теперь мне подарили всю полноту радости.

Где же папа! Почему нас не повели к нему? Ах да, хотят отмыть и отчистить то чучело, в которое Призванная превратила мое тело. Но служанки возятся так долго!

Надо подождать. Еще немного. Я должна быть благодарна Призванной, а не сердиться на нее. Она много испытала, разыскивая папу. Эта цель могла быть моей, но даже не пришла в голову. Я ждала, волновалась, гнала мысли о плохом. Никогда не верила, что папа умер. Быть может, его держат в плену, или он лишился памяти... Произошло что-то такое, что помешало правителю Росистых лугов вернуться из путешествия. Теперь мы расколдуем его! Верю, что Призванная справится. Мы вернемся домой, или останемся здесь, с ним.

Она подставляет служанками спину, плечи, руки. Напрягает мышцы, рассматривает. Теперь я тоже с удовольствием люблю свое тело, а когда-то ненавидела его. Почему я казалась себе страшенькой, ведь я — прекрасна! Знаю почему. Никто не говорил мне приятных слов с тех пор, как уехал отец. Я решила, что и он не любит меня, что я не достойна любви. Никто не прикасался ко мне. Лишь Молли, согревая постель, гладила мои волосы, лоб, щеки... Она считала меня совершенством. Что взять с неразумной служанки? Я догадывалась, что сладкие слова лживы, но нуждалась в них.

Ах да! Еще Берт однажды обнял меня. Но это совсем другое. Он предал нашу дружбу, так я считала тогда. Вместо доверительных, почти братских отношений, предложил нечто недозволенное, мерзкое. Да, я слышала в тоннеле, как Берт просил прощения, и готова извинить его порыв, но тогда я слишком напугалась. Не стала жаловаться матушке, только в память о добрых отношениях с самого детства.

Теперь я увидела друга иначе. Он такой самоотверженный! Действительно любит меня. Меня, настоящую Ясную зарю, а не эту самозванку!

Не буду злиться на нее. Она молодец. Только благодаря Призванной я увидела, кто есть кто. Какие замечательные претенденты участвовали в отборе! Милый робкий Уэлер. Он не надеется на победу, но не отступил. Я чувствую, как много у нас общего. Уэлер любит книги, как и я. Способен мечтать, но в отличие от меня умеет обратить мечты в полезные вещи. Он не терпит трескотни, предпочитая уединение шумной компании. Я бы вполне могла быть с ним счастлива.

Арык Додж. Загадочный, таинственный. Неправильные черты притягательны, хочется рассматривать его лицо и удивляться, сколько в нем силы, уверенности и благородства. Удивительно, что потомок подлых мародеров стал достойным человеком. Кажется, годами я смогу быть рядом с ним и не раскрыть его душу до конца. Это так интересно!

Жерло Ватс — взрослый состоявшийся человек. Способен позаботиться обо мне как отец и даже лучше. Около Ватса я всегда буду спокойна, меня не испугает никто и ничто. Это большая удача — иметь защиту: крепкое плечо мужа, его сильную волю.

Призванная смотрит в зеркало, я заглядываю вместе с ней: как хороша я буду в свадебном наряде! Кто идет?... Отец!

«Папа!» — хочу закричать и бросаюсь к нему. Призрачными руками обнимаю широкие плечи, но отец не чувствует моих прикосновений. Он прижимает к себе мое тело, кладет ладонь на затылок, поглаживает волосы. Так он делал перед отъездом, и я до сих пор помню тепло отцовских рук. Призванная отстраняется. Как я хочу оказаться там вместо нее! Неужели это невозможно прямо сейчас? Надо ждать ночи. Я не выдержу! Зачем я не слушала шамана? Почему не вернулась по просьбе матери?

Они говорят. Надо слушать. Что? Апол?

Зергэ выполнил задание раньше остальных. Женихом объявят его? Невозможно поверить в такой неприятный поворот. Да-да, я помню, что приезд Зергэ меня порадовал. Матушка убедила, что он будет хорошим мужем и правителем, когда настанет время. Но за лицемерными речами довольно скоро я заметила снисходительность и неуважение. Возможно, его сердце не умеет любить, как и мое, тут я не вправе осуждать. Но разве не достойна дочь правителя просто доброго отношения? Можно подумать, я навязывалась! Призванная спорит. Она права. Как хорошо соображает! Кажется, отец согласен. Папа! Умоляю, напиши Зергэ, что его послание опоздало, у Ясной зари уже есть жених. Но кто? Кого выбрать? Что это я... Кто будет выбирать? Призванная много раз говорила, что не станет принимать решение за меня. Все верно! Осталось дожидаться ночи, и как только она уснет, занять свое законное место.

Еще кто-то пришел. Этот парень отражался вместе с отцом в поисковом зеркале. Кто он?

Нет! Не верю! Папа называет его родным сыном. О Праматерь! Как такое возможно?

Глава 9 Придется начинать с начала

Отец Юллы шествовал первым, Ветрова тянулась за ним, Санш пристроился рядом с ней. Коридоры, по которым пришлось идти, производили скромное впечатление, всюду был светлый камень — ни фресок, ни картин, лишь неброские архитектурные элементы. Ветрова чувствовала нарастающую тревогу. Причин для этого хватало, но она никак не могла определить главную. Правитель? Она разочарована? Нет, не это. То, что папуля беглый, не стало неожиданностью. Братец? Санш поглядывал на нее, чуть приподняв бровь, уголки губ прятали сдерживаемую улыбку. Что это: насмешка, чувство превосходства? По большому счету Юле было плевать на взаимоотношения в семье правителя. Изменял его лучистость Райде или нет, нисколько не волновало. Она достаточно переживала из-за собственных родителей. Беспокойство ворочалось скребущим сердцем дикобразом по другой причине. Здешняя Элеонора? Нет. Какой бы она ни была, Ветрова не сомневалась, что до папиной жены — доктора медицинских наук, мозголюба и мозгоправа — ей было как до Луны. Так и не определив суть неуютного самочувствия, гостя следом за правителем прошла мимо колонн с кариатидами.

Зал приемов оказался не таким большим, как ожидала Юлька. Стены, украшенные изразцами, выглядели красиво, но не богато. Овальный стол, венские стулья, вдоль окон жардиньерки с цветущими каланхоэ — вот и все убранство.

Юлькины кавалеры беседовали в глубине помещения. Первой, кто встретил вновь прибывших, была невысокая подтянутая брюнетка, в которой нетрудно было узнать Элеонору Давыдовну. Она приторно улыбнулась, успев бросить вопросительный взгляд на сына, и подала руку:

— Рада знакомству. Мое имя Элоия.

— Юля. — Ветрова тронула холодные тонкие пальцы, едва сдержалась, чтобы не стиснуть их со всей силы.

Одного взгляда на заставленный блюдами стол хватило, чтобы почувствовать головокружение. Хорошо, что ждать не пришлось. Уже через минуту все расселись и приступили к трапезе.

Арык ел спокойно, не поднимая взгляда от тарелки. Уэлер задумчиво ковырял вилок кусок белой рыбы. Ватс поддерживал беседу с правителем, систематически отправляя в рот кусочки запеченных овощей. Берт смотрел на Юльку и ни к чему не притрагивался. Санш расположился в сторонке с лютней, вдумчиво перебирал струны и чуть слышно насвистывал минорный мотивчик.

Ветрова не стала строить из себя светскую даму, наворачивала рагу с кусочками баранины и едва не причмокивала.

Отец произнес тост за доброе здоровье гостей и пригласил всех остаться в замке хотя бы на неделю. Ветрову это не устраивало, поскольку она и так задержалась в шкуре принцессы. Наспех промокнув губы салфеткой, она схватила бокал белого вина, заботливо протянутый обслуживающим стол пареньком, и высоко подняла, привлекая внимание:

— За здоровье гостей выпью с удовольствием, а вот оставаться здесь никому не надо.

— Что такое? — хозяйка склонила голову на бок.

— Парни давно не были дома. Там наверняка волнуются. Пусть уезжают и ждут приглашения в Росистые луга.

— Разве ты не выберешь жениха? — Жерло наклонился, чтобы видеть девушку, сидящую за Хорхом и Доджем.

— Не сейчас, — Юля растерялась только на секунду, но тут же собралась: — Я должна посоветоваться с матерью, вы же в курсе.

— Но здесь твой отец, — встряла Элоия.

Ей-то что за дело — рассердилась Ветрова. Она лишь покачала головой и стала пить вино. Все последовали ее примеру. Желая сгладить неловкость, его лучистость обратился к сыну:

— Спой нам, Санш. Что-нибудь бодрое.

Тот не заставил себя упрашивать, ударил по струнам и запел приятным энергичным баритоном. Слова были смешные, произносил он их скороговоркой, Юля не успевала разбирать. Зато припев подхватила, выбравшись из-за стола:

Эх-да-лихо, Эх-да-лехо,

Эх-да-лехо Э-хо-хо!

Нам с друзьями не до смеха!

Нам до смеха dalej-Хо!

Бессмысленные выкрики подняли настроение, уже со следующего припева к Юле и Саншу присоединились Арык, Берг и Ватс. Уэлер остался за столом и постукивал вилкой, отбивая такт.

Прощальный вечер удался. Юля организовала змейку, подключив к остальным женихам упирающегося Хорха. Братец лупил по струнам со всей силы, как только они, бедные, выдержали. Танцующие «подцепили» и парнишку-разносчика, и служанок-хохотушек, даже хозяйка присоединилась к веселью. Только его лучистость, замахав руками, остался в стороне, не забывая притоптывать под музыку.

Беспокойство отступило, притаившись в дальних отделах Юлькиного сознания, но стоило перевести дух, как выползло из засады.

Если уж быть откровенной с самой собой, Ветрова сожалела, что придется навсегда расставаться с Арыком, Уэлером, Ватсом и Бергом. Однако промедление могло стоить ей жизни в родном мире. Девушка надеялась, что она по-прежнему в клинике, а Элеонора присматривает за «спящей красавицей», но затягивать с пробуждением не стоило.

Все пошли провожать ее до гостевых покоев. Парни собирались выехать на заре, чтобы до заката успеть на паромную переправу, расположенную выше по течению Беспощадной реки.

Столпились у дверей. Юля печально улыбалась, разглядывая серьезные лица в неярко освещенном коридоре. Рядом стоял Каук. Поддавшись порыву, Ветрова резко шагнула к нему и обняла. Почувствовала, как окрепли его мышцы, парень совершенно изменился, точно вату в его теле заменили сталью.

— Спасибо за все, Борян! — шепнула ему девушка. — Держи себя в форме. Никаких пирожков, обещаю!

Он довольно крепко прижал ее к себе, отпустил и спрятался за спины товарищей, украдкой вытирая щеки.

Юля обернулась к Доджу. Тот стоял прямой как нацеленное в небо копьё, широко расставив ноги в неизменно широких штанах и заложив руки за спину. Девушка улыбнулась княжичу, сделала шаг:

— Обнимашки, Арык!

Лицо парня осветилось такой радостью, что стало теплее всем. Он заключил Ветрову в кольцо рук и сказал:

— Ты самая необыкновенная из всех людей, Ясная заря.

— Спасибо за амулет, Арык. Он нас здорово выручил! Прощай.

— Жду письма, — упрямо ответил он и отступил.

Жерло Ватс подошел сам:

— Откройте секрет. Как вы с Кауком умудрились нас опередить, Юлла? И я, и остальные, покинули дворец задолго до вас. — Он положил руки ей на плечи и по-отечески расцеловал в обе щеки.

— Прошли путем контрабандистов. Но не советую повторять, — ответила Юля и взглянула на Хорха:

— Иди сюда, Валерка! Не кусаюсь.

Скулы Хорха вспыхнули. Потупившись, он сделал шаг навстречу и обнял девушку так осторожно, словно это была бабочка или маленькая птичка. Она ощутила, как парень тонок и хрупок. Надо же! Не подумала бы. Сколько он выдержал при таком хлипком телосложении.

— Ну, мальчики! — она попятилась к двери и прочистила горло. Из-за волнения голос сел, — всем спасибо, до свидания. Не удивляйтесь, если в следующий раз встретите другую Юллу.

Не дожидаясь реакции и не взглянув на растерянные лица, она скрылась.

Усталость от долгого и утомительного дня перевесила волнение, уснула Юлька, едва коснувшись головой подушки.

Ночью ее мучили кошмары. Сначала летела на фитре, спасаясь от погони. Кто за ней несется, так не поняла, но кричала Ангелу: «Быстрее! Быстрее!» С размаху они наткнулись на скалу, уходящую в небо. Юлька соскочила на высокогорное плато. Фитр исчез, бросив всадницу на произвол судьбы. Она, чувствуя опасность, нырнула в тоннель. Бежала в темноте, выставив руки, чтобы не наткнуться на преграду. Летучие мыши пронеслись мимо с пронзительным визгом и задевали лицо черными крыльями. Впереди показался свет. Ветрова побежала быстрее, но слышала шаги за спиной. Преследователь не отставал. Выскочила к воде. Не сбавляя темпа, помчалась по волнам, те замирали прозрачным мостиком, лента которого уходила за горизонт. Ноги скользили, разъезжались в стороны. Казалось, еще шаг и она рухнет в холодную воду. Тот, кто бежал следом, дышал в спину. Обернувшись, Ветрова увидела размытый силуэт, тонким маревом парящий над водой. Сопровождавшие его движение шаги были тяжелы для призрака. Не имея сил продолжать бесконечный бег, Юля остановилась и выставила руки, защищаясь. В правой ладони прямо из воздуха материализовался меч, подобный тем, какими сражались претенденты на последнем испытании отбора.

Началась битва. Призрак вооружился таким же мечом и орудовал им весьма ловко. Светлые просторные одежды трепал порывистый ветер. Размытое пятно лица напоминало театральную маску печали. Юля защищалась, отступая. Соперник напирал. С каждым новым приемом очертания его проступали все отчетливей, фигура приобретала знакомый вид. Вот и лицо проявилось. Ветрова с ужасом осознала, что сражается сама с собой. Она закричала, увернулась от очередного удара и упала в воду. Холод мгновенно сковал тело. Не в силах пошевелиться Юля шла ко дну. Одежда прилипла, срастаясь с кожей, и только волосы подобно подводным растениям шевелились медленно и беззвучно.

Ее разбудили, довольно грубо трясая за плечи:

— Юлла! Звездочка моя, проснись. Что с тобой?

— Папа... — она с трудом разлепила веки и вглядывалась в размытое как на экране неисправного монитора изображение, — ваша лучистость. Дайте, я встану.

Правитель выпрямился и отступил, не отводя встревоженного взгляда:

— И давно ты так беспокойно спишь?

Юля села, подтянув колени к груди и закутавшись в одеяло как в кокон:

— Можно подумать, вас это волнует.

Правитель придвинул стул, опустился на него, опершись на колени локтями и свесив голову. Не видя его лица, Юля вообразила, что мужчина прячет слезы. Однако когда он распрямился и посмотрел на нее, глаза были сухи, а голос — тверд.

Ветрову не особенно интересовали причины бегства правителя из Росистых лугов. Она слушала ради Юллы. Пусть знает, что за фрукт ее папуля. Сама она тоже собиралась поговорить с его лучистостью серьезно, но перебивать старших пока не научилась.

Повествование началось с юности Ника. Ник, так звали правителя, обожал путешествовать. Все обладатели магии подчинения фитров имели такую склонность. Ведь мчаться над землей в любом направлении — огромное удовольствие. С этим Юлька не могла спорить.

Пришло время наследнику трона остепениться. Назначили отбор. Юноша еще не испытал любви, поэтому к предстоящему событию отнесся с любопытством. Он самонадеянно полагал, что способен выбрать одну единственную из пяти девушек, стоит лишь прислушаться к сердцу.

— Никто не учел, что обладающая магией убеждения претендентка будет действовать нечестно. Твоя мать, — правитель криво улыбнулся, словно признавая свою беспомощность, — была лучшей на каждом этапе испытаний. Так считали все.

— Что ж в этом плохого?

Проигнорировав вопрос, его лучистость продолжил рассказ. Первые месяцы после свадьбы он считал себя счастливым. Хотя чувство это казалось наносным, непрочным. Каждый раз, когда жены не было рядом, его посещали сомнения. Как-то во время прогулки он разговорился с другом отца Паулоном. Обсуждали проигравших претенденток. Особенно вспоминалась одна черненькая — кузина Тиннета Апола.

— Ого! — воскликнула Юля. — Не везет этим Аполам с отборами.

— Паулон даже сохранил ее оду, так она ему понравилась.

— Тоже, поди, списала, как Зергэ.

Правитель отрицательно покачал головой. Он искренне считал проигравшую девушку талантливой. Пела она лучше Райды, танцевала бесподобно.

— Тут я и осознал, какую совершил оплошность.

Правитель Юлю не убедил. Все женятся не на тех, если так рассуждать.

Дальше пошел рассказ, как Ник отправился путешествовать, впервые попал в Серебряную лагуну и встретил Элоию. Тогда-то он и познал любовь.

— Погоди, пап, — Юля сползла с постели, — я сейчас.

Она убежала в умывальню. Хотелось побыть одной. Собраться с мыслями. Как бы перевести стрелку разговора? По настроению его лучистости она чувствовала, что он до вечера может оправдываться. Присланные правителем служанки помогли умыться и одеться. Ветрову страшно обрадовали собственные шмоточки — выстиранные и выглаженные. Она натянула джеггинсы, топ, сверху набросила и завязала на талии узлом просторную рубашку. Служанки только головами качали, не одобряя ее наряд.

Вернулась к правителю причесанная, умытая, посвежевшая.

Постель уже застелили, а его лучистость стоял около окна и смотрел на горы.

— Ну, а Санш как у вас получился? Ведь он постарше меня будет?

Правитель обернулся и заговорил сердито, Юлька его задела своей дерзостью.

— Элоия забеременела, но я об этом ничего не знал. Впервые увидел сына, когда ему пять лет исполнилось.

— И решил сбежать из Росистых лугов?

— Нет! — он повысил голос, — ты же знаешь. Я уезжал и возвращался. Но сейчас... Каждый день в разлуке с Элоией для меня катастрофа.

Юля подошла ближе, встала рядом с отцом и взглянула на серебящуюся поверхность реки. Мелкая рябь отражала солнечные лучи миллиардом огоньков, словно на воду набросили светодиодную сеть. Вот почему это место называют Серебряной лагуной.

— А как же трон? — спросила девушка. — Все равно, кто на него сядет?

— Ты, — просто сказал отец. — Ведь только ты владеешь магией подчинения фитров.

Юля криво усмехнулась и взглянула в лицо правителю:

— Вот как раз я-то и не владею!

Его лучистость повернулся к ней всем корпусом и, сделав строгое лицо, сказал:

— Это не повод для шуток, Юлла.

— Какие уж тут шутки. — Ветрова нахмурилась и перевела взгляд за окно, не хотелось упрекать человека, так похожего на ее отца. — Если вы задумали отказаться от трона в пользу дочери и зятя, это плохая идея.

Правитель взялся за ее локоть, пытаясь развернуть собеседницу к себе лицом:

— Я действительно хотел передать управление страной тебе. Райда справляется прекрасно, но она не владеет фитрами, это порождает недовольство. Ты же будешь...

— Не буду! — Она все-таки повернулась, выдернув локоть из его пальцев, сжав кулаки, и выпалила: — Любовь-морковь, да? Считаешь, это тебя оправдывает? Слюнтяй великовозрастный!

Раздались быстрые шаги, рядом с отцом возник Санш. Он зло выкрикнул:

— Как ты смеешь, девчонка! — Передразнивая Юлю он прогундосил: — Ах! Взвалил заботы о Росистых лугах на женушку! Знаешь что, злока! Отец мог упечь твою мамашу в монастырь. Или как обычно поступают правители с надоевшими женами? Приказал отравить или сбросить с фитра.

— Сынок, — попытался остановить юношу правитель, — не надо!

— А чего она? — ядовито прошептал парень. — Приперлась без приглашения, да еще судилище устроила.

— Девочка обратилась за помощью, — спокойно сказал отец. — А то, что мнение свое высказала, делает ей часть. Вижу: Ясная заря вполне способна противостоять магии Райды.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Юлька. — Я за помощью, вы правы. Хочу только заметить, что Райда — не мать мне. Как впрочем, и вы — не отец.

Оба — мужчина и юноша — смотрели на Ветрову как на сумасшедшую. Она грустно улыбнулась:

— Я столько раз начинала разговор. Не слышите. Надо слушать, ваша лучистость. Даже если моя история кажется невозможной.

Она прошла по комнате и уселась. Правитель расположился напротив, лицо его было сосредоточено. Санш встал позади отца и облокотился на спинку его кресла. По мере Юлькиного повествования лица слушателей становились все более мрачными. При упоминании имени шамана, брови правителя сошлись на переносице, а пальцы впились в подлокотники. Выдохнув, рассказчица расслабила мышцы и устроила затылок на подушечке-подголовнике. Приготовилась отвечать на вопросы. Однако их не последовало. Похоже, история совсем не удивила слушателей. Они выглядели подавленными, взгляды их стали сосредоточенными, но не казались недоверчивыми.

— Помогите мне вернуться в свой мир, ваша лучистость.

— Это мне неподвластно, — горько признал правитель.

— Подскажите, к кому обратиться? Дюгор обманул меня, подсунул средство, чтобы запереть в этом мире. Теперь говорит, что не знает, как мне найти дорогу обратно.

— Дюгор — преступник! — зло проговорил отец Юллы. — Райда, связавшись с ним, стала соучастницей. Никому не позволено призывать души.

Ветрова нетерпеливо забарабанила пальцами по коленкам. Беседа затягивалась.

— Это ваши дела! Я хочу домой — все, что меня волнует. Кто сможет помочь?

— Никто, — покачал головой правитель.

— Папа хочет сказать, — встрял Санш, — что нельзя рассказывать о случившемся. — В ответ на Юлькин недоуменный взгляд он пояснил: — Скорее всего, тебя казнят.

— Меня? — возмутилась Ветрова.

— Тело Ясной зари уничтожат, чтобы изгнать пришлую душу. А еще Дюгор заплатит за свои дела. Ну, и если станет известна роль Райды, ей тоже придется отвечать.

— Погодите. — Юля выпрямилась в кресле. — Когда тело... м-м-м... уничтожат, я освобожусь? Смогу проснуться у себя?

Правитель и Санш синхронно покачали головами.

— Пока действует Путаница, — вздохнул его лучистость, — душа не найдет родной мир. Скорее всего, ты попадешь в обители Праматери.

— И Юлла? Она ведь хочет вернуться к жизни, я чувствую! — выкрикнула Ветрова.

Правитель закрыл глаза ладонью. Его сын стоял, опустив голову.

Никто не уговаривал остаться. Предоставили полное право принимать решение самой. Юля попросила дать ей фитра, чтобы лететь в Грозовые утесы. Она надеялась на помощь доброй нимфы. Поддержки эта идея не встретила. В распоряжении его лучистости был всего лишь десяток волшебных существ. Попав на родину, фитр уже не вернется. Нельзя разбазаривать имущество. Все, что правитель собирался сделать для Призванной: выделить утепленную карету, запряженную парой лошадей, одежду и короб еды в дорогу. Даже это щедро, если учесть, что теперь он знал о гибели Ясной зари. Отец Юллы не верил, что нимфа согласится помогать, но советов не давал: пусть девчонка распоряжается собой, как пожелает.

В тот же день незваная гостья покинула замок Виноградной лозы.

Одна дорога вела на север по берегу Беспощадной. По ней рано утром отправились Ватс, Додж и Каук. Ветрова тоже могла двигаться в Грозовые утесы этим путем: не переправляясь на другой берег, ехать до самых истоков. Так было короче, но подниматься по крутым склонам и лезть на

скалы без страховки, девушка не решилась.

Второй вариант предполагал пересечение границы Серебряной лагуны и Мягкого бриза — так называлась соседняя страна. У подножья гор стоял монастырь, где по слухам подвизалась бабушка Юллы. Между монастырем и Грозовыми утесами наладили сообщение с помощью фитров. Эта дорога займет больше времени, но добраться до нимфы можно будет целой и невредимой.

Выслушав соображения путешественницы, кучер одобрительно кивнул. Это был молчаливый человек лет пятидесяти. Он казался бы угрюмым, если б не добрые темно-серые глаза, в которых Юля уловила куда больше сочувствия, чем во взгляде отца и брата Юллы. Те даже не вышли проводить гостью. Пусть сообщение о смерти Ясной зари повергло правителя в шок, но он должен понимать, что Юлькиной вины в этом нет совершенно, и мог бы проявить элементарную вежливость.

Всем распоряжалась Элоия. Она следила за погрузкой, по-матерински осмотрела Юлькину одежду, посоветовала держать под рукой платок. Погода стояла теплая, в дороге захочется приоткрыть окно, тогда надо обязательно покрыть голову, чтобы не просквозило. Ветрова механически кивала, просила не беспокоиться.

Именно «мачеха» рассказала о том, как лучше добраться до Грозовых утесов. Она несколько раз выразила недоумение, зачем, мол, Ясной заре туда ехать. Видимо, Ник и Санш не поделились с ней подробностями вчерашней беседы.

Карета шла, мягко покачиваясь. Тишину нарушало лишь поскрипывание рессор и цокот копыт по камням дороги. За окном проплывал однообразный пейзаж: по левую сторону — виноградники, по правую — обрыв к бескрайнему морю. Переночевали в горной деревеньке на пологих склонах вдоль отвернувшей от берега моря дороги неподалеку от перевала, где и проходила граница.

Дремотное состояние, не отступавшее в пути, исчезло. Ворочаясь на жестком тюфяке, Юля страдала от духоты. Она жалела, что согласилась ночевать в коморке, предназначенной для проезжающих, и завидовала расположившемуся на сеновале кучеру.

Отчаявшись заснуть, девушка размышляла о судьбах родного отца и Ника. Насколько они схожи? Ей не хотелось верить, что папа изменял маме в счастливую пору супружества. По рассказам она знала, что Элеонора впервые встретила отца, когда сыну исполнилось пять. В таком случае, Саша не может быть единокровным братом Юли. До самого утра, девушка искала доказательства того, что поступки людей из ее мира и их двойников в этом, не идентичны. Так и не уснув, девушка выбралась на воздух, едва закричали первые петухи.

Следующие три дня путешественники двигались по оживленной трассе, пересекавшей страну с уютным названием Мягкий бриз. Ночевали в трактирах. Знакомств Юля не заводила, кучер тоже ни с кем не разговаривал. Карета, короткие остановки для того чтобы размять ноги и дать отдых лошадям, ночевки в прокуренных затхлых комнатах на оккупированных клопами кроватях — все оставшиеся об этом времени воспоминания.

Монастырь вырос словно из-под земли, ошарашив Юлю величественными, устремленными к небу зданиями. Вид на него открылся по левую руку, едва карета выехала из зарослей четырехсотлетних платанов. Дорога повернула, но желая рассмотреть грандиозный ансамбль во всей красе, путница высунулась из окна почти по пояс.

Каков тогда дворец Нимфы Грозовых утесов, если слухи о его величии перекрывают красоты монастыря?

Ограда возвышалась не больше чем на полметра над землей и не могла служить защитой. Вместо ворот путь преграждала покрашенная охрой жердь, да и ту отвели в сторону, едва завидев гостей. Стало очевидно, что насельникам монастыря некого опасаться. Либо на убранство обитатели не покушаются, либо защита носит магический характер. Юля склонялась ко второму предположению.

О цели приезда Ветрова сообщила привратнице, смуглой черноглазой девушке. Та представилась послушницей Марлой и спросила имя паломницы. Ветрова назвалась Юллой.

— Хотите увидеться с бабушкой? — спросила Марла, благочестиво опустив глаза.

— Вы знаете кто я? — не сдержала любопытства Юлька.

— Настоятельница прозорлива, — не поднимая взгляда ответила послушница.

— Хорошо. Я с удовольствием поговорю с бабулей.

Марла провела Ветрову выложенными плоскими камнями тропам по лабиринту зданий и замерла у не приметной двери с торца одного из них.

— Вам сюда, — вежливо поклонилась провожатая и засемила прочь.

Юля толкнула дверь, шагнула в темноту и чуть не покатила вниз по крутым ступеням. Келья монахини находилась в подземелье.

— Здравствуйте, — сипло сказала гостя, вглядываясь в тускло освещенное одинокой свечой пространство.

— Ты не Юлла, — был ответ.

От неожиданности Ветрова замялась. С минуту длилось молчание.

— Ну, я пойду тогда? — спросила Юля после паузы. — Не подскажите, где можно найти фитра?

— Поднимайся наверх. Я сейчас выйду.

Ветрова с готовностью побежала по ступеням. Вынырнув из черной пасти проема, она вздохнула полной грудью. Странно все-таки, что вдова почившего правителя Росистых лугов живет в таких неприятных условиях. Еще большее удивление вызвало у нее появление женщины. Выглядела она моложе Райды. Неужели это действительно ее свекровь? Кроме того, она нисколько не походила на собственную бабушку Юли.

— Вы — не она, — отрицательно качая головой попятилась Ветрова.

— Удивительно, что ты догадалась, — улыбнулась незнакомка. — Я всего лишь настоятельница монастыря. Та же, кого ты хотела видеть, приняла схиму и допускает к себе лишь двух монахинь, приносящих скудную еду.

— Зачем же меня пригласили? — пожала плечами Ветрова.

— Я надеялась, что ты не заметишь подмены. Что тебе нужно от нашей насельницы, Призванная?

— Он нее — ничего. Я стремлюсь в Грозовые утесы. Надеюсь, нимфа поможет мне.

Настоятельница пошла по тропинке, поманив Юлю за собой. К счастью ближайший рейс фитра в замок нимфы отправлялся с минуты на минуту. Шли молча. Юля робела, а сопровождавшей ее женщине вопросы были ни к чему. Усадив гостью в повозку, груженую кованными сундуками, она лишь поинтересовалась:

— Как ты умудрилась не поддаться магии очарования?

— Чему не поддавалась? — вскинула брови Ветрова.

— Элоия сильна в магии очарования. Любой другой на твоём месте остался бы у нее в замке, была бы ее воля.

— Значит, не было, — нахмурилась девушка.

— Еще как была, — в очередной раз загадочно улыбнулась настоятельница. — Не боишься лететь?

Ветрова нисколько не боялась. С высоты монастырь уже не выглядел грандиозным, всего лишь горсть просыпанных на землю деталей конструктора «Лего». Зато вырастающий из клубящейся тучи замок нимфы казался волшебным сном.

Повозка замерла над площадкой позади замка. Спрыгнув на камни, Юля обнаружила четыре полупрозрачные светлые фигуры, поддерживающие телегу навесу. Они бережно установили ношу и распрямились.

— Фитры? — Ветрова изумилась их схожести с людьми. — Я вижу вас!

Существа подплыли ближе, окружив девушку, и с любопытством ее рассматривали. Один из них заговорил не шелестом и щелчками, что она слышала раньше, а вполне внятно:

— Ты та самая, что понимает язык фитров? О тебе рассказывал наш товарищ, вернувшийся из Росистых лугов.

— Ангел! — воскликнула Ветрова, — Где я могу его найти?

— Он сам тебя разыщет, — фитры неторопливо поклонились, взяли каждый по сундуку и понесли их к дверям замка.

Юля осматривалась, стараясь угадать, куда ей теперь идти.

— Я здесь! Здравствуй! — из-за угла показался довольно четкий силуэт жемчужного цвета.

Догадавшись, что это фитр Ясной зари, Ветрова бросилась к нему навстречу:

— Ангел! Вот ты какой!

— У меня другое имя, — фитр обнял девушку, обдав ее свежестью дождливого утра, — но мне нравится, как ты меня называешь.

— Ты не такой, как те, что привезли меня сюда, — Юля отстранилась, разглядывая фигуру высокого широкоплечего юноши.

Тот кивнул и объяснил:

— Требуется время, чтобы после возвращения в Грозовые утесы наши черты проявились полностью.

Ветрова осуждающе качала головой:

— Вы такие красивые, такие чудесные, а люди используют вас вместо вьючных животных!

Собеседник поклонился:

— Благодарю за дарованную свободу, но если пожелаешь, отнесу тебя, куда понадобится.

— Посмотрим. — Юля прижала руку к сердцу и спросила: — Как бы мне переговорить с нимфой?

Ангел взял девушку под локоток и повел к главному входу.

Увидев сидящую на дымчатом троне женщину, Ветрова остолбенела.

— Настоятельница? — едва шевеля губами спросила она.

Нимфа улыбнулась, но глаза цвета снеговых туч оставались холодными.

— Здравствуй, дитя! Ты обозналась. Мы с дочерью очень похожи.

— А-а-а... — протянула гостя, — так это ваша...

— Монастырем управляет та самая женщина, что полюбила сына правителя Росистых лугов и получила в приданное десяток тысяч фитров. Ты, я слышала, осуждаешь это?

В Юлькиной голове случилось короткое замыкание. Девушка стояла, открывая и закрывая рот, но не произносила ни звука. Ей страшно хотелось пить, хотя атмосфера в замке была влажной и прохладной. Как же ответить? Нимфа, судя по ее тону, сердита и не захочет помочь, если высказаться о ее неблагоприятном поступке в далеком прошлом.

Хозяйка воздушного замка ждала, не отводя от Ветровой пристального взгляда.

— М-м-м... Я... Простите, мне не следует судить...

— Отчего же, — все так же холодно улыбнулась нимфа. — Интересно услышать твое мнение, иначе я бы не спрашивала.

Юля облизала губы, набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Люди эксплуатируют фитров, не догадываясь, что они разумны!

— Люди используют людей, прекрасно зная, что они разумны.

Ветровой нечего было на это ответить. Нимфа покинула трон, приблизилась к Юле, обдав ее холодком сентябрьского сквозняка.

— Могу я попросить об одолжении? — решила девушка. После того как нимфа согласно кивнула, она продолжила: — Ваша дочь догадалась, что я не Юлла...

— Мы чувствуем природу магии. Ты ей не обладаешь.

— Удивительно не только это. Настоятельница известно все о моем путешествии.

Нимфа поманила Юлю, направляясь в дальний угол тронного зала, где за ажурной серебряной перегородкой нашлось зеркало в похожей на спутниковую антенну раме.

— Я наблюдала за тобой. Потом рассказала дочери. — Нимфа немного помолчала, чтобы дать гостю собраться с мыслями, и пустилась в объяснения: — Ясную зарю разыскивал секретарь ее матери.

— Секретарь Райды? Элих? — не удержалась от восклицания Ветрова.

— Элих, — рассказчица кивнула и указала на прибор: — Знакома с этим предметом?

— Поисковое зеркало. Такое мне, то есть, Ясной заре подарил Жерло Ватс.

— Секретарь Лучистой радости надеялся найти сбежавшую девушку здесь и был огорчен ее отсутствием. Я хотела помочь, поэтому настроила прибор на замок Виноградной лозы. Нетрудно было догадаться, где могла укрыться дочь Ника.

— И что вы видели? — Юлькины щеки вспыхнули от смущения.

— Я видела достаточно, — понимающе улыбнулась нимфа. — Не переживай, парню никто не показывал картинку. Я пересказала все в общих чертах.

— И где он теперь?

— Ожидает в ближайшем от монастыря городке. Можешь отправляться хоть сейчас, но если угодно погостить у меня, не буду возражать.

Соблазн был велик. Ветрову основательно измучили бесконечные дороги. Разве плохо погулять по утесам в обществе Ангела, успокоить взбудораженные эмоции, полюбоваться восхитительными видами, рассмотреть как следует воздушный замок? Вряд ли такая возможность выпадет в дальнейшем. Покусав губу и печально вздохнув, Юля покачала головой:

— Я мечтаю вернуться домой. Этот мир чужой для меня.

— Мне это известно. Ты правильно поступила, что доверилась. Иначе у меня не было права помочь.

Нимфа обняла Юлю и погладила ее волосы. От этих прикосновений стало очень хорошо, и девушке на миг показалось, что скоро все разрешится. Однако радость была преждевременной. Путаница мешала Ветровой по-прежнему. Однако нимфа объяснила, как можно вернуться домой навсегда, а не во сне.

— Хотите сказать, — уточнила Юля, — что независимо от Ясной зари, я смогу остаться в своем мире, а не скакать туда-сюда?

— Все верно. Юлла мечтает попасть в чертоги Праматери. Это ее право. Но и ты не должна жить здесь вместо нее.

— Как это сделать? — нетерпеливо наседала Ветрова.

— Ты знакома с понятием «захватывает дух»?

Юля прищурилась, размышляя. Пожалуй, она знакома. Первые воспоминания о том, как перехватывает дыхание и одновременно душу переполняет восторг, были связаны с отцом. Он любил подбрасывать четырехлетнюю дочурку, а та визжала и смеялась одновременно.

— Надо, чтобыхватило дух? Как это сделать?

— Любым доступным способом. Однако прежде освободись от Путаницы. Тут я бессильна. Это лекарская магия. Обратись к нижним.

Ветрова растерянно моргала, слезы наворачивались на глаза.

— Я н-не не знаю, как это сделать. Мне н-нельзя говорить о том, что я Призванная.

Нимфа кивнула:

— Ни в коем случае. Не следует раскрывать причину твоего обращения к целителю. Скажешь, что тебя отравили, попросишь очистить тело от яда.

— Но Дюгор сказал, что не сумеет мне помочь.

— Хм... — нимфа нахмурилась. — Старый лгун! Именно он в свое время помог жене моего праправнука, — увидев как вытянулось Юлино удивленное лицо, она пояснила: — Еще до рождения Ясной зари Тиннет Аполл пытался отравить Райду. Дюгор тогда служил дворцовым лекарем и спас ее.

— Что вы говорите! — всплеснула руками Ветрова. — Но почему тогда не судили этого мерзавца?

Нимфа пожала плечами:

— Подозреваю, что Ник и сам предпочел бы стать вдовцом. Во всяком случае, наказал он не отравителя, а лекаря. Вижу, ты ошеломлена моими откровениями, детка! — Рассказчица снова обняла Юлю, погладила по плечу и мягко проговорила: — Это давняя история.

Девушке стало жутко от услышанного. Она механично двигалась, следуя за хозяйкой замка, и только оказавшись в трапезной за огромным овальным столом, уставленным яствами и напитками пришла в норму. Принимали ее здесь как родную, хотя это было не так.

Зал для праздничных обедов оформили в сиреневых тонах. На шелковых обоях прослеживался серебристый зигзагообразный рисунок, напоминавший следы капель дождя, стекающих по оконному стеклу. Ковер рассекали ветвящиеся фиолетовые и огненно-рыжие молнии. Мраморный стол поддерживал общее впечатление. На вырезанных из камня скамьях, к счастью, лежали пуховые подушечки. Усевшись на одну из них, гостя порадовалась, ее несколько напрягала любовь обитателей Грозных утесов к прохладе.

— Приятной трапезы, сестры! — благословила собравшихся хозяйка, — хочу представить вам дальнюю родственницу, проездом посетившую Грозные утесы.

Юля нервно кивнула. Не нее устремились взгляды одиннадцати женщин. Их улыбки отличались: были приветливые, настороженные, скептические, доброжелательные, любопытные. В лицах не прослеживалось родственных черт, как можно было ожидать от тех, к кому обратились «сестры». Кроме того, все сотрапезницы были на вид тридцатилетними, как и сама хозяйка. Пока Ветрова строила предположения, не в секту ли вечной молодости она попала, объяснение нашлось само собой. Гостью угораздило явиться на ежегодный слет нимф. Минут через пять о «дальней родственнице» все позабыли, углубившись в обсуждение насущных проблем, связанных, как не сложно догадаться, с бестолковостью «нижних» — так называли обычных людей.

Гостю ничего не оставалось, как налегать на поданные к холодному зеленому чаю сладости, на виноград трех десятков сортов и сочные податливые груши. Наевшись чуть ни до икоты, Юля заскучала.

— Прогуляюсь, пожалуй, — шепнула она хозяйке замка и тихонько выбралась из-за стола. Бегства ее, кажется никто и не заметил.

У выхода Юлю поджидал Ангел, чему она несказанно обрадовалась.

— Показать тебе Грозные утесы? — спросил он. — Или предпочтешь отправиться в спальню? Я провожу.

— Там такой же дубак?

— Кх-кх, — подмигнул ей фитр, — мы привыкли к такому. Признаться, жить у нижних было тяжело. Мы страдаем от жары и сухости.

— Ну... — пожала плечами девушка, — я-то не в рабстве. Отправлюсь, пожалуй, восвояси. Тем более, мне здесь не особенно-то и рады. — Фитр хотел возразить, но Юля остановила его небрежным жестом: — Мне нужно найти кого-нибудь, обладающего лекарской магией. Подскажи, как мне спуститься в монастырь. Там осталась моя карета.

— Я отнесу тебя. Поверь, я так благодарен за...

— Да ладно, — махнув рукой, засмеялась Ветрова, — доставишь на равнину, и мы в расчете. Только неловко как-то садиться верхом.

Ангел улыбнулся и подхватил девушку на руки:

— Держись за шею.

Снова Юлю обдало прохладной свежестью и запахом озона, но на сей раз вместо восторга это вызвало желание поскорее оказаться в тепле. По мере удаления от замка очертания фитра таяли, на землю Ветрова ступила прямо из воздуха. Правда, в монастыре это никого не удивляло.

— Прощай, Ангел, — прошептала Юля, утирая нежданную слезу.

— Прощай, лучшая девушка из всех миров, — послышался удаляющийся ответ.

Кучер как знал, когда пассажирка вернется. Он успел почистить лошадей, задать им корма, напоить, дать поваляться на травке и снова запрячь. И если до этого момента Ветрова не приняла решения, попроситься ли на ночь в монастырь или ехать в город, где ждет Элих, то теперь отправилась в путь без сомнений.

Настоятельница вышла проводить. Пожелала удачи, обещала молитвенную поддержку.

— Большое спасибо, — не сдержав скептической интонации, сказала Юля.

— У тебя все получится, — благословляла путницу прапрабабка Юллы, все еще строя из себя прозорливицу.

Все дорогу до места Юля печально смотрела на крадущееся к горизонту солнце. У края земли, она стало гигантским темно-оранжевым шаром. К счастью, карета приближалась к первым постройкам, а значит, они попадут в гостиницу до темноты. Как было бы хорошо встретить там Илью! Элих тоже неплох, но Юля так скучала по своим!

Дом, где обычно останавливались паломники, держал крепыш с абсолютно лысым черепом. Он был смешлив и казался неадекватно счастливым. Едва Ветрова перешагнула порог, Боровичок — так ей захотелось называть этого человека — кинулся навстречу, распахнув объятия.

— Ясная заря! Наконец-то!

Обниматься он не стал, но своими незавершенными действиями весьма позабавил Юльку. Настроение уставшей путницы приподнялось.

— Здравствуйте, — сказала она с улыбкой, — меня должны ждать...

— Да-да! — вскричал Боровичок. — Господин Элих снял для вас апартаменты, а сам ютится в кладовой. Знаете ли, места у меня не так много, а путешествующих предостаточно. Следующей весной придется делать пристройку.

— Ясно, — кивнула Ветрова и, поднимаясь на второй этаж, обернулась: — скажите, пожалуйста, Элиху, что я здесь.

Игнорируя нескончаемый поток восторгов, изливаемый хозяином гостиницы, Юля прошла в приготовленную для нее комнату. Дорогу показывала шустрая девчонка с тощими косицами, то и дело шмыгавшая носом. Пробежав впереди постоялицы, служанка показала умывальню, кровать под балдахином, закуток с обеденным столом и обещала принести вещи из кареты.

— Не нужно, — отказалась Ветрова. — Обойдусь тем, что есть.

Она привыкла не располагаться надолго, приготовив узелок с пижамой и домашней обувью. От ужина она тоже отказалась.

Как только служанка помогла гостье снять верхнюю одежду и юркнула за дверь, пришел Элих. Он встал в дверях и низко поклонился:

— Здравствуйте, Ясная заря.

— Мы переходили «на ты», — строго заметила Юля, жестом приглашая парня занять кресло у камина.

Элих послушно сел, вытянул ноги к огню. Минуты три молчали, наслаждаясь идущим от пламени жаром. Юлька замерзла в Грозовых утесах и устала в дороге, Элих застыл в не отапливаемой каморке, где провел почти неделю. По мере того как огонь угасал, беседа разгоралась. Ветрова пропускала мимо ушей вопросы, в основном расспрашивала сама. Постепенно ей открылась вся картина поисков Ясной зари.

Побег стал для Райды полной неожиданностью. Правительница была уверена, что Призванная не представляет, где находится тайный ход. Искали пропавшую по всему дворцу. Наконец, обнаружили исчезновение фитра. Берта никак не связали с Юллой, считалось, что этот претендент отправился на поиски правителя, как и остальные. Поисковик Ватс-старший помочь не сумел. Он предположил, что на Ясную зарю, как и на ее отца наложены анти-поисковые щиты. Лучистая радость, в отличие от него, прекрасно понимала, что сбежавшая самозванка не обладает магией, поэтому девчонку и не найти таким способом. Сориентировались на фитра. Его следы обнаружили сначала на границе Росистых лугов и Темных чащоб, но вскоре стало понятно, что он направляется на родину. Необъяснимым казалось то, что беглянка не отправилась в Грозовые утесы напрямик. Решили, что Ясная заря сначала имела другие планы, а потом передумала.

Все выяснилось. По крайней мере, так казалось на тот момент, Элиха снарядили в погоню.

— Ты летел на фитре? — догадалась Ветрова.

— Да. Мчал словно на хвосте висит стая драконов. Захватывающее, скажу тебе, получилась путешествие. Грозовые утесы со стороны Росистых лугов отвесные и высоченные. Когда взмыли к вершинам, у меня в ушах такой шум стоял, как будто гномы камень долбят. Я уж было подумал: вот

почему Ясная заря предпочла другой путь. Но оказалось, что ты просто освободила своего фитра.

— А еще что тебе нимфа рассказала?

— Ничего особенного. — Элих наклонился, пошевелил кочергой угли, бросил в камин несколько поленьев. — Посоветовала ждать тебя здесь.

— Знаешь мой секрет? — спросила Юля напрямик.

Парень нахмурился, вздохнул и опустил голову:

— Ты выбрала жениха?

— Нет! — Юлька рассмеялась. — Один другого лучше, как тут выберешь?

Элих встал с кресла и опустился перед девушкой на колени:

— Лучистая радость умоляет тебя вернуться во дворец. Она готова отменить отбор.

Ветрова даже присвистнула от удивления, с усмешкой поглядывая на коленопреклоненного богатыря. Элих посмотрел ей в лицо, она улыбнулась и сказала:

— Мне срочно нужен целитель.

— Болееешь? — подался вперед парень.

Юля отрицательно покачала головой:

— Дюгор в последнюю нашу встречу обманом всучил мне вредные капли. Короче, я долго не протяну. Надо вывести это вещество из организма.

— Постой, Юлла! — вскочил парень, — я, наверное, смогу помочь.

— В смысле? Ты владеешь лекарской магией? — она тоже встала.

— Конечно! Ты же сама подсказала мне тогда на последнем испытании. — Неожиданно для девушки и для себя самого Элих стиснул Юльку в объятьях. Та не вырывалась, настолько была поражена. — Я бросился в дом Дюгора. К счастью там нашлось множество книг по лекарскому делу. Я захватил несколько с собой в путешествие и, пока ждал тебя, изучал.

— И чего нарыл? — с неохотой отстранилась Юля. В объятьях богатыря было уютно, но мысли путались, а надо все серьезно обсудить.

— Мне попадался очищающий обряд. Эта книга здесь. Мы с тобой проведем его, как только соберем нужные ингредиенты. В запасах Дюгора их полно, я не догадался взять.

— Жаль... — Юля вздохнула и одобрительно погладила Элиха по плечу, — но все равно, круто, что не придется обращаться к другим. Тебе я больше доверяю.

В путь отправились спозаранок. Элих надеялся успеть на воскресную ярмарку в портовый город и закупить все необходимое. В дороге Юлька то дремала, то глазела в окно. Спутник штудировал книги Дюгора. Иногда он зачитывал выдержки, показавшиеся ему интересными. Ветрова слушала рассеяно. Теперь, когда до возвращения домой оставалось не так много времени, минуты казались часами, а сутки неделями. Иногда Юля начинала мысленно беседовать с отцом, с мамой, с Элеонорой и Сашей. Спohватившись, заставляла себя сменить тему и размышляла о колледже: сумеет ли она нагнать сокурсников. Любопытно было узнать, как сложились отношения Дины и Сергея, не скучают ли по уснувшей подружке Вита, Оксана и Рита. Но главной заботой было: жива ли она там у себя?

Гостиницы Ситла, куда они прибыли под вечер субботы, были переполнены. Пришлось остановиться в пригороде. Ушлый купец сдал путникам каретный сарай по цене пятизвездочного отеля. Ветрова была рада и этому, диваны экипажа надоели до крайности. Из купеческого дома принесли аляповатую шелковую ширму и скрипучую кушетку, так у девушки появился свой угол. Мужчины спали на кучах старого тряпья, брошенных на пол.

Утром Элих отправился на ярмарку, кучер в харчевню, а Юля на побережье. Она нашла укромную бухту, спустилась к воде и просидела там почти весь день: наслаждалась мягким солнечным теплом, вдыхала запах йода и соли, слушала шум прибоя и строила планы, как следующим летом поедет на море. Надеялась уговорить мамочку. Ираида Петровна много лет проводила отпуск на даче у сестры — сэкономила. Хотя наверняка мечтала о путешествиях.

Вернувшись в сарай, Ветрова застала новоиспеченного лекаря колдующим над кособоким котелком. Лаборатория, устроенная на старой телеге, смотрелась комично, однако сосредоточенный вид Элиха не позволял усомниться в результате. Парень подсыпал порошок то из одного, то из другого мешочка в мутную, пахнущую смесью трав жидкость, шептал заклинания, помешивал, снова подсыпал. Ветрова невольно залюбовалась его одухотворенным лицом. Она села на чурбак и терпеливо ждала завершения процесса подготовки целебного зелья. Вот жижа в котелке забурлила, вспенилась и побежала через край. Элих удовлетворенно кивал, поглядывая в раскрытую книгу. Так и должно быть. Пена схлынула, зелье приобрело золотистый оттенок, став абсолютно прозрачным.

— Дыши!

Юлька с удивлением смотрела на котелок, поставленный ей на колени:

— Вдыхать и все? Пить не надо?

— Можно и выпить, — кивнул Элих, — эффект наступит быстрее, но ты ослабеешь, а нам пора в дорогу. Просто дыши.

Девушка послушно потянула носом. Приятно пахло грейпфрутом, чуть отдавало сельдереем, ощущались нотки имбиря, клюквы, ананаса. Ну и намешал! Продолжая вдыхать разнообразные ароматы, Юля наблюдала за Элихом. Он спешно укладывал вещи.

— На ночь глядя поедем? — удивилась она.

— До сумерек еще часа три, — ответил парень, — переночуем в деревне по-человечески. Ясной заре нужны нормальные условия, а не...

Последнего слова Ветрова не расслышала, переспрашивать не стала, но не преминула возразить:

— Да ладно, подумаешь. Потом, кучер еще не вернулся.

— Я сам буду править.

— Погоди-ка, — девушка перестала дышать над зельем, — нельзя его бросать!

Элих выпрямился, едва не касаясь головой балки, огляделся, проверяя, все ли собрано, почесал затылок и вздохнул:

— Хорошо. Сбегаю в ближайшую харчевню, если он там, приведу за шкурку. Дыши пока!

Оставшись одна, Ветрова взяла котелок и поднесла к губам. Хотелось попробовать варево на вкус. М-м-м-м... очень даже ничего, освежающий компотик. Отпила немного. Вполне. Еще глоток. Стены покачнулись и медленно пошли по кругу. Хм. Как бы ни упасть с чурбака. Предупреждал ведь Элих! С другой стороны... Можно вздремнуть в карете, подумаешь слабость! Юля успела выпить треть. Замерла, услышав голоса. Один казался знакомым. Ах да! Этот куркуль, что сдал им сарай. Девушка вглядывалась в появившуюся прямо перед ней фигуру купчишки, едва различимую в тумане. Мужчина указывал на нее и кричал:

— Вот она! Хватайте скорее!

— Кого хватать? — еле ворочая языком, спросила Ветрова.

Ей никто не ответил. Из окутавшей внутреннее пространство сарая дымки выросли крепкие парни и приподняли Юлю подмышками. Попытка вырваться ни к чему не привела. Девушку бесцеремонно волокли к выходу. Юля кричала, но из горла выходил лишь сдавленный сип. Хозяин сарая семенил следом и приговаривал:

— Говорят, что Ясная заря, а где тогда фитры, скажите на милость? Я сразу понял, что дело не чисто!

«Кажется, меня сдали», — подумала Ветрова и отключилась.

Сколько прошло времени с этого момента, она не представляла. Проснулась в комнате с крошечным окном под самым потолком. Пробивавшийся сквозь грязное стекло свет мог быть как утренним, так и вечерним. Села на жестком ложе, осмотрелась.

Серые стены, местами осыпавшаяся штукатурка, дощатый пол со щелями в палец толщиной. В противоположном углу дверца с вырезанным сердечком, по-видимому «удобства», а по центру смежной с кроватью стены — дверь с закрытым ставенкой проемом и полочкой под ним. Рядом грубо сколоченный стол и шаткий табурет.

Словно отозвавшись на Юлькин взгляд, ставенка отодвинулась, и на полку кто-то невидимый

поставил глиняную миску.

Это тюрьма! Одинокaя камера. Юля встала и пошатываясь пошла к двери. Спала она в одежде и в обуви. Вероятно, притащили ее сюда без сознания, а раздевать не стали, что, несомненно, радовало. Но только это. В остальном дела ее — хуже некуда.

Забрав миску, выглянула в проем. Там маячила усатая, скуластая физиономия.

— Поешь, сердечная, пока горяченькое, — сказала физиономия. На полке, звякнув, появилась ложка.

— Спасибо, — Юля взяла и ложку, — а за что меня, не знаете случайно?

— Так за что? — тюремщик пожал плечами. — Призванная, говорят. Ты не бойся, может, еще отвертишься на суде-то. Ешь.

Ставенка захлопнулась.

— Отвертишься, как же! — вздохнула Ветрова, усаживаясь за стол.

Слабость еще не отпустила, хотя головокружение прекратилось. Ни о чем не думая, арестантка принялась за еду. Лапша с микроскопическими кусочками куриного мяса — не худший вариант, хотя Юля недолюбливала это блюдо. Интересно было бы узнать: когда состоится обещанный суд.

По жуткому чувству голода Юля определила, что схватили ее не вчера. Она выскребла все до последней лапшинки и, обслюнявив палец, собрала им крошки хлеба со стола. Мама, увидев такое, припомнила бы, как дочь крутила носом над тарелкой супа с курицей.

Тюремщик, забирая посуду, спросил, не надо ли еще чего. Ветрова попросила чаю. Усатый кивнул и вскоре принес керамическую кружку с горячим напитком. О чудо! Там даже плавал кусочек лимона. Обхватив сосуд ладонями, девушка прохаживалась по комнате и наслаждалась вкусом и ароматом, отхлебывая чай маленькими глотками. Заварили смесь трав, Юля улавливала нотки мяты, смородины, малины. Это напомнило дачу тети Лизы, любительницы составных чаев. Вот бы хорошо оказаться там, пусть даже промозглым осенним днем, посидеть на веранде, послушать, как долбит дождь по крытой металлом крыше. Погрузившись в воспоминания, узница отвлеклась от действительности. Сил на рассуждения о предстоящем суде и возможном приговоре у нее не нашлось. Виной было выпитое зелье, но жалеть об этом не стоило, ведь «надышаться» средством для очищения от Путаницы она б не успела. А так есть надежда, что при самом худшем варианте, она выскользнет из тела Юллы и найдет дорогу домой. В том случае, конечно, если неопытный лекарь сделал все правильно. Покончив с чаем, девушка продолжала ходить кругами, в такт шагам напевая «Скованные одной цепью, связанные одной целью...».

Снова скрипнула створка, охранник заглянул в камеру и полюбопытствовал:

— По каковски это ты?

— Так... — неопределенно махнула рукой Ветрова, опасаясь ненароком подтвердить обвинения в том, что она не Юлла, — детская считалка. Бессмыслица. — Она вернула кружку и сердечно поблагодарила мужчину: — не думала, что в тюрьме так вкусно кормят!

Тюремщик улыбнулся, показывая крупные желтоватые зубы:

— Жена приготовила. Жалеет Ясную зарю, вот и попросила покормить домашним. С этой-то кормежки ноги еще до суда волочить не сможешь!

Уловив сочувствие в словах мужчины, Юля наклонилась и взглянула ему в лицо:

— А другие что говорят?

Тот строил серьезную мину:

— Одни верят, что ты — наследница трона в Росистых лугах, а другие сомневаются. Не должна де принцесса бегать туда-сюда без дела. Да еще в карете.

— Правитель, значит, может путешествовать годами, а дочери его не позволено? — Ветрова распрямилась, уперев руки в бока.

— У него фитры, — покачал головой тюремщик.

Он собирался закрывать ставенку, но Юля помешала:

— Суд когда? Скажите, пожалуйста.

— Завтра, — ответил мужчина печально. — Тебе, может, одежды какой принести? Это больно чудная.

Ветрова, поблагодарив, отказалась и, как только оконце закрылось, осмотрела себя. С сожалением вспомнила, какой свежей была, покидая Грозовые утесы. Там сама атмосфера действовала очищающее. И тело было как новенькое, и наряд — словно только что выстиран и выглажен. При аресте джеггинсы основательно запачкались, а рубашка порвалась. Охранник прав, такую замарашку трудно принять за принцессу. Остаток дня занималась приведением одежды в порядок. Отряхнула пыль мокрыми ладонями, благо за дверцей в углу кроме туалета нашелся и умывальник. Потерла и поскребла ногтем загрязнившиеся места. Рассматривая порванный подол рубашки, некоторое время размышляла. Нашла дизайнерское решение: равномерно надорвать по кругу, чтобы получилось нечто типа бахромы. Результат не разочаровал. Долго занималась волосами. Из-за потери шпилек и заколок, пришлось заплести косу, предварительно распутав свалявшиеся колтуны. Зеркала в комнате не было, но вообразив получившийся эффект, Юля осталась довольна.

Ужин оказался еще вкуснее обеда. Тюремщик передал супруге благодарность от Ясной зари, и та расстаралась.

— Меня так только по праздникам кормит! — посмеивался усач, выкладывая на полочку румяные пирожки, имбирные пряники, засахаренные орешки. — Да я не в обиде, не думай. Сласти — это девчонкам. Нам-то соленое да копченое подавай. С дымом, с горчинкой!

Доброе отношение охранника и его семьи внушало надежду: вдруг все обойдется? Выпив две кружки чая и умяв лакомства, Юлька решила все отрицать на суде. Какие у них могут быть доказательства? Никаких. Только Райда и Дюгор знали правду. Эти вряд ли будут свидетельствовать против себя, даже если их вызовут.

Спала плохо. Забывалась на минутку-другую с перерывами на долгие размышления. Сон сморил под утро. Скрежет железного засова заставил вскочить. Ветрова не сразу поняла, где находится. Озиралась, словно персонаж компьютерной игры в новом помещении. Наконец глаза сфокусировались на сухопаром мужчине в длиннополом камзоле. Тот представился секретарем суда и предложил следовать за ним.

— Умыться-то хоть можно? — дерзко глядя на похожего на клюшку человека, спросила арестантка.

Тот повел длинным носом в сторону заветной дверцы и, скрестив руки на груди, приготовился ждать. Как ни тянула время Ветрова, пришлось идти. Дорогу она не запомнила. То ли от нервов, то ли от недосыпа, Юлю одолела зевота. Даже хруст раздавался в челюсти, так широко девушка раскрывала рот. В просторном зале суда подсудимая продолжала зевать, прижав ладошку к нижней части лица. «Что за напасть!» — думала она осматриваясь.

Из-за длинного стола на возвышении виднелись спинки кресел — пять штук. Ближе к дощатой скамье, куда усадили Юлю, стояли две конторки. На одну облокотился коренастый человек с окладистой седой бородой и коротко постриженными волосами, около другой замер гладковыбритый кудрявый юнец, едва ли старше двадцати лет.

Мест для зрителей предусмотрено не было. Ни пожалеть об этом, ни обрадоваться Ветрова не успела. Дверь в стене за длинным столом распахнулась, и вскоре в креслах расположились мужчины, одетые в форменные камзолы, такие же, как на секретаре, только украшенные золотыми шнурками вокруг петель.

Зазвенел колокольчик. Заседание началось.

Секретарь долго и нудно зачитывал мудрено составленный текст. Всем, кроме Юли обстоятельства дела были знакомы. Она же тщетно пыталась сосредоточиться и уловить смысл обвинений. Поняла только, что полномочия присутствующих судей весьма высоки. Эти люди напрямую подчинялись высочайшему совету магов — органу, контролирующему деятельность одаренных независимо от их гражданства. «Дело Ясной зари» рассматривалось не впервые. Некий провидец сообщил совету о совершенном призыве чужой души в тело принцессы, а бегство Ветровой из Росистых лугов подтвердило его слова. За поимку Призванной объявили награду. Высокий статус потерпевшей оказался отягчающим обстоятельством: магическое преступление приобретало политический налет.

Подсудимую предупредили, что среди судей есть человек, способный отличить ложь от правды, поэтому, если она не хочет навредить себе, должна отвечать на вопросы честно.

Ветрова внимательно взгляделась в лица, задержавшись на крайнем правом. Мужчина едва заметно кивнул. Вероятно, тот самый, о котором говорили.

Юнец за конторкой оказался защитником, а седобородый — обвинителем.

— Назовите свое имя, — обратился к Ветровой сидящий по центру мужчина с одутловатым лицом и

темными кругами под глазами.

— Юл-ля-а, — невнятно произнесла она, покосившись на «правдолюба».

Тот сложил ладони лодочкой, сосредоточенно глядя прямо перед собой.

— Ваш титул? — продолжал спрашивать одутловатый.

— Меня называли Ясной зарей, — честно ответила Юлька.

Губы «детектора лжи» чуть заметно дрогнули, но позы он не поменял. Остальные удовлетворенно закивали.

— Имя вашей матери?

— иРАИДА.

— Как зовут отца?

— НИК-олай.

Она выделяла голосом нужные и «глotala» ненужные слоги. Пока все получалось. Сидящий справа человек по-прежнему не смотрел на нее. Хотелось верить, что он принимает ответы.

Главный обратился к обвинителю:

— Самое время выслушать вашего свидетеля.

— К несчастью, — медленно заговорил тот, — мой свидетель сошел с ума. — Все, включая обладателя магии определения правды, посмотрели на седобородого. Тот развел руками: — В тот же вечер, когда арестовали девушку, случилось это несчастье. Господин Сальетти никого не подпускает к себе, кричит и мечется. Его держат взаперти, опасаясь, что он покончит с собой или причинит вред домашним.

— Погодите-ка! — фальцетом вскричал защитник. — Не был ли этот Сальетти психом, когда писал донос?

Обвинитель поднял с конторки и показал присутствующим испещренный мелкими буквами лист:

— Вот письмо, на основании которого свидетель сделал выводы. Нет, мой друг, — улыбнулся он кудрявому, — болезнь случилась после проклятья, произнесенного постояльцем. Неким Элихом, секретарем Лучистой радости.

— Это не доказано, — подал голос «детектор лжи», — по свидетельству знающих людей Элих не обладает магией.

Все посмотрели на Юльку. Она пожала плечами:

— Матушка не позволила Элиху участвовать в отборе из-за этого.

Ее ответ удовлетворил всех, кроме обвинителя.

— Позвольте зачитать! — он потряс бумагой.

— Главный протянул руку:

— Дайте-ка. Мы умеем читать.

Секретарь подскочил к седобородому и отнес письмо на длинный стол.

Центральный судья и два его соседа углубились в изучение документа, потом передали его направо для экспертизы. Юля окончательно проснулась. Она вытягивала шею, пытаясь разглядеть письмо: кто бы его мог отправить купчишке? Довольно скоро получила ответ. «Правдолюб» выразил сомнения, что стоит принимать написанное в расчет:

— Служанка из «Виноградной лозы» всего лишь сообщает родственнику, что его лучистость холодно проводил свою дочь.

— Она пишет: «Как неродную»! — поднял указательный палец обвинитель. — Как неродную, прошу обратить внимание.

На лицах судей появилось скучающее выражение.

— С тех пор, — заговорил главный, — как объявили награду за поимку Призванной, у нас уже десятый донос. Если так пойдет дальше, мы казним половину молодых женщин.

— Да-а, — закивал его сосед, — жаль, что Дюгор так и не сознался.

— Но здесь-то все сходится! — обвинитель указал на Юлю, от его тона у нее мурашки побежали по плечам. — Дюгор долгое время жил в Росистых лугах.

— И был изгнан еще до рождения Ясной зари, — вздохнул председатель.

Мужчины за длинным столом активно общались, словно позабыв о подсудимой. Она сидела, сжав руки между колен, и покачивалась, размышляя: что могло произойти с шаманом. Неужели он поплатился жизнью за свой поступок? Спрашивать она не решилась.

— А фитры? — кричал обвинитель. — Как же фитры? Потомки Нимфы Грозовых утесов никогда не путешествовали на лошадях!

— Вы можете ответить на вопрос обвинения? — обратился к Ветровой центральный судья.

— А? — очнулась та. — Какой вопрос?

— Что случилось с вашей магией?

Юля молчала, рассматривая обращенные к ней лица. Что говорить? Как не соврать и не подставиться?

— С моей магией ничего не случилось, — негромко сказала она.

«Правдолюб» смотрел на свои ладони. Председатель уточнил:

— Где ваш фитр, Ясная зари?

— Я его отпустила на границе Темных чащоб.

— Он сбежал, — назидательным тоном поправил ее обвинитель, — потому что девушка самозванка и не обладает магией подчинения фитров.

— Она его отпустила, — заступился за Юлю «детектор лжи». — Это правда.

— Почему же? — раздалось сразу несколько голосов.

— Узнала, что фитры разумны, и сочла невозможным держать их в рабстве. Я бы всех отпустила, но мне никто не позволит. Вот и распорядилась своим личным. Его зовут Ангел.

В зале стало тихо. Все мужчины смотрели на подсудимую, словно прикидывая: ненормальная она или притворяется.

— Во всяком случае, — подал голос правый судья, — она искренне верит в то, что говорит.

Ветрова взволнованно мяла пальцы. Ее оправдают? Отпустят? Неужели все позади! Однако вердикт председателя оказался неожиданно суровым:

— Поскольку мы не можем быть до конца уверенными в том, что девушка не Юлла, как и в том, что она Юлла, предлагаю назначить испытание. — Он победно оглядел присутствующих и завершил речь: — Оставим ее на верхней площадке башни, пусть призовет Ангела. Если завтра утром фитры не прилетят за своей хозяйкой, состоится казнь. — Он обернулся к побледневшей Юле: — Предпочтете повешение или сожжение?

Девушка встала:

— Предпочту остаться в живых!

— Вот и хорошо, — председатель позвонил в колокольчик.

Юлла

Неужели это все? Стучат топоры, плотники готовят место казни. Мой жизненный путь прервется завтра.

На суде Призванная сохраняла достоинство: не умоляла о пощаде, но и не подтвердила подозрения. Я благодарна ей. Нам дали шанс. Хочу ли я вернуться в свое тело? Еще вчера я бы отказалась, а сегодня не знаю. Обиды на матушку, лелеянные годами, теперь выглядят детскими капризами. Как ей было тяжело жить в страхе за себя и за единственного ребенка! Если нимфа права, опасения эти

оправданы. Неудивительно, что стараясь сохранить наши жизни, Лучистая радость согласилась на условия Тиннета Апола. Брак его сына и Ясной зари хотя бы немного обезопасит нас. Вернее нет, этот брак уж точно сохранил бы меня — обладательницу магии подчинения фитров.

Неловко вспоминать, как я мысленно укоряла мать за ее властность, только этим качеством объясняя бегство отца. Призванная открыла мне другие причины. А еще она показала, что в противовес неблагоприятным свершениям одних существуют благородные поступки других. Нужно было просто стать другим человеком: отринуть стереотипы, простить близких, взглянуть на происходящее другими глазами. Так сделала Призванная, и она победила. Победа умрет вместе со мной, горько это осознавать. Мне бы хотелось обнять Берта, Арыка, Ватса и, конечно, Элиха. Я верю, что он действительно обрел магию, и рада, что Призванная успела выпить зелье. Надеюсь, она вернется в свой мир. Мир, населенный сильными, добрыми людьми, они не подчиняются обстоятельствам, предпочитая действовать, искать, не сдаваться.

Опять ною? Мой мир тоже неплох. Жаль, что оставить его придется, так и не почувствовав благодати взаимной дружбы и любви, так и не примирившись с теми, кто заслуживает моего расположения. Прежде всего — с матушкой.

Как бы хотелось попробовать... Ощутить вкус самостоятельных решений. Сделать что-то по велению сердца, не оглядываясь на правила. Что-то прекрасное. Дать свободу фитрам, например.

Печальная мысль пришла ко мне: если бы мой фитр сопровождал нас, мы бы вернулись в Росистые луга. И я осталась жить. Неужели свобода Ангела стоит жизни Ясной зари?

Ах да, я несправедлива. Пытаюсь оправдать собственное малодушие чужими промахами. Я имела единственную подругу и, заподозрив ее в предательстве, воспротивилась призыву шамана. Мне казалось проще оставить все как есть и не возвращаться к беспросветному существованию. Меня умоляла матушка, уговаривала Призванная, но я упрямилась. Теперь... Смогу ли я вернуться теперь?

— Усни, прошу тебя! Что ты мечешься?

Она не слышит. Меня никто не слышит, даже фитры. Попытки призвать их были глупой затеей.

— Дорогая моя подруга, мы проведем последние часы на продуваемой смотровой площадке маяка — самой высокой башни на побережье. Будешь ли ты скучать по моему миру там у себя? Буду ли я скучать по нему в чертогах Праматери?

Не спит. Ходит вдоль ограждения, заглядывает в узкие проемы. Что она хочет увидеть? На юге — море. Чуть в стороне можно разглядеть бухту, где стоят на причале рыбацкие баркасы. На западе — спящий Ситл. Где-то там горюет Элих. Как ему оправдаться перед Правительницей! Лучистая радость не простит гибели дочери, ведь она надеялась, что рано или поздно я вернусь...

Как я хочу вернуться!

Призванная кутается в плед, принесенный добрым охранником. Она зябнет. Пытается согреться, совершая смешные движения: прыгает, приседает, снова ходит. В очередной раз обошла площадку. Зачем она карабкается вверх? Хочет прыгнуть со стены?

— Постой! Не надо, прошу...

Не слышит. Решила прыгнуть? Надеется, что вернется домой, как только мое тело превратится в мертвую плоть? Я готова умолять не делать этого. Быть может, судьи еще отменят казнь. Всякое может случиться!

Она машет руками. Кричит. Зовет кого-то.

Я тоже вижу приближающуюся точку. Человек на фитре. Кто это?

Мой брат. Санш.

У меня есть брат, он прилетел, чтобы спасти нас.

Призванная садится на ковер позади Санша, обнимает за талию и прижимается щекой к его спине. Фитр взлетает. Меня тянет следом. Тело всегда тянет меня за собой. Призванная что-то кричит Саншу. Ветер относит слова, я не слышу. Брат спорит, она настаивает. Делаем круг над городом и направляемся на север, к виднеющимся на горизонте скалам.

Как давно я не поднималась так высоко! Путешествие от Грозových утесов до Ситла показалось мне бесконечным. Не представляю, как Призванная выдержала выпавшие на ее долю испытания. Я бы не смогла. То ли дело полет! Нет, я бы ни за что не отпустила Ангела на свободу!

Фитр опускается на треугольный уступ. Призванная соскакивает и пытается стащить ковер на камни. Санш тоже спешил и удерживает ковер на спине фитра. Спорят. Кричат. Призванная рыдает. Наконец мой брат уступает и послушно удаляется за выступ скалы. Теперь Призванная поглаживает его фитра и говорит с ним. Я не понимаю языка. Что она задумала? Меня охватывает тревога. Что ты собираешься делать, подружка? Она отпускает фитра, подходит к самому краю уступа, разводит руки.

Что? Нет! Сейчас прыгнет вниз? Зачем? Неужели, чудом избежав казни, я погибну, разбившись о камни на дне ущелья?

Пытаюсь остановить ее. Не замечает, не слышит. О Праматерь, как мне быть? Не хочу умирать.

Призванная стоит на носочках, глядя в небо, набирает полную грудь воздуха и шагает в пропасть. Я бросаюсь следом быстрее, чем действует притяжение тела. Обхватываю его, пытаюсь остановить падение. Глупо на что-то надеяться, но разум отказывает мне. Мы падаем, серая скала стремительно мчится вверх. Кричу. Я кричу и слышу свой голос! Чувствую прохладное прикосновение. Меня мягко подхватывают, замедляют и останавливают падение. До дна пропасти не больше пяти метров, но подо мной фитр.

— О-о-о! Спасена!

— Юлла? — легкий треск.

— Кто здесь? — мой голос немного хриловат от страха, но он звучит.

— Призванная назвала меня Херувимом, — щелчки и свист. Я понимаю язык фитров? Он спрашивает: — у нас получилось? Ты вернулась, Юлла?

Сжимаю коленями невидимые бока, ощупываю плечи, голову...

— Я вернулась. Благодарю, Херувим. Ты спас меня.

— Это Призванная придумала.

Мы поднимаемся по спирали. Ущелье слишком узкое, фитр не хочет пугать меня резким взлетом. Милый Херувим, я больше ничего не боюсь!

Санш один на площадке. Он помогает мне спешиться, прижимает к себе. Слышу, как сильно стучит его сердце, чувствую терпкий аромат тмина, вспоминаю, что так пахли отцовские объятия.

— Брат, — шепчу я, — спасибо.

— Хорошо, — в его голосе слышатся сдерживаемые слезы, — хорошо, родная. Милая сестра, я рад, что все получилось. До последней минуты не верил.

— Все получилось. Я жива.

Думаю о Призванной. Смогла она вернуться в свой мир? Хочется верить, что у нее тоже все получилось.

Санш отпускает меня и накрывает фитра ковром.

— Полетим?

Я не готова отправляться в путь сию же минуту, опускаюсь на шершавый камень, еще не прогретый утренними лучами, обхватываю колени, как любила делать Призванная.

— Дай мне время. Нужно освоиться.

Брат садится рядом и начинает рассказ.

Элих с кучером, возвращаясь из харчевни, обнаружили у сарая толпу зевак. Очевидцы рассказали о случившемся. Элих бросился в дом купца за объяснениями. Проходимец пересчитывал полученную награду и поглядывал высокомерно:

— Я поймал преступницу, и если не хочешь загреметь как соучастник, убирайся из моего дома!

Парень закричал:

— Ты с ума сошел, подонок! Сейчас же верни деньги и заberi свой поганый донос! Я головой ручаюсь за то, что эта девушка — дочь правителя Росистых лугов!

— Разберутся... Побереги голову... — Сальетти еще что-то хотел сказать, но изменился в лице, швырнул горсть монет в Элиха и закричал дурным голосом.

Разбушевавшийся и крушивший все вокруг купец до смерти напугал домашних. Они и пустили слух о проклятье, наложенном на их родственника постояльцем. Кучер, оказавшийся невольным свидетелем поразившего Сальетти скоротечного сумасшествия, не посмел послушаться Элиха и поскакал в замок Виноградной лозы с его поручением.

Ник, получив известие о суде над Призванной, размышлял недолго. Следующим же утром он выдвинул войско, намереваясь брать тюрьму приступом. К сожалению, фитров у него мало, поэтому Санш вызвался лететь вперед — на разведку.

Тем временем Элих, подкупив секретаря суда, выяснил, где будут держать осужденную в ночь перед казнью. Отбивать Ясную зарю у палача не пришлось. Достаточно было прилететь за ней на верхнюю площадку маяка.

— А дальше ты знаешь, — Санш довольно улыбнулся, — Элих просил доставить тебя на окраину, он ждет в карете, чтобы отправиться в Росистые луга, но я предлагаю лететь в замок. Отец будет страшно рад обнять тебя после долгой разлуки.

Я покачала головой:

— Нет, брат, пусть будет, как сказал Элих.

— Но почему? Погостишь, а потом, если захочешь, я отвезу тебя на фитре до границы, там призовешь...

— Что если Элоия очарует и меня? — Лицо Санша вытянулось, он как будто не понимал, о чем я говорю, пришлось пояснить: — Нимфа Грозových утесом сказала Призванной, что твоя мама обладает магией очарования. Она пыталась оставить меня в замке, однако Призванная не поддалась ее чарам. Я же... Знаешь, брат, быть может папе проще отдать на откуп чувства, сохраняя логику и способность самостоятельно мыслить, но я предпочту влияние матушки. Пусть мне трудно отстаивать свою позицию, я научусь этому, но если я не буду владеть сердцем...

Не находя слов, я развела руками. Брат покусывал губу.

— Ты уверена в том, что все так, как ты говоришь?

— Я пожала плечами:

— У меня нет оснований не верить нимфе. Именно ее подсказка помогла нам с Призванной вернуться в свои тела. Во всяком случае — мне.

— Значит, едешь домой и выходишь замуж?

Я рассмеялась и хлопнула брата по плечу:

— А вот и нет! Матушка обещала отменить отбор. Я сама решу, когда и за кого выходить.

Санш стал серьезным и строго посмотрел на меня:

— Учти, ты никому ничем не обязана. — Перехватив мой недоуменный взгляд, подмигнул: — Не думай, что твой спаситель — Элих. Он, конечно, много сделал, но...

— Мне все помогали, — прервала я брата, — буду слушать сердце.

— Вот и хорошо. — Санш поднялся и размял ноги: — Летим?

— Херувим! — позвала я, — неси меня к Элиху! Я так хочу домой!

Черный космический зонт вращала чья-то невидимая рука. Бисеринки звезд слились в сверкающие концентрические окружности. Хотелось окунуть руки в эту круговерть, замедлить, остановить, пустить в обратную сторону. Но рук не было. Не было ничего: ни голоса, ни слуха, ни обоняния. Разом атрофировались все чувства. Нет-нет, сейчас она очнется. Должна очнуться, не может быть, чтобы все зря!

Блеск исчез, чернота сменилась темнотой. Просто закрыты глаза.

Звуки. Кто-то перебирает струны. Лютня? Санш сидит около разбившейся сестры и сочиняет грустную мелодию? Ля-минор. Да. Ля-минор. Это гитара!

Юлька чуть приоткрыла веки, в щелочку сквозь ресницы увидела коротко остриженного парня,

склонившегося над инструментом. Длинные пальцы уверенно зажимали лады, меняли аккорды. Классно играет, у Юльки с баррэ всегда были проблемы.

Это Саша. Он поет в полголоса:

Вернись ко мне, родная,
Прерви свой сон чудесный,
Печальной этой песней
Зову тебя, скучая...

Юлькины губы дрогнули. Заметив, что Саша смотрит на нее, она зажмурилась.

— Юля! Юля, ты проснулась!

Стукнула поставленная на пол гитара, теплые ладони сжали руку девушки. Она открыла глаза.

— Здр... Кхм-кх-кх... — голос не слушался.

— Сейчас! Вот, воды попей.

Парень помог Юле сесть, подоткнул под спину подушку и снял с головы обруч с проводками, тянущимися к прибору, стоящему рядом с кроватью. Юля сделала глоток, еще один, подержала воду во рту, проглотила.

— Ты давно здесь? — спросила, возвращая бутылочку.

— С утра. У меня увал. Представляешь! Ты кучу времени проспала, а как только я...

Распахнулась дверь, в палату влетела запыхавшаяся Элеонора Давыдовна:

— Кто отключил аппаратуру?

— Мам! — обернулся к ней Саша. — Юлька проснулась! Я пел, а она...

Докторша склонилась над девушкой, не обращая на него внимания:

— Как самочувствие? Что тебя разбудило?

— Норм, — сухо ответила та, — поцелуев не было, если что. Обыкновенно проснулась.

— Каких еще поцелуев? — Элеонора выпрямилась и строго посмотрела на сына.

Тот переводил растерянный взгляд с девушки на мать:

— Н-не... я пел только.

— Что с ней, Эля? — это запыхавшийся отец. — Мне сказали... Доча?

— Привет, па! — Юля криво улыбнулась. — Картина Репина «Не ждали».

Отец и его супруга переглянулись и обменялись неразборчивыми репликами. Юлька спустила ноги с кровати и, как была — в трусиках и едва прикрывавшей попу футболке — прошествовала к стенному шкафчику. Выудила оттуда джинсы, кофту и обернулась к смущенному Саше:

— Ничего, если я при тебе переоденусь. Брат как-никак!

— Ну я... нет. Сводные... но мы же не в одной семье живем, не считается.

— Почему же сводные? — Юлька вдела одну ногу и прыгала, пытаясь попасть в штанину второй. — Единокровные. Так ведь, Элеонора Давыдовна?

Увидев, как побледнел и прижал руку к груди отец, она замолчала. Одевалась, стараясь ни на кого не глядеть. Поскорее бы свинтить отсюда. Неудобно получилось. И чего это ее понесло? Брякнула, не подумав, не успела переключиться, мыслями все еще оставаясь в иной реальности: тревожилась о бестолковой принцессе. Вернулась ли та в падающее тело, успел ли Херувим подхватить ее? Никогда Юля не узнает об этом. Во всяком случае, нимфа обещала, что если «захватит дух», то он потеряет дорогу к телу призыва.

— Мам, что она говорит? — хрипло спросил Саша. — Дядь Коль?

— Я... нет. Мне нужно по делам. Прости, Саня. Пусть мама объясняет. — Отец шагнул к выходу и уже в дверях обернулся: — Юляш, созвонимся.

— Привет, — хмуро ответила Юля.

Она взглянула на докторшу: что это она должна объяснять?

— Саша, сядь, — Элеонора указала глазами на стул, с которого вскочил ее сын, и обернулась к девушке, — и ты садись. Разговор будет долгим.

Юля, комкая в руках куртку, которую так и не успела надеть, опустилась на краешек кровати. Саша сел, упершись локтями в колени и опустив голову.

— Прежде всего, я должна просить прощения у сына, — начала Элеонора Давыдовна.

— Не надо, мам, — выпрямился Саша, — давай не будем устраивать исповедей. Скажи только, Юля действительно моя сестра по крови?

— Да. Но я должна...

— Не должна. — Саша встал и улыбнулся Юльке: — рад иметь такую классную сестричку. А теперь, извини, пойду.

Не глядя на мать, он стремительно вышел из палаты. Элеонора стояла, скрестив руки на животе — прямая, невозмутимая. Молчала, смотрела в окно. Юля кашлянула, напомнив о себе:

— А я бы послушала.

Внутри у нее боролись два желания: как и прежде считать отца порядочным человеком и узнать о нем всю правду.

Элеонора еще в школе твердо решила посвятить себя науке. Способностей хватало не всегда, добирала усидчивостью. Некогда ей было влюбляться, так и прожила до двадцати пяти лет не целованной.

Юле неловко было слушать такие интимные подробности, но перебивать женщину она не решилась.

Перспектива остаться «синим чулком» карьеристку не прельщала. Она со свойственной ей характеру железобетонностью задумала «родить для себя».

Никаких «курортных романов», как поначалу заподозрила Юля, Элеонора Давыдовна не крутила. Тупо обратилась к подруге, занимавшейся ЭКО. Долго подбирала кандидата в доноры, остановилась на симпатичном высоком brunete с необыкновенно высоким IQ и положительными чертами характера.

— Вы хотите сказать, — вытаращила глаза Юлька, — что не были лично знакомы с папой?

— Не была, — ответила со вздохом женщина, — но пользуясь служебным положением, узнала его имя.

— Пойдите! А как он попал в эту базу?

— Коля тогда только начинал свой бизнес. Собирал средства везде, где только мог. В том числе, сдавал материал для ЭКО.

— Фу-у, — нахмурилась Юля.

— Вот и не фу! Зато на свете живет Саша, — назидательно сказала Элеонора, — вполне возможно, что не только он.

— Сюрприз... Это так, прежде чем замуж идти, надо будет экспертизу делать. Вдруг на брата нарвешься.

— Вероятность мала. Хотя... Удивительно вы с Сашей встретились тогда в кафе. — Элеонора сокрушенно покачала головой: — Он нам все про девушку рассказывает, мол, на присягу пригласил, то да се. А потом сообщает, что она в клинике лежит. Удивлялись совпадению: имя, летаргия... А оно оказалось и не совпадением вовсе.

— А как же вы встретились-то с папой? — почувствовав, что разговор сворачивает в сторону,

спросила Юля.

Элеонора прошла до окна, постояла, наблюдая, как ветер гонит тучи на юг, вернулась и села на оставленный сыном стул:

— Прости меня, если сможешь, девочка. Влюбилась я в твоего папу заочно. Так, через ребенка. Сашка забавный рос. Милый, добрый, ответственный, — она улыбнулась, — я умилилась, на него глядя, и мысленно благодарила мужчину, подарившего мне это счастье.

Она замолчала, разглядывая собственные руки и потирая пальцы, такие же длинные и тонкие, как у Саши. Элеонора сохраняла хладнокровие, лицо ее было совершенно спокойным, словно речь шла не о реальных судьбах нескольких человек, а о научной статье с давно известными фактами. У Юльки же внутри бушевал ураган, сдерживалась она лишь потому, что была готова к ситуации, прожив ее в чужой реальности. Девушка боялась даже представить реакцию мамы, окажись та свидетельницей разговора. Пожалуй, в палате, да и на всем этаже не осталось бы ни одного целого стула. И так, папуля предпочел мягкий бриз штормам, променял необходимость отстаивать собственное мнение на иллюзию свободы.

— Вы его искали? — побеспокоила задумавшуюся рассказчицу Юля. — Знали, что у него есть семья?

Элеонора покачала головой:

— Однажды в разговоре с двоюродным братом услышала фамилию Ветров. Захотела его увидеть — понять, тот или не тот. Имя, возраст, место жительства совпали. Внешне он тоже соответствовал прочитанному мной описанию. Брат привел меня на корпоративную вечеринку. Так я влюбилась в реального Николая.

— И сообщили, что у него есть сын?

— Нет, конечно! — возмутилась женщина. — Я не была уверена. Мало ли в жизни совпадений. О том, что Саша его сын, Николай узнал много позже. Он все удивлялся, как мальчишка похож на него, снимки детские мне показывал — одно лицо. Да и привычки, манера говорить... многое. Однажды я призналась, что делала ЭКО. Мальчишке исполнилось двенадцать — переходный возраст, мы решили ему не говорить. Саша до сих пор считал, что биологический отец погиб до его рождения.

Юля рассматривала мачеху, изучая постное лицо — едва промелькнула живая эмоция, как тут же погасла — и размышляла: хотела бы она иметь такую мать? Тишь, гладь... все это отдавало дичайшим притворством. Просто Элеонора хороший психолог. Но как-то не катит: постоянно находиться в гнилом болоте. Уж лучше горный ручей чистых и бурных эмоций. Как она соскучилась по мамочке! Юля встала, набросила куртку и сунула ноги в кроссовки:

— Счастливо оставаться, доктор Ветрова.

— Юля, стой! Нельзя уходить, мы еще не разобрались в причинах твоего состояния...

— Лично я эту шараду решила. Чао!

Она шагала по коридору, Элеонора семенила следом, уговаривая:

— Надо оформить документы. Так не делается...

Нажав кнопку вызова лифта, девушка обернулась:

— Уверена, что вы справитесь. Вещи пусть папа завезет. Надеюсь, его это не затруднит. В крайнем случае, пришлет курьера.

— Завезет, конечно, — выпрямленную фигуру и спокойное лицо докторши скрыли от Юльки закрывающиеся двери.

На крыльце девушка остановилась, наслаждаясь холодным, пропитанным запахом прелой листвы ветерком. Атмосфера напоминала Грозовые утесы, разве что воздух там невесомее, а здесь он такой родной: сочный, терпкий. Хотелось побежать, раскинув руки, закричать во весь голос, но слабость от долгой неподвижности давала о себе знать. Придется восстанавливать форму! Юльке не привыкать, на этот раз будет проще, чем из неженки-принцессы вылепить вполне пригодного скалолаза.

Медленно спустилась. Одна ступенька, вторая, третья...

— Юля! — Илья спешил навстречу, чуть отведя в сторону руку с букетом.

— Привет. На свидание? — Ветрова указала глазами на розы.

— К тебе шел. Думал поставить на тумбочке в палате. На! Здорово, что ты проснулась. Провожу?

Он хотел обнять Юлю за плечи, но она отстранилась. Мяла в руках шуршащую упаковочную бумагу, разглядывала пять бутонов нежного цвета: переходящего из бледно-желтого в коралловый.

— Извини, Илюш, — промямлила она, — столько всего произошло. Мне нужна пауза.

— Что произошло? Какая еще пауза? — Парень наклонился, заглядывая ей в лицо.

— Не важно. Просто я не в силах общаться с людьми из окружения отца.

— Ах-хаха! — запрокинув голову засмеялся Илья и крепче прижал девушку к себе. — А я-то думаю, чего это меня угораздило уволиться из фирмы! Интуиция!

— Ты больше с ним не работаешь? — удивилась Юля.

Они шли по блестящему сырому асфальту, не замечая спешащих мимо людей. Илья рассказал, что его позвали в университет. Он будет трудиться над диссертацией и вести семинары у студентов. Зарплата куда меньше, но зато перспективы, да и творческая составляющая. Надоело быть на побегушках. Говорили о тренировках: Юльке надо как следует подкачаться, ведь будущим летом они отправятся в горы. Да! Да! — кивала Ветрова — она обожает горы.

Зашли домой. Маме уже сообщили о том, что спящая красавица сбежала из клиники, Ираида Петровна сорвалась с работы и успела по пути закупить разных вкусностей. Илья ей приглянулся, о том, что он раньше работал в фирме Ветрова, не упоминали. Много смеялись, говорили тосты, звеня стаканчиками с морсом.

Эпилог

— Классная у тебя мама! — говорил Илья, прощаясь. Юля вышла с ним на площадку. — Настоящая! Не то что эта мымра Солодовникова. Не понимаю, как ей удалось твоего отца окрутить.

— Какая еще Солодовникова? — вытаращилась на парня Юлька.

— Элеонора! Мы ее по-старинке называли. Это же кузина нашего, то есть их, начальника охраны.

— А-а-а...

Илья чмокнул ее в щеку на прощанье и побежал вниз по лестнице. Юля зашла в прихожую и прижалась спиной к двери.

— Ничего себе! Вот это новость.

— Что случилось, Юляш? — мама выглянула с кухни. — Сейчас посуду перемою и забегу, поболтаем.

— Все нормально, мам.

Юлька прошла к себе и начала вышагивать по комнате. Что же это получается? Элоия — сестра Тиннета Апола? Та самая девушка, что проиграла отбор?

Теперь отравление Юллы выглядело совсем иначе. Милая чаровница задумала посадить на трон Росистых лугов сынулю и организовала покушение на Ясную зарю. Им удалось представить дело так, будто убить хотели Диин. Подруга так и не назвала имя отравителя. Возможно, Зергэ обещал ей вечную любовь, если она угостит принцессу яблочком.

Так или иначе, Юлла в опасности! Как бы ее предупредить?

— Элих! — взмолилась Ветрова. — Береги Ясную зарю!

— Что? С кем ты говоришь, Солнце? — мама, вытирая руки о фартук, зашла в комнату.

— Так. Фантазирую. — Юля подошла к матери и крепко обняла. — Лучшая в мире мамочка! Я тебя обожаю!

Они стояли в обнимку и улыбались.

«Все, — думала девушка, — это больше не мои проблемы. Пусть разбираются сами».

Конец